

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**НОЯБРЬ
2011**

**ХЕШВАН
5772**

№ 11(235)

ЛЕХАИМ 11/235

Ежемесячный литературно-публицистический журнал
выходит с 1991 года

Главный редактор

Борух Горин

Административный директор

Яков Ратнер

Ответственный секретарь

Елена Калло

Художественный редактор

Евгения Черненкова

Выпускающие редакторы

Лариса Беспалова, Ишайя Гиссер, Галина Зеленина, Александр Иличевский, Ирина
Мак, Афанасий Мамедов, Йеуда Рабейко, Михаил Эдельштейн

Помощник художественного редактора

Дмитрий Кобринский

Корректор

Виктория Рябцева

Авторы макета

Андрей Бондаренко

Дмитрий Черногаев

Художники

Павел Шевелев (с. 38) Александр Горнов (с. 61, 64, 69) Наталья Успенская (с. 70, 71,
73) Дмитрий Швионков-Кисмелов (приложение)

Фотографы

Вадим Бродский (с. 1); Edward Serotta (с. 4, 54); Frederic Brenner (с. 47); из архива
Жореса Медведева (с. 49); из архива Павла Нерлера (с. 50); из архива Никиты Петрова (с. 51); из
архива Юрия Фельштинского (с. 52); David Peters (с. 59); Ирина Мак (с. 92); Marcin Kalinski (с. 96);
Иуа Rabinovich (с. 92); Евгения Гершкович (с. 99); Георгий Франгулян (с. 100); из архива Ефима
Александрова (с. 101)

Фото предоставлены агентствами

Фото ИТАР-ТАСС (с. 108, 109)

East News (с. 111)

На обложке

Памятник Исааку Бабелю. Скульптор Георгий Франгулян. Одесса. Фото Георгия
Франгуляна

Подписано в печать 12.10.11.

Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.

Объем 16 печ. л. Цена договорная

ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати, регистрационный номер
01126 от 22.05.92

© «Лехаим», 2011

Адрес редакции: 127018, Москва,

2-й Вышеславцев пер., 5а.

Тел.: (495) 710-88-03

E-mail: lechaim (@) lechaim.ru

Internet: <http://www.lechaim.ru/>

За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых продуктов редакция
ответственности не несет.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Сайт: <http://www.оаомпк.ru>, <http://www.оаомпк.рф>

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ОБРАЩЕНИЕ ШЕФА К ЧИТАТЕЛЯМ

עֵי עֵי לְעַד דְּאֵלֵינוּ דְּאֵלֵינוּ

Г-споди, как опостытели вечные темы! Два народа — два государства, кто есть еврей, земля и кровь, мыслим ли еврей без Б-га... Что называется, как будто и не уходил. Год за годом, столетие за столетием евреи терзают друг друга, а мир терзает евреев все теми же дилеммами. Вот бы договориться, что мы исключаем из дискурса эти вопросы, но тогда, похоже, нам не о чем будет спорить. Именно эти вечные темы продолжают быть наиболее актуальными.

Есть в Израиле писатель Йорам Канюк. Хороший писатель. То есть художественная проза его, на мой вкус, так себе, зато документальная — отменная. Вот-вот на русском выйдет его книга «Исход» — беллетризованная биография легендарного капитана «Эксодуса» Йоси Харэля, история человека, который, по мнению Канюка, был велик тем, что любил свой народ и свою страну намного больше, чем самого себя. И Канюк любит своего героя именно за эти качества. Такая система ценностей двигала поступками и самого писателя. В 17 лет он — боец «Пальмаха», потом — участник Войны за независимость. Во многих его произведениях именно эти ценности поставлены во главу угла.

Восьмидесятилетний Канюк продолжает писать. Его роман 2010 года «1948» удостоен престижной израильской литературной премии Сапира 2011 года. В недавнем интервью он говорит: «Мое поколение <израильтян> учили не быть евреями, потому что еврейское означало галутное. Я стал евреем и в своем творчестве, и в своей жизни, встретившись с жертвами Катастрофы <...> Главное влияние на мое творчество оказал Танах».

Однако, если спросить среднестатистического израильянина, чем в последнее время прославился Канюк, он вряд ли вспомнит роман и премию.

Йорам Канюк в мае 2011 года обратился в Бюро регистрации МВД Израиля с требованием изменить в своем досье в графе «религиозная принадлежность» запись «иудаизм» на запись «без вероисповедания». В канун последнего Рош а-Шана суд признал его право на такой выбор. В дни между Рош а-Шана и Йом Кипуром около ста жителей Тель-Авива создали комитет, поддерживающий позицию Канюка. Вот только в чем она, эта позиция, боюсь, мало кто из них разобрался. Сам Канюк говорит довольно внятно: «Мне неприятен официальный чиновничий иудаизм в Израиле. Я ничего общего с этим иметь не желаю!» И далее: «Я с Б-гом играю в кошки-мышки».

История с Канюком, изучавшим книги по хасидизму и каббале, знатоком мидрашей, напомнила мне старый анекдот о двух молодых берлинских вольнодумцах, которые прослышали, что в самом Вильно на окраине живет «апикойрес», старый вольнодумец Хаим. Добравшись до Вильно, берлинцы с трудом отыскали покосившуюся избушку за чертой города. Войдя в нее, они увидели в клубах дыма длиннородного старика, обложенного горами книг. Хаим весьма обрадовался, узнав, что гости его единомышленники. Будет с кем обсудить темное место в трактате «Укцин» и остроумную язвительную

реплику Раавада в адрес самого Рамбама, следы христианского влияния в «Зоаре» и... Опешившие берлинцы, заикаясь, сообщили Хаиму, что ни имен таких, не тем более названий книг они никогда не слыхивали. На это Хаим заметил им: «Что ж вы врете, что вы вольнодумцы, вы обыкновенные невежды!»

Агдә Агдә

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

לְיָנוּ אֵלֹהִים עֲשֵׂה אֵימָת

26 I ENAI A, 5721

<...> Что касается Вашего вопроса, всегда ли Вы должны отвечать на вопросы мальчиков, которых, как Вам кажется, интересуют не столько Ваши ответы, сколько возможность высказать свою точку зрения.

Было бы крайне нежелательно создать у детей впечатление, что на их вопросы нет достойных ответов. Если речь идет о Торе и заповедях, то сам факт, что вопрос остался безответным, может, так или иначе, ослабить их желание соблюдать заповеди. С другой стороны, опыт показывает, что в длительных пустопорожних дискуссиях, которые занимают много времени и приносят немного пользы, нет ничего хорошего. Соответственно, Вам необходимо найти «золотую середину» между этими двумя крайностями. Если Вы знаете этих мальчиков достаточно долго, Вы, безусловно, сможете оценить, до какой степени можно вступать с ними в дискуссию. В любом случае зхус а-рабим («заслуги многих») защитят Вас от возможных проблем.

Я надеюсь, что Вы вкладываете все больше сил в изучение Торы, как нигле[1], так и нистар[2], соответственно сказанному: «святость увеличивают, а не уменьшают»[3]. Помните, что с каждой заповедью нам даются силы ее исполнить. <...>

2 I ENAI A, 5716

<...> Праздник Песах традиционно связан с вопросами воспитания, как на национальном, так и на семейном уровне.

Если говорить о народе в целом, то именно освобождение из египетского рабства стало началом рождения еврейского народа, его воспитания и подготовки к получению Торы. Само слово «Тора» означает «учение», «наставление», поскольку она наставляет и учит нас, как следует жить.

Что же касается семьи, то Песах – время, когда, читая Агаду во время седера, мы исполняем заповедь «...И скажи твоему сыну в тот день...»[4] – неотъемлемую часть празднования и соблюдения Песаха.

Песах – наиболее подходящее время еще раз задуматься о проблемах религиозного образования, а также о связанных с этим праздником практических действиях.

Следует помнить, что все наши праздники (и Песах в особенности) связаны с многочисленными законами и обычаями, смысл которых не исчерпывается моментом их исполнения, ведь их влияние распространяется на весь год, вдохновляя нас в нашей повседневной жизни. Это важно для всех евреев, но в первую очередь – для наших детей.

На практике, однако, мы видим, что, вместо того, чтобы использовать преимущество праздничных дней для более интенсивного воздействия на детей, в силу различных причин мальчиков и девочек просто отпускают из учебных заведений, ешив и талмуд тор, причем не только на время праздников, но уже за несколько дней до этого.

На «прежней родине»[5] прекращение учебы на время бейн а-зманим[6] не оказывало такого негативного влияния на воспитание, поскольку окружение, и семья в особенности, было наполнено теплым духом живой еврейской традиции. В этой ситуации задача учебных заведений сводилась к заботе об увеличении уровня познаний в Торе.

В наше время, и особенно в этой стране[7], задача учебных заведений – не только распространять знания, но в первую очередь внушить детям основы веры, желание в максимальном объеме соблюдать заповеди в повседневной жизни.

В этих обстоятельствах освобождение детей от занятий на время праздников лишает их жизненно важного воздействия именно тогда, когда его следует получать в максимальном объеме.

Поэтому я призываю всех, кто работает в сфере еврейского образования, заново оценить ситуацию и предпринять необходимые шаги, чтобы компенсировать наносимый образованию урон. В частности, я предлагаю следующее:

1. Дать детям возможность собраться накануне праздника (эрев йом тов) или, если это невозможно, как можно ближе к празднику, для изучения законов и обычаев этого дня, их смысла, значения и идеи.

2. Крайне важно, чтобы во время праздника или, по крайней мере, в холь а-моэд[8] учителя и воспитатели нашли время и место для встречи с детьми, дабы воспользоваться преимуществом этих драгоценных дней, дать детям прочувствовать дух праздника, научить их, как воплощать его в конкретные поступки.

Безусловно, я в курсе связанных с этим технических проблем: что учитель может жить в отдалении, что ученики рассредоточены по всему городу и т. д. Однако всегда можно найти силы и средства, чтобы решить эти проблемы: местом встречи совсем не обязательно должна быть ешива, для достижения этих целей не обязательно собирать учеников из одного класса или одного возраста, под

руководством конкретного учителя и т. д. Главное – создать общую, всеобъемлющую учебную программу, связанную с праздником.

3. Я призываю еврейских родителей не полагаться целиком и полностью на учебные заведения, помня, какое огромное влияние оказывает на детей окружение, в котором они оказываются во время каникул. С другой стороны, то, что ребенок не находится в школе, не только налагает на родителей дополнительные обязанности, но и дает им редкую возможность воспитывать и наставлять своих детей.

Дай Б-г, чтобы все еврейские дети, мальчики и девочки, собрались вместе, независимо от того, к какой из четырех категорий, перечисленных в Пасхальной агаде^[9], принадлежит каждый из них. Чтобы они хранили и соблюдали «свидетельства, уставы и законы, которые заповедал вам Г-сподь, Б-г наш»^[10], чтобы у них было искреннее желание учиться и поступать в соответствии с мудрыми истинами Торы. <...>

Перевод с английского, идиша и иврита Шауля Андрушака, Йеуды Векслера, Евгения Левина, Эли Элькина

[1]. *«Открытая» часть Устной Торы, то есть Талмуд и труды по еврейскому законодательству.*

[2]. *«Скрытая» часть Устной Торы, то есть мидраши, каббала и хасидизм.*

[3]. *Шабат, 21б.*

[4]. *Шмот, 13:8.*

[5]. *Так американские евреи традиционно называли восточноевропейские местечки, откуда большинство из них эмигрировали в Америку.*

[6]. *Время каникул в еврейских учебных заведениях.*

[7]. *США.*

[8]. *Промежуток времени между первыми и последними днями праздников Песах и Суккот называется холь а-моэд, т. е. «праздничные будни».*

[9]. *Ребе говорит о четырех сыновьях: мудром, злодее, простаке и не умеющем задать вопрос.*

[10]. *Дварим, 6:20.*

НЕ ПОТЕРЯЙ ДОЛЮ В МИРЕ ГРЯДУЩЕМ

Аиде Эацад

Трактату «Пиркей Авот» («Поучения отцов») предпослано краткое вступление: «Есть у каждого из детей Израиля доля в Мире грядущем, ибо сказано: “И народ твой все праведники, навеки унаследуют землю, ветвь насаждений Моих, дело рук Моих на славу”». Это вступление мы читаем перед изучением «Пиркей Авот» и по завершении чтения каждой главы трактата.

Обычно необходимость повторять эти слова вновь и вновь объясняется так: наши праведники и духовные учителя, чьи наставления приводятся в «Пиркей Авот», ставят перед еврейским народом очень высокую моральную планку. Тот, кто всерьез изучает трактат и стремится соответствовать заданным в нем стандартам поведения, запросто может отчаяться: слишком высокие требования! Обычный человек никогда не будет соответствовать им, поэтому шанс удостоиться милости от Б-га ничтожен, если только вообще существует. Чтобы придать изучающему оптимизма, ему надо каждый раз напоминать: ничто не потеряно, никто не потерян, у всех есть доля в Мире грядущем!

Наверное, по существу такое объяснение верно, однако мне хотелось бы дополнить его. Что значит «народ твой все праведники»? На первый взгляд эта фраза (Йешаяу, 60:21) содержит явное преувеличение. Разве нет среди нас откровенных грешников? Разве нет таких, кто не ходит в синагогу и даже не соблюдает заповеди?! Есть такие люди. Но недаром мудрецы Талмуда учат: «Даже грешник наполнен заповедями, как плод граната — зернами». Не бывает «совершенного злодея»: если даже чьи-то грехи бросаются в глаза, это все-таки человек, сотворенный по образу и подобию нашего небесного Отца, наделенный бессмертной душой и потому несущий добро в глубине своего существа.

Мы часто глядим на ближнего с осуждением. Это неправильно, но объяснимо: каждый человек в душе своей тянется к хорошему, поэтому его возмущает любое отклонение от хорошего. А правильные поступки часто не замечаются: ведь поступать правильно для человека так естественно. Вот и выходит, что мы склонны больше обращать внимание на неправильные поступки, поэтому нам кажется, что люди хуже, чем они есть на самом деле.

Одним из сторонников такого взгляда на ближнего был известный наш праведник, раввин Леви-Ицхак из Бердичева. Он говорил своим ученикам, что главная цель в жизни — показать Б-гу, как много хорошего заложено в каждом из Его сыновей.

Известна история о том, что как-то раз накануне Песаха Леви-Ицхак послал своих учеников в город — собрать у евреев как можно больше шелка и как можно больше хлеба. Надо отметить, что в тот год царь запретил торговать шелковыми тканями. Через несколько часов ученики вернулись с несколькими отрезами шелка: хлеба мы не нашли, сказали они, во всех домах уже избавились от квасного, даже для раввина не нашлось.

Тогда Леви-Ицхак воззвал к Б-гу: «Вот видишь, Отец, какой праведный народ Твой! Царь запретил торговать шелком, у него есть армия и полиция, тюрьма и каторга — но люди их не боятся, черный рынок все равно процветает. А Ты запретил восемь дней держать квасной хлеб в доме — и все повинуются, хотя нет у Тебя солдат и полицейских!»

Даже если еврей нарушал заповеди, раввин Леви-Ицхак оставался верен своему принципу — видеть в человеке хорошие черты. Рассказывают, однажды он встретил на улице еврея, который курил в субботу. «Ты забыл, что в субботу нельзя курить?» — спросил он. Еврей сказал, что не забыл. «Может быть, у тебя есть особая причина нарушить заповедь?» — вновь спрашивает Леви-Ицхак. Да нет, говорит еврей, просто хочу и курю! Тогда раввин обратился к Б-гу — и что, вы думаете, он сказал? «Вот видишь, Г-сподь, какой святой народ у Тебя! Он предпочитает признаться в грехе, но не врать!»

Мысль о том, что каждый человек в основе своей хорош, содержащаяся во вступлении к «Пиркей Авот», помогает нам в решении насущных вопросов. Например, в воспитании детей. Б-г не говорит нам: «Если вы будете праведными, Я дам вам долю в Мире грядущем». Он уже дал нам долю в Мире грядущем и просит только не терять ее, хранить верность своей природе! Точно так же и родителям нет

смысла подкупать ребенка обещанием подарков: дескать, будешь вести себя хорошо, мы дадим тебе то-то и то-то. Гораздо более разумный подход — объяснить, что Б-г уже дал ему великие дары, которые он может потерять, если будет вести себя неправильно. Наша праведность, наша доля в Мире грядущем — это и есть наша подлинная сущность: то, что Б-г даровал каждому из нас. И задача человека в этом мире — не изменить себе.

ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕЦН

Хана Шнеерсон

Недавно в главной библиотеке Любавичского движения в Нью-Йорке, «Агудас хасидей Хабад», была обнаружена ценная рукопись: полный текст воспоминаний матери Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона ребецн Ханы Шнеерсон, записанный в конце 1940-х — 1950-х годах и повествующий о тяжелейших страницах в истории семьи — аресте и тюремном заключении отца Ребе — днепропетровского раввина Леви-Иццока Шнеерсона. Ранее рукопись была известна лишь фрагментарно, и отдельные ее фрагменты публиковались (см. сб.: «Цадик ле-мелех» [выпуск 4, Бруклин, 5753], «Эм бе-Израэль» [«Кегос», Израиль, 5743], «Толдот Леви-Иццок» [«Кегос», Израиль, 5737, 5744, 5755]). Обнаружение текста записок ребецн Ханы имеет особое значение для хасидского мира, но представляет большой интерес и для широкого читателя: это уникальные, непредвзято записанные воспоминания о советской действительности периода массовых репрессий, свидетельство очевидца о репрессиях в среде еврейства.

באאוי וואו א ציאודני

נ' א-עטע י"ז תשרי, תש"ב, י"ז אב תש"ג, 5708 א"ה (17.09.47 א) [1]

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

אבאנו

28 марта 1939 года^[2] в три часа ночи в наш дом по адресу ул. Баррикадная, 13 зашли четверо сотрудников НКВД. Они спросили: «Кто тут раввин Шнеерсон?»

Когда я направилась в комнату, где сидел муж, чтобы спросить, может ли он принять гостей, они пошли следом, и я заметила, что у каждой двери, через которую мы проходили, начиная от входной, один человек оставался — как бы на страже. Без церемоний они зашли в кабинет следом за мной, и старший из них предъявил ордер на обыск и арест.

Не теряя ни минуты, они тут же приступили к делу — то есть к обыску.

Все книги, которые стояли в пяти больших шкафах, они тщательно перелистали и пересмотрели, ни одной не пропустив. Один из них просматривал книги более тщательно, и остальные, когда какая-то из книг вызывала у них подозрения, обращались к нему как к эксперту.

Книги по каббале, респонсы, записки, раввинские бумаги, обширная зарубежная переписка (письма и телеграммы) — всё они перерыли. Письмо от Ребе, да покоится душа его в Раю[3], подтверждения раввинской смихи[4] от лодзинского раввина Элияу-Хаима[5], от рабби Хаима[6] Брискера[7], приглашение на должность главного раввина Яффо[8] с визами для всей семьи, переписка с «Джойнтом» по поводу помощи для Екатеринославской области и другие подобные бумаги — все это они забрали с собой.

В отдельном шкафу, среди других книг особой ценности, лежала книга, в которой была пометка, сделанная рукой Алтер Ребе, и рукопись книги по хасидизму Ребе Цемаха Цедека. Их они пропечатали какими-то штампами, позволяющими, чтобы эти книги остались в доме, и они были со мной до самого отъезда[9]. Заметки по хасидизму моего мужа, которые исчислялись тысячами листов, они разложили на несколько аккуратно уложенных стопок, которые потом упаковали и отложили в сторону.

Всю эту работу делали три человека, не прерываясь ни на минуту.

В шесть утра, когда обыск во всех комнатах был завершен, старший сказал: «Раввин, одевайся и пошли!»

Это было за неделю до Песаха, и поскольку было вполне очевидно, что праздник он проведет не дома, муж мой попросил, чтобы ему разрешили взять с собой два кило мацы, которая лежала в пакете. Они дали разрешение.

Я спросила, как можно узнать, где будет находиться мой муж, чтобы передать ему деньги и что-нибудь из еды. Мне сказали прийти завтра в два часа дня в управление НКВД, где я все выясню.

На следующий день я пошла туда, но выяснить, к сожалению, ничего не смогла. На все просьбы разрешить мне передать что-нибудь для мужа мне отвечали, что его здесь нет. Видя, что дело плохо, я написала прокурору, что мой муж болен, и указала, что если я не принесу ему еду из дома, то в Песах он ничего не будет есть. Поэтому я прошу разрешения приносить ему еду из дома. Мне пришел официальный ответ: этого делать не разрешается, а в тюрьме мужу приготовят все, что ему положено по закону.

Разобрав на протоколе ареста фамилию человека, в ведении которого оказался мой муж, я целый день, с утра до вечера, звонила ему в НКВД. Каждый раз он передавал мне приветы от мужа, рассказывал, что тот обеспечен всем необходимым и что у него даже есть Сидур, так что он просто сидит и читает себе.

Так продолжалось на протяжении пяти месяцев. Раз в десять дней, когда тот человек оказывался на дежурстве, я приходила к нему, приносила еду или белье для мужа, но каждый раз слышала в ответ, что он находится не здесь, хотя прокурор несколько раз повторил мне, что муж именно там.

וְיָשָׁב עִירָא דְרַבְרַבִּי חַיִּים בְּרַבְרַבִּי חַיִּים בְּרַבְרַבִּי חַיִּים

Примерно за месяц до ареста мужа я обратила внимание на двух подозрительных парней, которые целый день до позднего вечера крутились вокруг нашего двора, высматривая все, что только можно увидеть. Вначале я решила, что не стоит сама себя запугивать, но месяц спустя мне стало ясно, что к чему.

В Пурим у нас собралась прекрасная компания, праздновали до шести утра. Кроме людей пожилых, было и несколько молодых ребят, в том числе старшекласники и студенты, которым строго запрещалось участвовать в подобных мероприятиях. Муж говорил много слов Торы, произнося их с огромным жаром, и собравшиеся были охвачены чувством радости и преданности ему. Веселье включало в себя также танцы — вещь, о которой в те времена боялись даже подумать. Люди не хотели расходиться — им было тяжело расставаться со своим раввином. Позже я подумала: возможно, у людей было предчувствие, что эта их встреча с ним окажется последней.

Когда, наконец, стали расходиться, от нашего дома уходили не все сразу, но группами по два-три человека, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Выйдя из дома, я опять заметила парочку подозрительных парней, проходивших по улице. А на следующий день после ареста мужа они исчезли. Стало понятно: они были приставлены наблюдать за домом.

Βασίλειος Ἐπισημοῦ Ὁμιλοῦ

ἘΙΣΑΦΙ ἈΒ Ἰ ἈΟἶ, ΟὐἰἈΠΕἈἰ Ἰ ἈΒ ἈἘἈΝ᾽Οἶ Ἐ

В том году[10] испекли мацу по заказу властей, но это была маца только по названию — никакие требования кашрута при ее изготовлении не соблюдались.

Это[11] не давало мужу покоя, и он поставил перед собой задачу: сделать так, чтобы у каждого, кто хочет иметь мацу, кошерную по всем требованиям закона, была возможность ее приобрести. Люди взялись за работу — откошеровали две самые большие мельницы, достали новые сита, организовали ашгоху под наблюдением большого числа машгиахов и направили в исполком перечень из десяти пунктов, которые должны исполняться в пекарнях и в местах, где продавали мацу. Муж также объявил, что он или кто-то из членов раввинского суда придет туда [чтобы удостоверить кошерность] только после того, как все эти требования будут исполнены.

В ответе, который пришел, сообщалось, что все его требования исполнены и что мука с рынка для выпечки мацы использоваться не будет.

Население тогда получало продукты по карточной системе, то есть человек получал, скажем, только 30 грамм хлеба на день. За такой мелочью, как новый мешок, приходилось обращаться к высокому начальству — и даже тогда не всегда удавалось его получить. А в Днепропетровске власти, чтобы обеспечить еврейское население кошерной мацой, выделили тысячи мешков и тонны белой муки — в то время как все в городе ели только черный хлеб.

В результате со всей Украины, из Белоруссии, из Москвы и Ленинграда ехали в Днепропетровск за мацой. Все синагоги были заставлены ящиками в ожидании доставки мацы.

Из всех пекарен звонили в конце дня в пятницу с вопросом, когда нужно завершить выпечку перед субботой и когда можно разжигать печи на исходе субботы. Также часто спрашивали, как нужно себя вести с маим шелону[12]. И все это происходило, не стоит забывать, во времена, когда человек, который хотел вести религиозный образ жизни — соблюдать субботу, например, — должен был делать это в глубочайшей тайне, чтобы о его поведении не узнали ни соседи, ни кто-либо еще.

Как-то один машгиах сообщил, что тесто, приготавливаемое из четырех пудов муки, находилось на столе лишние пять минут. Он тут же распорядился отдать его в другую пекарню, где пекли хомец. Для мацы же взяли другую муку.

Врачи из санитарной инспекции тоже задавали всем множество вопросов: как лучше сделать, чтобы все максимально соответствовало пасхальным требованиям. Даже при прежнем режиме, когда позиции религии были сильны, никакой общине не удавалось добиться такого содействия от властей.

Тем евреям, которые были заинтересованы в кошерной маце, все это доставляло подлинную радость, они испытывали истинное духовное наслаждение. Моему мужу много здоровья стоило обеспечить евреев всем необходимым для получения праздничного удовольствия, хотя самому ему радоваться в праздник уже не довелось. Он соблюдал Песах очень строго, и все восемь дней провел только на воде и на той пачке мацы, которую взял с собой в момент ареста, причем несколько кусков из нее он отложил еще на Песах шени[13].

Чтобы осуществить все вышеописанное, моему мужу приходилось несколько раз ездить в Харьков[14] в Совнарком и в Москву — на встречу с Калининным[15].

*יְאִדְיָא נִי עֵעֶוֹא
וֹאֶ אֶעֶדוֹא אֶעֶי אִידִי*

יִדְיָעֶא אִי עֵי יֶעֶאָוֹ

[1]. *Дата написания записок, указанная самой ребецн.*

[2]. *В ночь на 9 нисана 5699 года. См. записки раввина Леви-Иццока о его заключении и ссылке (напечатаны в предисловии к «Ликутей Леви-Иццок» на книгу «Танья», на раздел «Берешит» книги «Зоар» и др.): «Я Леви-Иццок, сын Зельды-Рохл, находился в заключении в течение 5 лет... [Первый этап] с 9 нисана 5699 г. до 15 швата 5700 г.».*

[3]. *Ребе Рашаб.*

[4]. *См. также беседы Ребе на 20 менахем-ава 5711, 5712, 5722 годов: «Торат Менахем — Гитваадуйт» 5711, часть 2, с. 257, 5712; часть 3, с. 124; 5722, часть 3, с конца с. 213 и далее.*

[5]. *Раввин Элияу-Хаим Майзель из Лодзи (9 сивана 5581 — 14 ияра 5672).*

[6]. *Раввин Хаим а-Леви Соловейчик, глава воложинской ешивы и глава раввинского суда Бриска [Бреста] (Шушан Пурим [15 адара II] 5613 — 21 менахем-ава 5678).*

[7]. *По поводу получения подтверждения смихи от раввина, гаона из Бриска, см. письмо Ребе Рашаба, написанное на исходе субботы, в 5-ю ночь Хануки 5667 года («Игрот кодеш» Ребе Рашаба, т. 6, с. 92): «Уважаемый внук моего дяди, душевный друг мой, раввин и хасид, прославленный и пользующийся уважением, боящийся Б-га и т. д., наш учитель и раввин Леви-Иццок, да продлятся твои дни... Если хочешь получить смиху в Бриске, нужно поехать туда. И не сомневаюсь, что он [гаон из Бриска] приблизит тебя, ибо он истинно Б-гобоязнен. Мне сложно писать ему по этому вопросу (тем более что раньше я никогда ему не писал), но в этом на самом деле нет необходимости. Если он дает смиху, то надеюсь, что ты сможешь получить у него такое подтверждение, а если нет, то он даст тебе рекомендательное письмо». И см. также беседы Ребе, указанные в сноске 4.*

[8]. *См.: Толдот Леви-Иццок. Ч. 1. С. 189.*

[9]. *Ребецн Хана оставила Днепропетровск в последний раз примерно за месяц до праздника Песах 5701 года. Книги и рукописи, которые остались в их доме в Днепропетровске, были уничтожены в 5702 году нацистами.*

[10]. *5699 год.*

[11]. По поводу излагаемого далее см. также беседы Ребе: 18 нисана 5743 года, раздел 6 и далее; 18 нисана 5744 года, раздел 6 и далее; 6 тишрея 5750 года, раздел 3 и далее («Торат Менахем — Гитваадуйот» 5743, часть 3, с. 1295 и далее; 5744, часть 3, с. 1493 и далее; 5750, часть 1, с. 62 и далее).

[12]. Дословно «вода, которая переночевала». Ее набирают с вечера из природного источника, а на следующий день используют для замешивания теста для мацы.

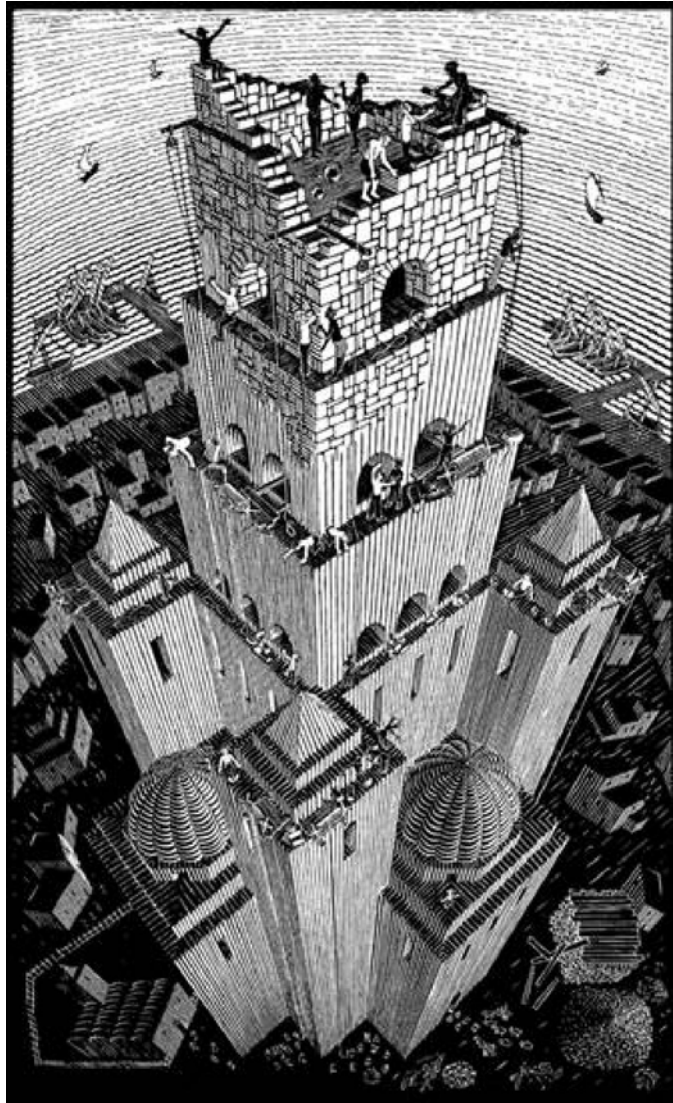
[13]. См.: Игрот кодеш. Ч. 2. С. 352, 350.

[14]. Столица УССР в 1919–1934 годах.

[15]. Михаил Калинин (1875–1946) — председатель ВЦИК в 1922–1946 годах.

1996

Āāīēāī ēī Āāīīēēīā

*Ī īōēīī Ÿōāī
Āāāēēīīīēāy āāōīy.*

1928 āā

I

Это произошло в 1996 году от сотворения мира, когда «был на всей земле один язык и слова одни. И случилось: двинувшись с востока, они нашли долину в земле Шинар и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а горная смола была у них вместо глины. И сказали они: давайте построим себе город и башню, главой до небес; и сделаем себе имя, чтобы мы не рассеялись по всей земле» (Берешит, 10:1-4). Продолжение истории хорошо известно каждому: так началось строительство Вавилонской башни, закончившееся, как рассказывается в последующих стихах Библии, полным крахом, рассеянием, а также возникновением многих языков. И если память о строителях Вавилонской башни и имя их предводителя [\[1\]](#) сохранились в людской памяти, то произошло это отнюдь не вследствие их великого начинания, а как раз благодаря той силе, вмешательство которой в ход истории они, как считают некоторые, хотели предотвратить.

Как часто бывает с текстами Писания, рассказ о Вавилонской башне не столько предлагает читателю законченную историю, сколько создает ее общую рамку, устанавливая тематические и сюжетные вехи, служащие отправной точкой для последующих комментариев. Многовековая герменевтическая традиция породила многочисленные описания тех событий; стихи Писания и комментирующие их мидраши складывались в самые разные мозаики, изображающие «нимродианское» общество и его отличительные особенности. Ниже мы остановимся на двух моделях этой древней цивилизации. Их характерные признаки удивительно напоминают черты тех обществ, призрачные очертания (а иногда и реальный облик) которых угрожающе возникают перед нами в получившем широкое распространение в XX веке жанре антиутопий. В первой части настоящей статьи мы рассмотрим представление об обществе строителей Вавилонской башни как технологической антиутопии, а во второй перейдем к концепции тоталитарной антиутопии.

וְאֵלֵי יְהוָה אָנְעִיב אֵי וְעֹוֹי יֵב

*וְנֹאעֶה וְיֵעֹ עֵדֵי עֵ-עַ אֵי אֲדֹי עַיִי יֵאֶ,
אֲדֹי אֵי מִ יֵעֹ אֲדֵעֵה וְיֵעֹ אֵי אֲדֹי אֵעֵי וּ.*

Почему Тора останавливается на этих технологических новшествах? Рабби Ицхак Абарбанель (1437–1508), сам живший в эпоху бурного развития техники и разнообразных механических устройств и приспособлений[2], делает эту фразу ключевой в своей интерпретации истории Вавилонской башни. Он предваряет тщательный анализ соответствующих библейских стихов кратким экскурсом в предшествующую этому событию историю человечества. Основную движущую роль в ней играет негативный фактор: фактор труда, ведущий одновременно к технологическому прогрессу и к нравственному упадку, а также к порабощению человека, утрате им естественной свободы.

Жизнь Адама и Хавы в райском саду была естественной и близкой к природе. Все, что нужно людям для существования, «было дано в природе, так что не было никакой надобности в человеческом труде, и посему Адам мог, не утруждая себя поисками средств к существованию, посвятить себя познанию Б-га, для чего и был сотворен»[3]. Абарбанель рассматривает грех Адама в рамках антитезы естественного и искусственного: тот предпочел последнее и пренебрег первым[4]. Проклятие труда ложится в основу человеческой цивилизации, одновременно приводя к удалению от Б-га. В тех же терминах обрисовывается и противопоставление Каина и Авеля. Абель, как впоследствии Авраам, Ицхак, Яков и Моше, избрал долю пастуха, наиболее близкую к естественному миру и максимально удаленную от блеска и нищеты цивилизации. В отличие от него, Каин, занявшись земледельческим трудом, встал на путь технического прогресса, и прискорбные результаты его деятельности в нравственной сфере не замедлили сказаться. Построенная с течением времени цивилизация потомков Каина отличалась направленностью на технический прогресс и быстрой урбанизацией[5]. Развитие искусственного, оторванного от природы мира, заполнявшего собой все пространство человеческого общества, не оставляет индивиду никакой лазейки: в допотопной каиновской, урбанистической цивилизации даже максимально близкая к естественному бытию жизнь скотовода оказалась испорчена вторжением благ технического прогресса — появлением шатров[6]. Развитие технологии и урбанистической жизни ведет к моральной испорченности и погоне за наслаждениями, к заполнению души искусственными и поверхностными порождениями оторванной от подлинных ценностей культуры. Глубокая внутренняя порочность этой цивилизации достигла своего апогея в период поколения потопа.

Построение Вавилонской башни после потопа являлось, по мнению Абарбанеля, повторением на коллективном уровне первородного греха, свидетельствующим о том, что человечество ничего не забыло и ничему не научилось. Слова: «Был на всей земле один язык и слова одни» — указывают на утопическое единство, проистекающее из близости с природой, бытовавшее до начала социального эксперимента Нимрода и осуществленной им технологической и социальной революции. Замена простого камня продуктом технологического процесса, кирпичом, означает, что «все их намерение состояло в том, чтобы пользоваться искусственными вещами (т. е. продуктами цивилизации) вместо естественных». Человечество вновь отказывается от предоставленного ему Небесами дара — ведения естественной жизни, в близости с природой и с Творцом, предпочитая наслаждение дарами цивилизации, прелести городской жизни и развитую технологию. «Не удовлетворившись тем, что уготовил им Творец, дарами Его щедрой длани, <...> они устремили свои мысли на ремесла, необходимые при постройке города и башни, дабы жить там единым обществом, <...> думая, что высшая ступень человеческого бытия состоит в жизни в обществе, включающей в себя полномочия, должности, правительства и мнимые почести, а из этого последуют корыстолюбие, грабеж и убийства». Цивилизация, возглавляемая сынами Хама, быстрыми шагами шла по пути общества потомков Каина и лишь то обстоятельство, что на сей раз гроза разразилась в самом начале пути, когда моральное падение не успело еще достигнуть своего апогея, объясняет, что наказанием стало всего лишь изгнание, подобное изгнанию Адама и Каина. Путешествие с востока[7] символически

указывает на путь, проделанный от естественной гармонии с природой к погружению в мир труда, имеющий своей целью удовлетворение низменных стремлений человека и приводящий к его отчуждению от природы и самого себя и порабощению в рамках социума, к утрате человеком своей естественной свободы. Именно в этом — в извращении естественного порядка вещей — и состояла, по мнению рабби Ицхака Абарбанеля, богоборческая тенденция строителей башни, на которой делается акцент в мидрашах[8]. В этой связи интересно отметить определенное сходство описываемых процессов с развитием западной цивилизации в XV веке: переход от Средневековья к Возрождению характеризовался, с одной стороны, значительным техническим прогрессом, а с другой — постепенным отступлением религии, при котором «мировоззрение становилось все более светским и материалистическим, а потусторонний мир сводился на уровень малозначимой тени». Как справедливо замечает Бенцион Нетаньяху, позиция рабби Ицхака Абарбанеля указывает на его глубокое неприятие становящегося материалистического мира Возрождения, который позднее ляжет в основу современной цивилизации[9].

Рассеяние и смешение языков — утрата изначальной гармонии — не просто наказание, но естественное следствие процесса урбанизации и технического развития, создания социальных форм жизни. На смену соответствующего природе, гармоничного, естественного языка приходит множество языков искусственных, являющихся результатом неадекватного представления о мире и создающих ложную призму восприятия: так завершается процесс отчуждения человека от природы и самого себя. В результате человечество теряет былую мудрость: «Погружение людей в строительство башни и в искусственные потребности и направление всех мыслей на эти цели является одной из причин того, что забылся их язык и имевшаяся у них мудрость»[10]. Более того, человек теряет не только социальную, но и метафизическую свободу: смешение языков порождает множество цивилизаций, каждая из которых подчиняется той или иной высшей силе — «небесному князю», или ангелу, препятствующему непосредственной связи с Б-гом.

Дело не только в том, что сами по себе «государство и общественный порядок противоречат природе и Б-жьей воле»[11]. Как верно отмечает Равицкий, «утопия Абарбанеля означает возвращение не только в предполитическую эпоху, но и в идиллическую эпоху до развития техники, когда жизнь носила естественный характер, а материальная цивилизация, связанная с распространением орудий труда, железа, производства — еще не развилась»[12]. Именно технологический прогресс является ключевым элементом антиутопии Вавилонской башни, делая возможным погружение людей в мир воображения и наслаждений, приводя человека к отчуждению от природы, от самого себя и от Б-га и превращая его в раба. Однако, в отличие от современных технологических антиутопий, находящихся в будущем, антиутопия рабби Ицхака Абарбанеля помещена в прошлое. И если первое общество, разращенное технологией, погибло в волнах потопа, второе — цивилизация строителей Вавилонской башни — «заразило» своими недугами всю человеческую историю[13] вплоть до прихода мессии[14].

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

[1]. Им был Нимрод, см.: Холин, 89а.

[2]. См.: Charles Singer, E. J. Holmyard, A. R. Hall, Revor I. Williams, (Eds.) A History of Technology. Vol. II. Oxford: Clarendon Press, 1956. P. 655–657.

[3]. Здесь и далее цитируется комментарий рабби Ицхака Абарбанеля к Торе (Берешит, гл. 10).

[4]. В сущности, Абарбанель следует общему подходу Рамбама, который видит в грехе Адама переход с восприятия мира в категориях объективных истин, правды и лжи, на язык условностей и субъективных интересов, хорошего и плохого — не в нравственном, но в прагматически-инструментальном смысле (см.: Море невухим, 1, 2). Однако особенность трактовки Абарбанеля состоит в том особом значении, которое он придает дихотомии естественного и искусственного.

[5]. Первый город был создан самим Каином, см.: Берешит, 4:17.

[6]. См.: Берешит, 4:20.

[7]. Ср.: Берешит раба, 38:7.

[8]. См.: Сангедрин, 109а.

[9]. B. Netanyahu. Don Isaac Abravanel: Statesman & Philosopher, The Jewish Publication Society of America, Philadelphia, 1968. P. 127, 248.

[10]. Ср.: Сангедрин, 109а.

[11]. Ицхак Бер. Ицхак Абарбанель и его отношение к проблеме политической истории (на иврите). Тарбиц 8, 1936/7. С. 253.

[12]. А. Равицкий. Возможно ли государство галахи: парадокс еврейской теократии (на иврите). Изд-во Израильского института демократии, 2004. Гл. 3. Прим. 37.

[13]. «Грех строителей поколения рассеяния состоял в их предпочтении ремесел, приводящих к излишествам, в заселении города, и он продолжился во всех поколениях».

[14]. Радикальный характер мировоззрения рабби Абарбанеля, его неприятие цивилизации как таковой выделяет его из подавляющего большинства прочих еврейских мыслителей и его современников. В этой связи следует отметить указанную Бенционом Нетаньяху близость взглядов между рабби Абарбанелем и Савонаролой. См. также: B. Netanyahu. P. 248, о напрашивающейся параллели с мировоззрением Руссо.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ПЕЩЕРА МАХПЕЛА?

Евгений Левин

Кому по праву принадлежит находящаяся в Хевроне пещера Махпела? Для еврея ответ на этот вопрос очевиден: согласно Торе, праотец Авраам приобрел это место за «четыреста шекелей серебра», после чего «стало поле Эфровоно, которое при Махпеле, против Мамре, поле и пещера, которая на нем, и все деревья, которые на поле, во всех пределах его вокруг, владением Авраама» (Берешит, 23:17-18).

*Аеа і а і а-аоу і іа еі о і о і е і а о і а е о і о і і а і а а а І а о і а е а
О а а і і. 1862 (?) а а*

Приобретенная Авраамом пещера стала родовой усыпальницей праотцев еврейского народа: согласно Торе, там похоронены Авраам и Сара, Ицхак и Ривка, Яков и Лея. Кроме того, древнее предание считает Махпелу также местом захоронения первых людей, Адама и Хавы (это известно и христианам: со ссылкой на Блаженного Августина ее упоминает рыцарь Зевульф, побывавший в Святой земле в начале XII века, а также автор анонимного трактата XIII века «О земле Иерусалимской»[1]).

Один из мудрецов Талмуда, рабби Йеуда бен Шимон, полагал, что пещера Махпела — одно из трех мест, право на владение которыми у евреев невозможно оспорить, поскольку они были куплены у предыдущих владельцев, а не отняты силой[2]. Однако история показала, что это не так. Как утверждают арабские и другие мусульманские лидеры, Махпела якобы никогда не была еврейской святыней, но всегда почиталась как священное место мусульман. А после того, как израильское правительство внесло могилу праотцев в список объектов национального наследия, ЮНЕСКО было сделано заявление: на состоявшемся осенью 2010 года заседании исполнительный совет этой организации 44 голосами против 1 (при 12 воздержавшихся) объявил пещеру патриархов мечетью.

Тем, что очередной международный форум принял антиизраильскую резолюцию, нас, к сожалению, давно уже не удивить. Однако, что касается статуса Махпелы, то резолюция ЮНЕСКО оказалась направленной не только против Израиля, но и против исторической истины, которая должна быть безразлична организации, занимающейся охраной объектов культурно-исторического наследия.

Даже с точки зрения академической науки почитание могил праотцев началось не позднее эпохи Второго храма — естественно, иудеями, а не мусульманами, которых в то время не было ни в Хевроне, ни где бы то ни было еще. Как свидетельствует Иосиф Флавий, гробницы праотцев были в те времена украшены великолепным мрамором и служили достопримечательностями Хеврона[3]. Тогда же пещера была обнесена стеной, правда, без крыши. Это массивное сооружение выглядело настолько впечатляюще, что через несколько столетий местные жители утверждали, что его соорудили джинны[4].

Христиане также почитали Авраама, Исаака и Иакова. Поэтому в византийскую эпоху Махпела, как и многие другие еврейские святыни, стала церковью. Впрочем, евреям также позволялось молиться в строении над Махпелой. Для них был сделан специальный вход, чтобы они не смешивались с христианами.

После того как Палестину завоевали арабы, христиане были изгнаны из Махпелы, и ее превратили в мечеть. Как пишет персидский путешественник Насир-и Хусрау, побывавший в Хевроне в XI веке, в Махпеле появились михраб (ниша в стене мечети, часто украшенная двумя колоннами и аркой, указывающая направление на Каабу в Мекке), молитвенные коврики, циновки... Однако, в отличие от нынешних исламистов, те мусульмане прекрасно понимали, что это место для евреев свято. Поэтому надзор за пещерой был поручен евреям (в конце XI века смотритель носил титул «служитель отцов мира»), а в части здания была устроена синагога. Об этом, в частности, свидетельствует знаменитый еврейский путешественник Биньямин (Вениамин) из Туделы, побывавший в Святой земле в XII веке: по его словам, в Махпеле в то время находился «большой храм во имя святого Авраама, бывший, во время владычества измаильтян, еврейской синагогой»[5].

Храм Св. Авраама, о котором писал Биньямин, был устроен крестоносцами. Завоевав Святую землю, они вновь превратили пещеру в церковь (правда, католическую, а не православную). Среди тех, кто удостоился побывать в этой церкви, был и черниговский игумен Даниил — первый русский, оставивший описание своего паломничества в Святую землю. О пещере праотцев он писал так: «А от Хеврона до Сугубой пещеры Авраама близко, ближе, чем полверсты. Находясь посреди той крепостицы, пещера теперь хорошо защищена. И вымощена вся та крепостица плитами мраморными, белого мрамора. Пещера же та, где лежат Авраам, Исаак, Иаков и все сыновья Израилевы, находится внизу под вымосткой, хорошо укреплена; и жены их тут лежат, Сарра, Ревекка. И сделаны теперь над пещерою в крепостице той гробы отдельные; над гробами теми выстроены церковки маленькие круглые»[6].

Как писал Биньямин из Туделы, христиане за небольшую мзду пускали евреев в Махпелу: «Если явится еврей и даст денег привратнику пещеры, то ему отворяют железную дверь, сделанную еще во время праотцев, и он спускается вниз с зажженной свечою в руках». Истинность этого сообщения подтверждает другой еврейский путешественник, Петахия из Регенсбурга, который, будучи в Хевроне, именно так и поступил: «Затем р. Петахия пошел в Хеврон и видел там над пещерой большой храм, воздвигнутый праотцем нашим Авраамом из огромных камней, вышиною от двадцати семи до двадцати восьми локтей; угловые же камни имеют каждый около семидесяти локтей. Р. Петахия дал тому, у кого был ключ от пещеры, золотой, чтоб он ввел его внутрь и показал гробницы патриархов»[7].

Ситуация вновь изменилась в 1267 году, когда Хеврон завоевал мамлюкский султан Бейбарс I, который запретил евреям и христианам входить в пещеру. Правда, к евреям султан отнесся более милостиво — им было дозволено подниматься на пять, а позднее на семь ступеней по внешней стороне восточной стены и опускать записки с просьбами о милосердии Творца в отверстие в стене возле четвертой ступени.

После этого Махпела на целых семь веков была закрыта для всех, кроме мусульман. К примеру, русский паломник Ипполит Вишенский, побывавший в Палестине в начале XVIII века, жаловался: мусульмане не пускают в Махпелу ни христиан, ни иудеев. Некоторым паломникам удавалось обмануть «правоверных» — чтобы поклониться святыням, они облачались «в арапское платье» и таким образом иногда пробирались внутрь[8]. Аналогичное свидетельство оставил американец Говард, побывавший в Хевроне в 1858 году: по его словам, местные иудеи жестоко страдали от того, что Махпела закрыта для всех, кроме последователей ислама[9].

Лишь в 1967 году ситуация изменилась. Заняв Хеврон, израильяне оставили ключи от Махпелы в руках мусульман, однако открыли ее для всех желающих. Одним из первых евреев, вошедших в Махпелу после семивекового перерыва, стал тогдашний главный раввин израильской армии Шломо Горен, незадолго до того протрубивший в шофар у Стены Плача.

Вывод, как мне кажется, очевиден. В древние времена Махпела была еврейской святыней, в раннем Средневековье — сначала церковью, затем мечетью и синагогой, затем опять церковью. При этом кто бы ни владел этим местом до Бейбарса, он безусловно признавал его святость для евреев и в той или иной форме позволял им молиться у гробниц праотцев. Поэтому новый порядок, установленный в 1267 году, стал грубым нарушением традиции. И наоборот, правила, установленные Израилем, восстановили древний статус-кво, когда могилы праотцев были доступны всем верующим, почитающим праотцев еврейского народа.

[1]. Зевульф. «Путешествие в Святую землю». См.: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kreuzzug/XII/1100-1120/Seawulf/frameset.htm>, а также «О земле Иерусалимской», см.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kreuzzug/XII/1160-1180/O_zemle_ierusalim/text.phtml?id=7960.

[2]. Берешит раба, 79:9. Два других места, согласно этому мидрашу, — Храмовая гора и могила Йосефа в Шхеме.

[3]. Иудейская война, 4:9:7.

[4]. Mukadassi. «Description of Siria, including Palestine». См.: <http://www.archive.org/stream/cu31924028534265#page/n81/mode/1up>.

[5]. «Книга странствий рабби Вениамина», см.: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Veniamin_Tudel/frameset.htm.

[6]. «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли», см.: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4934>.

[7]. «Кругосветное странствие рабби Петахии Регенбургского», см.: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Petach_Regensburg/text.phtml?id=1083.

[8]. Кириллина С. А. «Очарованные странники»: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010. С. 389.

[9]. *General Convention of the New Jerusalem in the United States of America; Massachusetts New-Church Union (1858)*, см.: <http://books.google.com/books?id=33oUAAAAYAAJ&pg=PA119#v=onepage&q&f=false>.

ГРОБНИЦА РАХЕЛИ

Александр Элькин

Интересно отметить, что в процессе нескончаемого конфликта с арабами на Святой земле «спорными территориями» объявлены все основные еврейские святыни: Старый город Иерусалима и остатки развалин Храма, могилы праотцев в Хевроне, могила Йосефа в Шхеме, могила Рахели в Бейт-Лехеме. Этот аспект конфликта остается не замеченным широкой публикой.

Άδράϊ εὐὰ Βαῦλλε. Ἄδρῃ αἱ Οὐδὲ. Ἰόρδδ. 1903 ἄἱ

В наше меркантильное время такие понятия, как национальное достоинство, религиозные святыни и историческая память, еврейской стороной используются в основном во внутренней политической борьбе, для демагогической аргументации. А для арабской стороны именно эти понятия являются основными мотивами бескомпромиссной войны. В глазах арабов борьба за право владения святыми местами еврейского народа — один из самых надежных путей решения вопроса о еврейской государственности «на землях ислама».

Усилия светских лидеров Израиля, да и еврейского истеблишмента в западном мире затушевывать религиозные аспекты противостояния приносят свои плоды: все реже говорят о святынях — все больше о суммах компенсаций, ссуд и ассигнований. Между тем для любого непредвзятого человека права еврейского народа на святыне для иудаизма места являются очевидными и бесспорными, при этом не только с позиции веры, но и с позиции юриспруденции. В качестве примера рассмотрим историю могилы Рахели в Бейт-Лехеме.

В еврейском календаре месяц хешван прочно связан с именем прааматери Рахели. Одиннадцатого числа этого месяца она скончалась на руках безутешного мужа Яакова: «И когда еще оставалось некоторое расстояние земли до Ефрата, Рахель родила, и роды ее были трудны. Когда же она страдала в родах, повивальная бабка сказала ей: не бойся, ибо и это тебе сын. И когда выходила из нее душа, ибо она умирала, то нарекла ему имя: Бенони. Но отец назвал его Биньямином» (Берешит, 35:16-18).

О жизни Рахели рассказывается в нескольких недельных главах Торы, а также в многочисленных мидрашах. Однако сегодня мы хотим поговорить о посмертной судьбе прааматери. Рахель умерла уже в Земле Израиля, вскоре после того, как Яаков, вернувшись из Сирии, примирился со своим братом Эсавом и обосновался в Ханаане. Тем не менее Яаков не стал хоронить жену в родовой усыпальнице в хевронской пещере Махпела, а предал ее земле недалеко от дороги, ведущей в Бейт-Лехем, к юго-востоку от Иерусалима. По крайней мере, с X века эта могила стала объектом еврейского паломничества.

О том, что могила Рахели находится недалеко от Бейт-Лехема, сообщает, к примеру, игумен Даниил, побывавший в Палестине в XII веке. Правда, на самой могиле Даниил, похоже, не был и сообщил лишь, что она находится в двух верстах от города (см.: «Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли»). Более подробное описание этого места мы находим в сочинениях двух еврейских путешественников, побывавших в Палестине несколькими десятилетиями позже русского игумена.

*Ἰὸ Ἐδωμῆει ἀ ἀὰ ἰαδαχαῖα ἀ Ἀεὸεὰν ἀ Ἐσάεῖα, ἰάααεα ἰὸ ἰάα, ἀ ἰῖεῖ εεε
δαῖνὸ γύεγ, ἰαὸῖαεὸν ἀῖαῖεὸα Ἰαεεε, ἰα ἰαδαδαῖεα ἀῖα. Ὑὸτὸ ἰαἰγὸῖεε ἰπὸαεαῖ εἰ
ἰαεῖ ἰάαὸαὸε εαἰ ἰαε, ἰῖ -εῖεὸ ἀαὸαε Ἐαεῖα; ἰα ἰεῖ εὐῖε ἰα -αὸῦδαὸ εῖεῖἰα, ε ἀῖ ἀαε,
ἰδῖαεαῖεαῖ εἰ ἰ, αἰεῖαῖαῖ εἰ ἀἰ ἀ ἰα εαἰ ἰγὸ ἰαἰ γὸῖεεα*

(«Ἰὸααῖαὸαεα δααῖε Ἀαῖ εαἰ εἰα εἰ Ὀαῖαῖ»)»

*Ἰ ἀ γὸῖε ἰ ἰαεα ἰαεαῖ ἰ ἰαδαεαῖ εα εἰ ἰαεῖ ἰάαὸαὸε εαἰ ἰαε, ἰῖ -εῖεὸ ἰαεῖ ἰάαὸαὸε εῖεαῖ
εῖαεεῖεεε; ὀαε εαε Ἀαῖ εαἰ εἰ δῖαεεῖ ὀῖεῖεῖ ἰδὲ ἰ ἀδὲ ἰαῖε ἰ ἀὸαδὲ, ὀῖ ἀεῖ ἰαῖ ε ἰαὸ ἰαῖαῖ
εαἰ ἰγ. Ἀῖα γὸε εαἰ ἰε ἰ δαἰ ἰδῖα, ἀ εαἰ ἀῖ ἰ Ἐαεῖα, ὀαεαα εἰ ἰ δαἰ ἰδῖ, ἰῖεδῖαῖεε ἀῖ ἀδῖεα, ὀαε
ἀεεε ε ὀγαε, -ὀῖ ἀεῖ ἰαδῖ ἀῖ εῖ ἰῖ ἰδῖαῖεῖ ἰαῖ ἰ ἰαεαῖαῖ εῖαε.*

(«Ἐδῖα ἰαὸῖ ἰα ἰὸ δαἰ ἰὸ αεα δααῖε Ἰ ἀὸ αδὲ Ἰαῖ ἰαὸαῖεῖα»)»

Чаще всего в паломничество к могиле праматери Рахели отправлялись еврейские женщины: поскольку Рахель долго не могла родить, посещение ее могилы считалось патентованным средством от бесплодия (первое упоминание об этом мы находим в сообщении паломника-христианина из Майнца, побывавшего в Бейт-Лехеме в 1483 году). Впрочем, мужчины тоже не пренебрегали святыней.

После изгнания из Палестины крестоносцев могила Рахели перешла под контроль мусульман и на ее месте была возведена мечеть. Об этом свидетельствует диакон Троице-Сергиева монастыря Зосима, побывавший в Бейт-Лехеме в 1420 году: «Гроб ее <Рахели> стоит между Вифлеемом и Иерусалимом, на египетской дороге. Шел Яков из Сихема, который называется Фараоном, а был он у отца Авраама, и пошел в Палестину и в город Рамле. Тут было жилище Якова, и тут скончался он на дороге. Над гробом его стоит мечеть мусульманская» (см.: «Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину»).

В течение долгого времени немусульмане лишены были доступа к могиле Рахели. Ситуация изменилась лишь в 1615 году, когда турецкий правитель Иерусалима Мухаммед-паша передал эту святыню евреям. Впоследствии их права на могилу были подтверждены султанским указом, изданным в начале XIX столетия.

В 1788 году могила была окружена стеной. Европейский путешественник, посетивший Бейт-Лехем в 1824 году, оставил следующее описание могилы праматери: «Это каменное здание, несомненно турецкой конструкции, увенчанное куполом. Внутри здания находится надгробие... Внутренние стены здания покрыты еврейскими именами, вырезанными евреями».

В XIX веке на могиле Рахели побывал знаменитый еврейский филантроп сэр Мозес Монтефиоре. Незадолго до его визита случилось землетрясение, и гробница сильно пострадала. Монтефиоре дал денег на ремонт, а кроме того, распорядился построить точную копию гробницы в своем поместье в Рэмсгейте, рядом со своей домашней синагогой. Позднее этот мавзолей стал усыпальницей сэра Мозеса.

После того как власть в Палестине перешла к англичанам, могила Рахели стала одним из эпицентров арабо-еврейского противостояния. Правда, вскоре после изгнания турок евреи очистили и отремонтировали святыню безо всяких протестов со стороны мусульман. Но уже в 1921 году, когда раввинат обратился к городским властям Бейт-Лехема за разрешением на проведение дополнительных ремонтных работ, со стороны арабов последовал протест. А после погромов 1929 года паломничество евреев на могилу праматери практически прекратилось, мусульмане потребовали передать здание под их единоличный контроль.

После Войны за независимость могила Рахели вместе со множеством других еврейских святынь (Стеной Плача, Храмовой горой, могилой праотцев в Хевроне, могилой Йосефа в Шхеме и др.) оказалась на территории Иордании. Доступ к этой святыне был открыт для евреев только в 1967 году, когда после Шестидневной войны Иудея и Самария оказались под контролем Израиля. Впрочем, в начале 1990-х могила праматери чуть было не была утрачена — согласно первоначальным планам правительства Рабина, она должна была остаться на территории, подконтрольной палестинской администрации. Однако этого не произошло: два депутата-ортодокса — Менахем Поруш от «Еврейства Торы» и Ханан Порат от Национально-религиозной партии — добились встречи с премьером и убедили его не отдавать святыню. В

результате в соглашение были внесены изменения, и могила Рахели осталась под израильским контролем. Сегодня ее ежегодно посещают десятки тысяч евреев. Согласно традиции, паломничество и молитва на могиле праматери способствуют исцелению от различных болезней, включая бесплодие, а также может помочь одиноким найти свою вторую половину.

Впрочем, своим местом в традиционном еврейском сознании праматерь Рахель обязана не только Торе и почитаемой могиле, но и красочному образу, использованному пророком Ирмеяу, — образу матери, оплакивающей своих детей, уходящих в изгнание: «Голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахель плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет» (Ирмеяу, 31:15).

Образ матери, которая оплакивает пропавших детей, прочно вошел в еврейское сознание. Поэтому со временем Рахель превратилась в своего рода небесную заступницу еврейского народа, способную умолить Всевышнего смягчить суровый приговор сынам Израиля.

Согласно известному мидрашу Эйха раба, после разрушения Храма праотцы и пророки в один голос умоляли Всевышнего простить евреям их грехи и позволить вернуться на родину. Б-г, однако, был непреклонен. И тогда сказала Рахель: «Г-споди, Владыка! Тебе ведомо, как велика была любовь ко мне раба Твоего Яакова. Семь лет прослужил он ради меня отцу моему, а когда пришло время сделаться женою его, отец решил подменить меня сестрой моей, и я не возревновала его к сестре моей. Я, из плоти и крови созданная, прах и пепел, ревновать не стала к сопернице моей; Ты же, Царь живой, суший и милосердный, Тебе ли ревновать к идолам, мертвым и ничтожным, и за них изгонять детей моих?»

В эту минуту вернулось милосердие Б-жие, и сказал Г-сподь: «Ради тебя, Рахель, я возвращу народ израильский в пределы его, как сказано: “Так говорит Г-сподь: удержи голос твой от рыдания и глаза твои от слез, ибо есть награда за труд твой, говорит Г-сподь, и возвратятся они из земли неприятельской. И есть надежда для будущности твоей, говорит Г-сподь, и возвратятся сыновья твои в пределы свои» (Ирмеяу, 15:16-17).

Долгое время это пророчество оставалось для евреев лишь упованием. В наши дни мы удостоились увидеть начало его исполнения. Однако праматерь Рахель и сегодня продолжает молиться за своих сыновей — и не успокоится до тех пор, пока пророчество Ирмеяу не исполнится полностью и все изгнанники, рассеянные по миру, не вернутся к себе домой.

ЕВРЕЙСКАЯ ОРТОДОКСИЯ И РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ НА ПОРОГЕ XX ВЕКА

Илья Лурье

Несколько десятилетий назад выдающийся израильский ученый Яков Кац предложил совершенно новый подход к анализу развития еврейского традиционного общества в современную эпоху. Основываясь на исследовании консервативной мысли, проведенном франкфуртским социологом Карлом Манхеймом[1], Кац выявил у целого ряда представителей традиционных еврейских кругов — раввинов и законоучителей — особую систему взглядов, которую он определил как ортодоксальную. Еврейская ортодоксия, по утверждению Каца, не является механическим перенесением традиционных идеалов в новую социальную реальность; это вполне современная идеология, которая, хоть и основывается на воспринятых из прошлого установках, формирует новые модели взаимодействия традиционного общества с меняющимся миром. Главный двигатель этого творческого процесса — ощущение угрозы, исходящей от новых социально-культурных и политических феноменов, угрозы в отношении многовекового устоявшегося жизненного уклада, который воспринимался ранее как нормативный, само собой разумеющийся, незыблемый. Ортодоксия является, таким образом, продуктом кризиса религиозной и социальной традиции, не способной более защитить себя старыми, проверенными средствами[2].

Речь, конечно же, не идет о политических лозунгах, партийных программах или публичных призывах. Для реконструкции позиций ортодоксального лагеря на общественно-политической арене приходится довольствоваться меньшим: внутренней корреспонденцией, обращениями во властные структуры, наставническими посланиями. Но и эти источники могут содержать поразительные открытия и неожиданные повороты.

Ἀ ἀγαθὰ Νεάπολις

Ἐξ οἰκίτης αὐτῆς ἡ ἀγαθὴ ἐπὶ τῆς γῆς ἡ ἀγαθὴ ἀγαθὴ ἡ ἀγαθὴ

Ὅτι ἡ ἀγαθὴ «ἡ ἀγαθὴ ἀγαθὴ ἀγαθὴ».

1912-1914 ἡ ἀγαθὴ

Рассмотрим один из них. В 1901 году на адрес руководства Еврейского колонизационного общества (ЕКО) в Париже поступило письмо, подписанное четырьмя виднейшими представителями еврейских ортодоксальных кругов России: р. Шаломом-Дов-Бером Шнеерсоном — духовным лидером любавичских хасидов, виленским раввином р. Хаимом-Озером Гродзенским, брестским раввином р. Хаимом Соловейчиком и раввином Лодзи р. Элияу-Хаимом Майзелем.

Контекст появления этого документа таков. В 1900 году базировавшееся в Париже ЕКО, которое занималось вопросами социальной помощи евреям России, объявило о своем намерении выделить огромную сумму — 1 млн франков — петербургскому Обществу распространения просвещения среди евреев (ОПЕ) на финансирование новых еврейских школ в черте оседлости. Еврейские традиционные круги, уже несколько лет наблюдавшие активизацию деятельности петербургских просветителей в сфере школьного образования, забили тревогу. Они прекрасно понимали, что сотрудничество ОПЕ с богатой и влиятельной международной организацией, каковой являлось ЕКО, приведет к беспрецедентному расширению просветительской программы школьного строительства и нанесет непоправимый ущерб традиционному характеру еврейского общества в черте оседлости. Чтобы предотвратить такое развитие событий, р. Шалом-Дов-Бер составил обращение к лидерам ЕКО от имени наиболее влиятельных раввинов России. По плану любавичского цадика такое письмо, поддержанное организованными коллективными обращениями общинных раввинов черты оседлости и западноевропейскими ортодоксальными лидерами, убедит администрацию ЕКО отказаться от финансирования программы ОПЕ.

Обращаясь к модернизированным кругам западноевропейского еврейства, российские раввины не могли оставаться в рамках привычного им моралистического или алахического дискурса. Чтобы убедить своих адресатов, они должны были сформулировать свою общественную позицию и дать оценку тем социальным процессам, которые происходили в российском еврействе на рубеже веков. Именно поэтому письмо раввинов представляет собой уникальный источник для реконструкции общественно-политических взглядов ортодоксальных кругов.

По мнению авторов письма, главной причиной плачевного положения евреев в России является черта оседлости, искусственным образом создающая недостаток рабочих мест и жестокую конкуренцию. Поэтому главным направлением деятельности всякой организации, стремящейся помочь российским евреям, является создание новых источников заработка: мастерских, ткацких фабрик и т. п. В тех особых

условиях, в которых находится российское еврейство, создание современных школ не только не принесет никакой экономической пользы, но — хуже того — нарушит стабильность еврейского общества. Раввины не отрицают необходимости базисных светских знаний (русский язык, счет и т. п.), но для этого вовсе не нужно развивать школьную систему — достаточно нанять частных учителей.

Р. Элияу-Хаим Майзел, р. Шалом-Дов-Бер Шнеерсон, р. Хаим Соловейчик, р. Хаим-Озер Гродзенский

Дети из бедных или малосостоятельных семей, — говорилось в письме, — овладевшие начатками знаний при помощи частных учителей у себя на дому, не воспарят духом, не отринут от себя родительское воспитание и попечение, и каждый мальчик или девочка будут расти и научиться ремеслу родителей и их образу жизни, сын ремесленника станет ремесленником, сын торговца — торговцем, а девочки научатся следить за домом. Они не станут возлагать на родителей непосильный груз своих нужд, а будут им помощниками и облегчат им заботу о пропитании семьи. Не так дети, которые учатся в школах: они смотрят далеко, воображают себя детьми богачей, чем они хуже них? Одеждой своей, и украшениями и благовониями разоряют родителей, а закончив учебу, не вернутся к ремеслу или торговле родителей своих, только в высшие сферы они метят. И в этом, обычно, отличие нашего народа от других народов. У других народов дети, которые учатся в школах, продолжают при этом заниматься своим ремеслом и, когда научаются чтению и письму, довольствуются этим и не идут далее. И каждый становится потом земледельцем или ремесленником. Наши же дети, как только научаются читать и писать, сразу же хотят идти учиться дальше и не смотрят ни на ремесло, ни на торговлю. Но даже если они и достигнут своей цели, все равно не смогут обеспечить себя этим, и мы видим, как многие врачи и адвокаты и прочие пребывают в глубокой нужде, так как их больше, чем нужно. А многие вообще не достигнут своей цели и останутся у разбитого корыта, и с течением времени будет не хватать в нашем народе ремесленников и простых рабочих, как это уже чувствуется в больших городах. И все это из-за учебы в школах[4].

Ἰὸ-αἴ εὐ δαὲ ἰ ἰῖᾶ, ἰᾶαῖ ἀαεὸ βίῖαε, ἰᾶ ἰὸδῖᾶ εὲ, +ὸἰ ἰ ὕ ἀαεὸ ὀ ἡᾶῦ εἰαῖφ, ἡᾶῖ ἰᾶ ἡᾶεἰδᾶῖφ ἰᾶἰ ἡεἰδᾶἰ ὀ ἰᾶαῖαῖεῦ, εἰὸἰδᾶῦ, ἰὸδῖᾶῦ εᾶαῖᾶ ἰὸ ἡᾶᾶ ἡᾶε, ὀαεᾶεᾶὸ ἡᾶ ἰ ἡᾶᾶὸ δᾶἰδᾶεε, ἰ ἰ-ὀαῖεε εἰ ἰᾶἰἰὸᾶᾶἰδᾶἰῦὸ ἰδᾶᾶἰεε, εἰ ἰὸἰ ἰ ἰᾶᾶᾶὸ ἡᾶ ἰᾶ ἰᾶεἰδᾶε ὀῦἰῖε αεεῖ εἰ ἰᾶ ἰᾶᾶᾶἰ ἰῖᾶ ἡᾶ, ἰᾶ ἡᾶῦε ἡ ἡᾶἰδᾶεὸᾶῦ ἰᾶᾶῦ εἰ ἡᾶᾶᾶἰῖε αεεῖῦῦ, ἰ ἡ ἰᾶἰἰ ἰᾶἰῦ ἰ ὀἰᾶεᾶἰ ἡᾶ ἰῖᾶεᾶἰ, εἰὸἰδᾶ ὀδᾶᾶὸ ἡᾶ ἰὸ αεεῖ, ἰε-ἡᾶ ἡᾶ ἰ ἰᾶ ἰᾶἰ ἰ ἰᾶἰ[6].

Министр народного просвещения Иван Делянов (1882–1897 годы)

В другом месте Победоносцев отмечал, что изоляция представителей нижнего сословия от своей естественной среды наносит вред экономике империи и подрывает экономические основы семьи[7].

Боязнь социальных потрясений, которые могут быть вызваны сочетанием общих модернизационных процессов и неконтролируемого распространения высшего образования, заставила консервативное правительство Александра III принять экстренные меры. В 1887 году министр народного просвещения Иван Делянов выпустил печально знаменитый «Циркуляр о кухаркиных детях», ограничивавший доступ детей из простонародья в высшие и средние учебные заведения. В циркуляре, среди прочего, говорилось:

Ἀἰἡἡᾶεἰ ἰ εἰεἡδᾶ ἰαᾶἰ-ἰᾶἡῦε ὀεᾶ-ὀαῖεᾶἰ ἡᾶᾶᾶ ὀ-ἰᾶεἰᾶ ἡεἰ ἰαεε εἰ ἰδᾶᾶἰ ἰαεε, ἰδᾶεἰᾶ ἰᾶᾶᾶᾶεἰ ὕἰ ἡᾶἰᾶᾶεὸἰ ἰ ἰὸε αᾶᾶᾶᾶεῦ ὀἰεῦἰ ἡᾶᾶε, εἰὸἰδᾶ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰᾶ ἰῖᾶ-ἰᾶεε εεὸ, ἰδᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἡᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰᾶ ὀ-ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰ ἰδᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰᾶ ἰεἰ εἰ ἡᾶᾶᾶᾶ ἰᾶᾶᾶᾶ ἰ ἰδᾶᾶᾶᾶᾶᾶεε εἰ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ὕᾶ ὀ-ᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶ ὀαεἰ ἰᾶαῖ, ἰδᾶ ἰᾶεεἰῖῖ ἡᾶεᾶᾶᾶεε ἰὸἰᾶ ἰδᾶεεᾶ ἡεἰ ἰαεε εἰ ἰδᾶᾶἰ ἰαεε ἡᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰὸ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶεῦ ἰ ἰεὸ ἡᾶᾶε ὀ-ᾶᾶᾶ ἡᾶᾶᾶ ἰᾶᾶᾶ ἰδᾶ-ᾶε, ἰ ἡεεὸ εᾶᾶᾶ-ἰεεἰᾶ εἰ ὀ. ἡᾶᾶε, ἡᾶᾶε εἰεὸ, αᾶ εἰεῖᾶ-ᾶεᾶἰ δᾶαᾶ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰ ἡᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰ, ἡᾶᾶ ἰᾶ ἡᾶᾶᾶᾶ ἡᾶᾶᾶᾶᾶ ἡᾶᾶᾶ, εἰᾶε ἡᾶ ἰδᾶᾶᾶᾶᾶᾶ, εἰ-ᾶδᾶ ὀἰ, εᾶε ἡᾶᾶᾶᾶᾶ ἰῖᾶᾶᾶᾶᾶ ἡᾶᾶ, ἰδᾶᾶᾶᾶᾶ ὀᾶ εἰ ἰδᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἡᾶᾶ ὀᾶᾶᾶᾶᾶ, εἰ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἡᾶᾶᾶ ἡᾶᾶᾶᾶ, εἰ ἰαεᾶᾶᾶᾶᾶ ἰδᾶᾶᾶ ἡᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰ ἡᾶ ἰε ἰδᾶᾶᾶ ἡᾶᾶᾶ ἰδᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰ ὀᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶ[8].

Идеологическое родство между этими декларациями и риторикой авторов письма в Еврейское колониционное общество представляется очевидным. Наиболее рельефно сходство общественных взглядов представителей еврейской ортодоксии и русского консервативного чиновничества проявляется в их обоюдном стремлении сохранить существующий социальный порядок за счет проведения четкого разграничения между социальной элитой и массами и стремления оградить последние от влияния модернизационных процессов.

Однако можно найти и другие общие представления. Так, в переписке р. Шалом-Дов-Бера со своими приближенными выявляется его уверенность в приверженности еврейских масс старому социальному порядку, в то время как просвещенная еврейская публика, чуждая духу народа, стремится его нарушить. Любавичский цадик неоднократно подчеркивает и особую миссию России, точнее, российского

еврейства, сохраняющего верность традиции и не позволяющего перенести на русскую почву социальные или религиозные модели Запада^[9].

Чем было вызвано это идеологическое родство? Очевидно, что рабби Шалом-Дов-Бер и его единомышленники знали о настроениях в высших эшелонах власти — как из газет, так и по своим информационным каналам в органах государственного управления. Однако сложно представить, чтобы эти инструментальные по своему характеру связи и отрывочная информация из прессы (естественно, не из русской, а в пересказе еврейских газет) могли привести к формированию последовательной консервативной риторики и идеологии. В конце концов, весь корпус литературы русского консерватизма оставался закрытым для ортодоксальных лидеров. Поэтому речь не идет о непосредственном влиянии на них идей русского консерватизма. Видимо, можно говорить только о влиянии российского общественно-политического климата конца XIX — начала XX века.

Более того, традиционные еврейские круги — так же, как и русские традиционалисты, — оказались в этот период перед лицом одних и тех же проблем, вызванных кризисом традиционного общества и его институтов. И те и другие стремились выработать особую систему взглядов и аргументации, своего рода «стиль мышления», по выражению Карла Манхейма, который помог бы им противостоять новым, разрушительным, с их точки зрения, процессам. Нет ничего удивительного в том, что этим «стилем мышления» стал для них консерватизм — в его русском, литературно-публицистическом стиле.

[1]. См.: Манхейм К. *Консервативная мысль // Он же. Диагноз нашего времени. М., 1994.*

[2]. См. сборник статей Каца, посвященных еврейской ортодоксии: Кац Я. *А-алаха бе-мецар (Алаха в трудных обстоятельствах). Иерусалим, 1992.*

[3]. *О махзикей а-дат в России см. памфлет Липшица (Липшиц Й. Сефер махзикей а-дат. СПб., 1903), в Галиции — см. докторскую диссертацию Рахель Менкин (Менкин Р. Цмхата ве-гибуша шель а-ортодоксия а-йеудит бе-Галиция, 1867–1883 [Рост и формирование еврейской ортодоксии в Галиции, 1867–1883]. Еврейский университет в Иерусалиме, 2001), в Англии — см. Нота В. A Fortress in Anglo-Jewry: The Story of the Machzike Hadath. London, 1953.*

[4]. *Игрот кодеш ме-эт к"к адмор Моаршаб ми-Любавич (Священные послания учителя нашего Моаршаба из Любавичей). Нью-Йорк, 1986. Т. 1. С. 244.*

[5]. *Цит. по: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. М., 1964. С.*

104.

[6]. *К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001. С. 218.*

[7]. *Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996. С. 307.*

[8]. *Цит. по: Рождественский С. Очерк истории народного образования в России. М., 1910. С.*

641.

[9]. *См., например: Игрот кодеш... Т. 1. С. 244; Т. 3. С. 44–45, 48.*

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2011 ХЕШВАН 5772 – 11(235)

РАББИ МОШЕ БЕН МАЙМОН ИБН-АБДАЛЛА АЛЬ-КОРДОВИ

Меир Левинов

Продолжение. Начало в № 9 (233), 10 (234)

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

וְיָבוֹאוּ אֵלֵינוּ

וְאֵלֵינוּ

Вероятно, семья судьи рабби Маймона прибыла в Фес по делам торговым. В тот момент город был одним из самых безопасных мест в империи. В том году войска Альмохадов покинули Марокко для вторжения в Андалусию, а потому в самой Северной Африке наступил относительный покой.

В Фесе Рамбам сразу же входит в круг образованных людей. Кажется, именно в этот период проходит его стажировка как врача.

До сего дня евреи Феса показывают на окна одного из чердаков в старой части города, называемой Фес-аль-Баляя, и говорят, что именно там проживала семья рабби Маймона. У одного окна прикреплены медные блюдца, числом тринадцать. Как утверждают евреи Феса, по ним рабби Маймон и рабби Моше определяли время, опираясь на свои знания в астрономии.

Похоже, что марокканский период жизни Рамбама был благополучным. Именно тогда он приступает к первой большой работе — комментарию к Мишне. <...> Составлен он на арабском языке и в переводе на иврит долгое время был основным комментарием к Мишне. И позже, когда в XVI веке появился удостоившийся широчайшей популярности комментарий к Мишне рабби Овадьи Бертиноро, комментарий

Рамбама остался одним из важнейших. Достаточно отметить, что этот комментарий печатается во всех традиционных изданиях Вавилонского Талмуда. Но еще большую славу Рамбаму принесут предисловия к разделам Мишны. Три из них до сих пор регулярно выходят отдельными изданиями. <...> Особой популярностью сегодня пользуется предисловие к главе «Хелек» трактата «Сангедрин», где впервые была последовательно изложена догматика иудаизма. Своего рода итог этого произведения — тринадцать принципов веры Рамбама, определяющих, во что следует верить евреям. <...>

Во время работы над комментарием к Мишне Рамбам принял участие в полемике на острейшую актуальную тему еврейской жизни, написав «Послание о гонениях». Мы уже упоминали о насильственном обращении в ислам евреев Седжелмесе. Были и другие подобные случаи, когда евреи для виду принимали ислам, но тайно продолжали соблюдать заповеди иудаизма. Естественно, возник вопрос, можно ли в час бедствия принять ислам, чтобы сохранить жизнь, или следует пожертвовать жизнью, но остаться евреем. Проблема осложнялась тем, что, когда еврей предпочитал погибнуть, но не изменить вере, его детей обращали в ислам и воспитывали как мусульман[1]. Учитывая обстановку в исламском мире и огромное число евреев, которым предложили такой выбор, вопрос стоял так: обязан ли еврей выбрать смерть в освящение Имени Всевышнего или он может сохранить жизнь, произнести шахду[2] и переждать, пока не пройдет буря.

Некий полемист[3] написал и разослал послание, согласно которому те, кто выбрал жизнь, совершили акт идолопоклонства, а у тайного исполнения заповедей нет никакой ценности: «Если один из насильственно обращенных заходит в их молитвенный дом на молитву, даже если он не произносит ни слова, а потом идет домой и молится как следует, — этим он только увеличивает злодеяние, и ему засчитывается грех».

В полемическом задоре в ранних произведениях Рамбам не особенно выбирал выражения. <...> Когда Рамбам писал «Послание о гонениях», ему еще не было тридцати и, похоже, он был просто вне себя. Начинает он его словами: «Писать такое даже безмозглая баба постыдилась бы». После чего называет автора «убогим» и продолжает цитатой из Коелет: «Начало речей его — глупость, а конец речей его — злое безумие» (10:13). Далее в пространным послании на различных уровнях — алахическом, политическом и духовном — разъясняется положение принудительно обращенных. <...>

Именно к этому периоду относится история, которая в арабском источнике передается следующим образом.

Абу аль-Араб Ибн-Меиша пошел в ромейские земли[4], а по возвращении оттуда в 585 г.[5] вернулся в Египет. Там он нашел врача и мудреца еврея Абу-Мусу [Рамбама], чья кровь за безобразное дело, которое он содеял, была разрешена в землях Магриба. Абу аль-Араб оказал ему благодеяние и помог оттуда сбежать. Об этом стало известно правителю Магриба, а потому и самому аль-Арабу пришлось бежать. А Абу-Муса стал его опасаться. Абу-Муса за большие деньги подкупил одного человека, и тот убил аль-Араба на берегу Нила, ударив его по голове огромным поленом. И мне [автору] сказал хатиб Абу Абдельрахман, что Абу-Муса сделал все это только потому, что Абу аль-Араб знал, что Абу-Муса принял ислам в Магрибе, и хотел о том свидетельствовать[6].

Все эти истории малодостоверны. Хотя бы потому, что вместе с Рамбамом из Феса прибыло много евреев, и они могли засвидетельствовать, что тот в какой-то момент принял ислам. В Египте же Рамбам некоторое время занимал пост главы еврейской общины, который был для многих предметом вождения. Кроме того, он поддержал одну из сторон в многолетнем споре по поводу ответственных (и главное — денежных) постов в общине. Этот спор сопровождался острой полемикой, в ходе которой не могла бы не всплыть столь скандальная подробность его биографии[7].

В конце «Послания о гонениях» Рамбам вновь повторяет призыв покинуть страны, где жить еврейской жизнью невозможно, и отправиться в Землю Израиля. Собственно, он сам так и поступил: рабби Моше и его семье пришлось спешно покинуть негостеприимный Магриб; они тайно добрались до города Сеута в Марокко, а оттуда отплыли на восток[8]. <...> Семья рабби Моше некоторое время провела в Акко.

И все же если семья рабби Маймона и планировала навсегда поселиться в Земле Израиля, то это оказалось неосуществимым. В Иерусалиме еврейская община насчитывала двести семей, и практически все они либо жили на подаяние, либо кормились красильным ремеслом[9]. Вероятно, свою роль сыграло и отсутствие подходящего интеллектуального окружения. Как бы то ни было, семья Маймонов перебралась в Египет.

Ā ĀĀĒĪ ŌĀ

По всей видимости, это было не самое легкое решение. Дело в том, что сам Рамбам впоследствии по крайней мере дважды напишет: «Можно селиться в любой части мира, кроме Египта... В трех местах[10] предупредила Тора, чтобы [евреи] не возвращались в Египет... И Александрия подпадает под этот запрет»[11]. Мы не находим в текстах Рамбама прямой попытки оправдаться. Более того, рабби Эстори Пархи (XIV век) среди прочего пишет:

В תעוואה א אאיוא יו דאאע שי תעו, יא יא עץ יי וי עסא דאי אאי א, ווי, עסא דאי אאי ייא עמאא יעני י, יי קאדואע אא דעאא יוי ע תעאי ע: «אייעע אאי יאדוארועע ודע קאי יאאע וי דא» [12].

Примерно в это время скончался рабби Маймон. <...> Позже сам Рамбам напишет, что по случаю смерти отца он получил послания с соболезнованиями со всего еврейского мира — из Магриба, Европы и Азии. Все это лишний раз свидетельствует, что к 1165 году, когда Рамбаму еще не было тридцати, он был уже широко известен. А ведь три великих труда, которые принесли ему славу, еще не были написаны. Эту известность можно отнести только на счет того впечатления, которое произвело на современников «Послание о гонениях».

Поначалу братья Моше и Давид поселились в Александрии, великом городе. <...> Впоследствии семья переехала в Фостат, неподалеку от места, где стоит современный Каир. <...> Почти сразу вся египетская община признала алахический авторитет молодого ученого. Стоит заметить, что в Европе, в том числе и в Испании, в еврейских общинах было принято разделять должности: были судьи, которые решали текущие дела, и были раввины, как правило, занятые преподаванием. При этом в случаях, когда судьи сталкивались с необычным делом, они обращались к раввину. Если воспользоваться принятой тогда арабской терминологией, то существовало разделение специальностей: кадий — практикующий судья, и факих — законовед-теоретик. В еврейской общине Египта эти должности до приезда Рамбама не разделялись, и законовед обычно исполнял также и обязанности судьи. Но Рамбам практически сразу стал именно законоведом общины. Он никогда не занимал должности судьи, но при этом был практически высшей апелляционной инстанцией для всех спорных дел в Египте. <...>

ДАЭН [13]

В 1171 году рабби Моше бен Маймон получил должность аль-раис аль-йеуд, то есть стал главой всего еврейства Египта. Для утверждения в такой должности требовалось согласие и общины, и властей. В том году закончилось правление последнего представителя Фатимидской династии, и на египетский престол взошел Салах ад-Дин[14], то есть Рамбам получил назначение от новой мусульманской администрации. <...> С момента вступления в должность Рамбам получил право издавать постановления, обязательные для исполнения в египетских общинах, чем он не преминул воспользоваться, наведя порядок в целом ряде вопросов, давно требовавших вмешательства[15]. <...> В этот же период Рамбам пишет труд, который и составляет его славу в еврейском мире, — «Мишне Тора», или, как принято переводить его название на другие языки, Кодекс Маймонида.

אדי יאע עיאער א י עוי א וי דא י אעי ייעא

אאיוא. 1180 אא

Èàèðñéàÿ àáí èçà

Почти десять лет трудился я денно и ночью над созданием этого произведения. Великие люди, подобные вам, понимают, что я создал, — ведь я приблизил предметы, рассеянные и разбросанные между холмов и гор...[16]

Кодекс «Мишне Тора» произвел на современников ошеломляющее впечатление. <...> Задумывался он как новая Мишна: последовательное изложение еврейского закона, разбитое по темам, чтобы любой читатель мог использовать его как справочник, с легкостью находя необходимый закон. Труд, который принял на себя рабби Моше, превосходил труд рабби Йеуды а-Наси — ведь рабби Йеуда возглавил большой коллектив авторов, а Рамбам трудился в одиночку.

Как и в Мишне, Рамбам полностью опускает всю теоретическую часть, а вместо этого сразу переходит к формулировкам законов, вытекающих из обсуждения обоих Талмудов и мидрашей, по каждому из конкретных случаев. При этом он отклоняется от метода Мишны и никогда не приводит двух мнений по одному вопросу, пользуясь уже сформулированными к тому времени правилами выведения закона из талмудической дискуссии. В некотором смысле Кодекс задуман как популярная книга, правда, не для всех, а для «просвещенных раввинов». Уже сама методика его составления — прямая формулировка закона, без ссылок и доказательств, — вызвала острые споры и неприятие у современников. О том, насколько это было непривычно, можно судить по числу писем, в которых Рамбаму приходится защищать правомерность создания такого труда[17].

Для того чтобы было понятно, насколько труд сложен, достаточно вспомнить, что следующая попытка составить такого рода кодекс была предпринята только четыре века спустя рабби Йосефом Каро, а затем — еще через четыреста лет — рабби Йехиэлем Эпштейном. Стоит заметить, что и «Шульхан арух» рабби Каро, и «Арух а-Шульхан» рабби Эпштейна охватывают значительно меньшее число тем. <...>

В целом Рамбам завершил свой Кодекс в 1178 году, но, как это видно из приводимых в данном сборнике посланий, не прекращал работать над ним до конца жизни, постоянно внося изменения и исправления. Он вообще тяжело работал над большими трудами. Всегда составлял несколько черновиков, тщательно вносил правку. Хотя Рамбам был горячим полемистом, он легко признавал свои ошибки. <...> Он был наделен подвижным умом и никогда не считал того, до чего додумался сам, истиной в последней инстанции. Мог принять чужое мнение, если оно представлялось ему достаточно аргументированным. <...>

ÑÀÌ ÀÈÌ ÛÀ ÁÁÈÀ

В «Послании судье рабби Йефету» Рамбам пишет: «...встали против меня доносчики, чтобы убить меня». В этом послании, написанном в 1185 году, он описывает беды, постигшие его после того, как он покинул Землю Израиля. В книге рабби Йосефа Самбари, жившего в Александрии во второй половине XVII века, рассказывается такая история:

Как-то в праздник Суккот Рамбам шел по улице с лулавом и наткнулся на царя Кордовы. Царь посмеялся над ним и сказал, что это «сумасшествие — ходить с таким букетом». На что Рамбам ответил, что сумасшедший не тот, кто ходит с букетом, а тот, кто кидает камни, подразумевая один из обычаев хаджа в Мекке. Царь разгневался и хотел его убить, но Маймонид сбежал.

Возможно, дело происходило не в Кордове, а в Фостате, и Рамбам неодобрительно отозвался об исламе перед каким-то мусульманином. Однако это выглядит сомнительно, вероятнее, что донос был связан с борьбой за пост главы еврейской общины Египта.

Назначение на пост раиса в 1171 году, факт, что рабби Моше бен Маймону доверили общественные деньги, помимо прочего, доказывает, что его считали состоятельным человеком — ведь общественные деньги не поручают хранить беднякам. Кроме того, до нас дошли сведения, что семья Маймонов поселилась в богатом пригороде Фостата, где проживала знать; именно там находилась резиденция аль-раис аль-йеуд — главы еврейской общины Египта. По свидетельству арабского автора Аль-Копти, торговый дом Маймонов занимался торговлей драгоценными камнями. Трудно сказать, насколько это верно. <...> Собственно же торговые дела вел брат Давид. Насколько успешно — сказать трудно. В письме судье рабби Йефету Рамбам упоминает «потерю имущества», причем не исключено, что именно эта неудача в торговых делах заставила Давида в 1171 году отправиться в путь <...> — пока только в порт Адаб

на Африканском побережье у входа в Синайский залив. <...> Это путешествие завершилось благополучно. А вот следующее, в 1177 году, кончилось гибелью Давида и потерей всего имущества.

Эту трагедию Рамбам описывает так:

...Αἰεεεῖτ᾿ αἰ ἰαοεῖ ἰὰ ἰ αἴϋ ἰ ἰἡἡἰἰ εἰ ἐ [ἰἡοεῖ ὀἰἰοεῖ] ἐς αἰἰὸ ςῖε, ἰδεοἰἰοεὸ εἰ ἰ ἰὰ ἰἡ αἴϋ ὀἰαἰἰεῖ ἰ ἰἡἡ ἐ αἰ ἰἡἡ αἴϋ, — ἰἡ ἰδοῦ ἰδοἰἰἰεῖεἰ, ἀεἰαἰἰῖε ἰαἰ ὃε[18], ὀἰἰἰοἰἰ ἰ Εἰἰεεῖἡἡ ἰ ἰδα, ἰ ἡ ἰεἰ [ὀἰἰἰοῖ] ἰ ἰἡἡ εἰ ὀἰἰἰοἰἰ — ἐ αἰἡ, ἐ ἰ ἰἡἡ, ἐ ἰδοῦ ὀἰἰἰε. Ἐ ἰἡοἰἰεἡἡ ἰ ἀεἰἰεἰαἴ αἰ-ἡ ἐ αἰἡἰἰ αἰἡ ὀ ἰ αἴϋ. Ἐ ἰδεἰ ἰδοἰἰ ἰἡἡ ἡ ὀἰἡἡ αἴϋ, ἐαε ἰδεοῖεἰ ὀἰἰἰ αἰἡἡ, ἐαεἰε [ϣ] ἡ ὃἰἰἰἰ ἐ ὀἰἰἰἰἰἰἡ ἡ, ἐ αἰἡἡἰεἰεἰ, ἐ ἡ ὀἰ-ἰεἰἡ ἡἡἰἰἰἰ ἐ ἡἡ-οἰ ἡἡἰἰἰ. Ἐ ὀἰε αἰ ἡἡἡ αἴϋ: ἡεἡἡἡ αἡἡἡ ἐ εἰὸ ὃ ἡἡ-ὀ ἐ ἡἡ ἰ ἡἡ ὀἰἰἰοἰἡἡ. Ἐ -ἰἡ ὀἰἰἰἡἡ — αἡἡ ἡἡ [εἰε] ἡἡἡ, ἡἡ εἡεἰἡ ὃ ἰ ἡἡ ὀἡἡ ἡἡ αἡἡ ἐ ἰἡἡἡἡ, ἐ ὀ-ἰεἡἡἡἡ, ἡἡ ὀἰἡἡἡ ἡἡἡἡ ὀἰἡἡἡἡ ἐ ὀἰἡἡἡἡἡἡ ἡἡἡἡ, ἰ ὃ ἡἡἡ ἡἡἡἡἡἡ ἡἡἡἡ. Αἡἡἡἡ ἡἡ-εἡ ἡἡ ὀἰἡἡ ὀἰἡἡἡἡ ὀἡἡἡἡ — ἡἡἡ ἰ ἰἡἡἡἡἡἡἡ, ἐ ἡἡ ἡἡἡἡ ὀ ἰ αἴϋ [ἰἡἡἡἡ] ὀἰἡἡἡἡ, ἡἡἡ ἰ ἐαε ἡἡἡἡἡἡ ἡἡ. ὀἰεἰἡ ἡἡἡ ὀἰἡἡἡἡἡ ἐ ὀἰἡἡ ἡἡ ἰ ἡἡἡἡἡ ἡἡ-ἡἡ, ἐ ἡἡἡἡἡἡ ἰ αἴϋ ἰ ἡἡ ὀἰἡἡἡ ἰ ἡἡἡἡἡ ὀἰἡ ἡἡ ἡἡἡἡἡ ὀἰ, ἐαε ὀἰἡἡἡ ἡἡἡἡ ἡ, [ἡἡἡἡἡἡἡ] ὀἰἡἡἡ ἡἡ, ἐἡἡ εἡεἰἡ ἐς ἡἡ εἡεἡ ἡἡἡἡἡἡ-εἡἡἡἡἡ ἡἡἡἡ ἰ ἡἡ ἐ ἰἡἡἡἡἡἡἡἡ ἡἡἡ ἰ ἡἡ[19].

Из письма видно, что гибель брата, кроме неописуемой скорби, уложившей Рамбама на год в постель, нанесла огромный удар благосостоянию семьи, ведь помимо семейного капитала были потеряны также деньги вкладчиков. До нас дошла запись о том, что некоторое время после этого вдова Давида и его малолетняя дочь получали зерно из фонда помощи бедным, что было бы невозможно, если бы у рабби Моше оставалось какое-то состояние. Вероятно, именно в результате бедственного финансового положения семьи Рамбам приступил к медицинской практике. Дело в том, что рабби Моше, как и его учитель в Фесе рабби Йеуда Ибн-Сасон, был принципиальным человеком. Когда пришло время, Ибн-Сасон предпочел умереть, но не пойти против своей совести. Теперь пришел черед Рамбама принимать решение — не о жизни и смерти, а о том, на что жить. А ведь, как известно, «бедный считается мертвым»[20]. Он сам постановил в «Мишне Тора», что судьи и ученые не имеют права жить за счет общины, причем сформулировал это жестко: «Кто намерен заниматься Торой, не работая и живя на милостыню, тот оскверняет Имя [Б-га][21], позорит Тору, гасит светоч веры, навлекает на себя беды и лишает себя вечной жизни; ведь запрещено получать выгоду от изучения Торы в этом мире»[22]. Рамбам пытался найти себе источник заработка и обратился к тому, чем он до сих пор занимался не как профессией, а как «заповеданным делом».

ἡεἡἡ-ἰεἡεἡἡἡἡἡἡ

[1]. По правилам шариата «все сироты являются мусульманами». Несколько ранее, во время 1-го Крестового похода 1097—1098 годов, такой же вопрос стоял перед прирейнскими общинами, только там речь шла о крещении. Многочисленные свидетели, как еврейские, так и христианские, описывают случаи самоубийства евреев целыми семьями: убийство маленьких детей, за которым следовало самоубийство родителей.

[2]. Символ веры у мусульман.

[3]. Я.-М. Толедано («История евреев Марокко». Иерусалим, 1911) предполагает, что это был глава общины Феса р. Йеуда а-Коен Ибн-Сасон, который в своих проповедях называл тех, кто для видимости принял ислам, «народом с оскверненными устами» и утверждал, что они потеряли и этот мир, и Мир грядущий.

[4]. Византия, второй Рим, откуда и название.

[5]. То есть в 1189 году.

[6]. Цит. по изд.: Мазор А. Насильственное обращение Рамбама в ислам. Иерусалим: Паамим, 2007. С. 110. Этот рассказ — ближайший по времени к жизни Рамбама (его автор жил в 1192—1262 годах).

[7]. Ср. комментарий Рамбама к Мишне, Кидушин, 4:5, о том, что родословную сборщика пожертвований знают все: «Они все время в ссоре с людьми, потому что заставляют людей отдавать деньги... И если бы в их родословной был ущерб, их попрекали бы этим, и дело было бы общеизвестным».

[8]. Принято считать, что путь был именно таков, хотя невозможно однозначно доказать, что семья р. Маймона прибыла в Землю Израиля прямо из Магриба, а не совершила паломничество в Святую землю, вначале добравшись кораблем до Александрии (такова версия Саады Ибн-Данана). Все же, исходя из того, что из Египта в Землю Израиля обычно добирались по суше, а Рамбам прибыл туда кораблем, мы полагаем, что общепринятое мнение по этому поводу более достоверно.

[9]. См.: Вениамин Тудельский. Книга странствий / Три еврейских путешественника. М.: Гешарим — Мосты культуры, 2004. Следует отметить, что красильное ремесло в те времена было крайне неуважаемым и столь же вредным. Красильщики жили бедно и недолго.

[10]. Дварим, 17:16, 28:68; Шмот, 14:13.

[11]. Мишне Тора, Законы о царях, 5:7 (цит. по изд.: Мишне Тора [Кодекс Маймонида]: Книга «Судьи». М.: Книжники; Лехаим, 2011); «Книга заповедей», Запреты, 46.

[12]. Кафтор ве-перах, 5.

[13]. Здесь: верховный руководитель еврейской общины.

[14]. Фактически Салах ад-Дин правил с 1169 года, но до 1171 года формально считался визирем при Фатимидах. В 1171—1174 годах он правил в качестве представителя багдадского халифа.

[15]. О некоторых из этих постановлений можно узнать из настоящего сборника.

[16]. «Послание с ответами рабби Йеонатану а-Коену из Люнеля и его сотоварищам».

[17]. Среди прочего не кажутся бесосновательными опасения некоторых судей, которые отразились в словах современника Рамбама р. Шешета а-Наси, врача из Барселоны: «Пока Кодекс Рамбама не достиг Кастилии, чтение алахических трудов, а тем более изучение Талмуда для местных жителей было чудом. Судья был единственным, кто знал, каков закон, и все в нем нуждались. А теперь, получив четырнадцать святы томов [Кодекса Маймонида], всякий знающий святой язык может понять вес претензий тяжущихся и представить, каков должен быть приговор» (цит. по изд.: Ахитув Й. На грани изменений. Иерусалим, 1995).

[18]. То есть младшего брата Рамбама р. Давида, который занимался торговлей и в 1177 году утонул в Индийском океане.

[19]. «Послание судье рабби Йефету». Оно датировано 1185 годом.

[20]. См., например: ВТ, Недарим, 64б.

[21]. См. комментарий Рамбама к Авот, 4:6: «И будет осквернено Имя в глазах толпы, когда они решат, что Тора — ремесло, подобное другим ремеслам, данным для прокормления, и станет она презираемой в их глазах».

[22]. Мишне Тора, Законы об изучении Торы, 3:9 (10). Цит. по изд.: Мишне Тора (Кодекс Маймонида): Книга «Знание». М.: Книжники; Лехаим, 2010.

ГОРДОН И БРЕННЕР: ДИАЛОГ ВО ВРЕМЕНИ

I aēēē I īdōīāā

I āōā āīdīāā — jōī īīāāy āīdīāā, īā āōōīāīāy ē īāī āōādeāēū āy, jōī āīdīāā æēēē.

À.-À. Āīdāīī

Два духовных лидера рабочего движения Аарон-Давид Гордон (1856–1922) и Йосеф-Хаим Бреннер (1881–1921) относились друг к другу с большим уважением. Бреннер, приехавший в Страну Израиля пятью годами позже Гордона, сразу понял, что перед ним выдающаяся личность, много о нем писал и рассказывал в выступлениях. Гордон тоже высоко ценил Бреннера как писателя. Оба были сторонниками возрождения нового ишува через еврейский труд: «Наше стремление к жизни с надеждой нашептывает нам на ухо: рабочие поселения. Рабочие поселения — это наша революция. Единственно возможная»[1]. Но были между ними и разногласия. Гордон написал товарищу, как он делал всегда, полемическое открытое письмо: «Мы живем в двух разных мирах. <...> Ты не веришь действительности, как я, или я вижу только огни там, где ты видишь только тени. Известно тебе, что я в этом смысле не согласен с тобой вообще, так как я воспринимаю мир не только извне, но и изнутри, из глубины души, во всех формах, не менее, чем ты»[2].

В последнем романе Шмуэля-Йосефа Агнона два уважаемых лидера оказываются вместе на многолюдном вечере в яффском ресторане:

*Adāīāā pēāēē dyaīī n'Adāīīī-Āāēāīī Āīdāīīī, īdeāāāōēī ā ēāīōī pēāīōū ēē Yēī-
Āāīēī <...> Çāēāē Āīdāīī āīdīāō ā ēāīīē, ēāē āīāāā īdeāīē āēāōū ēīāā āūē āçāīēīāāī, ē pēāçāē
Adāīāāō: «B pēōāp, y pēōāp». Adāīāāō dānpēāçīāāē: «Ēāāō ēāē-ōī āīāē-āīēī īī dēōā ā
Ēādīāēēī ā ē īādāīāāōīy ēī ī īā īā āīāēēīēīī yçīēā, ē īā īdeōīāēō jōīī ō āēāīōēū āīō ā āīēīāā
÷ōī çāīīīāō āīāē-āī. Ūāēīā jōīō īādīā: ēōāā āū īē īdeōēē, ēāēāōīy ēī, ÷ōī īīē ō pēāy āīī ā, ÷ōī
āīā pōdāīū ī ēdā ēī īdeīāāēāēāō» <...> Āīdāīī īādāīāāōīy ē īāīīō ēē īīēīāūō ēpāāē: «×ōī
āēīāēō pēāīōā īāōāē īīēīāāēē? Āīō ōēā īī-ōē ōāīōū ēāō, ÷ōī y çāīīī ā Yōāō-Ēīīāyēū ē īā
ēāēāīī ōāāō āēāō y īāōēō pīīōāē, īā-āēūūū, ōī-īī ā ōdāōā Ī īāēō āūōū ēē-çā ōīā, ÷ōī īā
āēāīī āīēūōēō īādīīāēōēā āēy īāōāē dāīīōū ā Yōāō, āū ādīīdēōā? Ēēē pēāā-īūā īādīāēāīēy
āāēīāā ā āīōēō āēāçāō dāīīōū īā Çāī ēā Āīçōīāēāī ēy āī ōāēīē pōāīāīē, ÷ōī āū īā īāōīāēōā īāī īīā
ōōāōāī ēy āēy āīōēō āīō ē īā ī īāēāōā çāīīōū pēāīē ēē-īūā īāēāū?»[3]*

Йосеф-Хаим Бреннер с супругой 1912 год.

**Коллекция Я. Бен-Дова.
Государственный архив Израиля**

Двух лидеров беспокоят разные вещи: Бреннера — внешнее восприятие еврейского ишува, неуважение, как он считает, его культурной суверенности. Гордон говорит о внутренних проблемах — неверии молодежи в будущее: ведь именно от ее оптимизма оно и зависит.

Настроения Бреннера, обличительные статьи которого расхватывались молодежью, объяснялись максимализмом и нетерпеливостью (немедленно порвать со всеми пороками галутного прошлого, переделать человека) и не были уникальными: писатели Х.-Н. Бялик, М. Бен-Ами и У. Гнесин оценивали ситуацию примерно так же, только реагировали иначе.

Гордон же никогда не боролся против — семьи, среды, жизни вообще, но всегда за — за себя, за самостоятельность принятия решений. Единственный сын ортодоксальных родителей, он провел детство в селе Трояново Житомирской губернии, до 14 лет занимался Торой с лучшими учителями, потом поступил в виленскую ешиву, через год ее оставил. В 15 лет был обвенчан — с двоюродной сестрой. Родители хотели, чтобы он поступил в Киевский университет, для чего нужна была рекомендация барона И. Гинзбурга, но Аарон отказался, став автодидактом — самостоятельно изучая философию, литературу, языки. Наступило время призыва, Гордон не позволил родителям хлопотать о его освобождении как единственного сына. Когда позже его освободили от службы по состоянию здоровья, женился. Два года прожил в доме тестя, что было принято, после рождения сына начал служить на фабрике барона Гинзбурга в селе Могильна. Но помимо службы жил как хотел: читал лекции, преподавал иврит и общеобразовательные предметы для девушек, открыл библиотеку для работников фабрики, где собирал книги на иврите, идише и русском, устраивал вечера для окрестной молодежи. «Он был интересен во всех смыслах. Были такие, кто считал его святым...»^[4] Увлечшись сионизмом и мечтая о Палестине, Гордон не оставил родителей, но после их кончины, в 1904 году, уехал — сначала один, потом к нему присоединились жена и дочь (сын остался в России).

Сионизм гармонично вошел в его жизнь. Когда в 1898 году С. М. Дубнов опубликовал первые главы своих «Писем о новом и старом еврействе», Гордон прислал ему письмо. Благодаря историка за горячие национальные чувства, он не соглашался с его программой автономизма и заявлял: «Я ортодоксальный еврей и, следовательно, сторонник сионизма». Дубнов уважал данность, считался со сложившимися обстоятельствами, потому не верил в реальность сионистских планов. Гордон не спорил с ним, ничего не доказывал, более того, с чем-то соглашался: «Ведь Вы, в сущности, ничего не имеете против восстановления еврейской автономии в Палестине, Вы только находите это невозможным». А сам он допускал невозможное, опираясь на исторический опыт народа. «Не слепая вера в чудеса, но разумная вера в духовную силу нашего народа, которая уже не раз творила чудеса. Необходима только вера и солидарность, вернее, ахдут [единство] всего народа, — и цель, рано или поздно, будет достигнута». Окончание работы он относил к неопределенному будущему: «Это трезвая, здоровая идея, которая нам, а может быть еще и нашим правнукам, ничего не обещает, кроме разве отрядной, животворной работы на

благо далеких будущих поколений». Сам он готов был начать сразу, да и «среди нашего народа найдется много, много людей, готовых на жертвы для этого великого дела»[5]. Это были годы, когда еврейские колонии пребывали в запустении, поля обрабатывались арабами, а Гордон, находясь в украинском селе, был уверен в торжестве национального дела в Палестине. Романтик, он бы мог тогда написать Дубнову, как мечтает о Земле Израиля: «Я видел сон... В моем сне — вот я прибыл в Эрец. А она занята, в чужих руках и далека от меня. И я далек от нее и чужд ей. И одна лишь душевная связь связывает меня с ней — напоминает ее, так как она — мать, а я — ее сын»[6].

Приехав, он сразу же принялся за осуществление своей версии сионизма. Прежде всего, он написал — еще по-русски — статью-призыв «Палестинские письма (Из частной переписки эмигранта)», адресованную своему другу Б. Бруцкису, не готовому к алие, и одновременно — всей еврейской молодежи России. Работа даст все. «Думается, что в настоящее время эта страна велика не тем, что течет или что текла млеком и медом, но тем, что, представляя будущему человеку великую и многообещающую работу, она этим самым представляет благодатную почву для произрастания новых сил. Великая плодотворная работа родит великие силы. Наш народ должен это понять и считать себя счастливым, что он является призванным к этой работе!»[7] Этот призыв, опубликованный в московском еженедельнике «Еврейская жизнь», почти не был услышан, но в самом ишуве концепция Гордона, благодаря газете «А-Поэль-а-цаир», активно пропагандировалась. Эта концепция вобрала в себя самые разные источники: иудаизм, сионизм, идею естественного развития человека, учение Льва Толстого и социалистов — все они слиты в единую программу возрождения народа в Эрец-Израэль. Главной задачей, говорил Гордон, является не «новый еврей», не «новое общество», а обновление жизни в ее универсальном понимании. Вера — интегральная часть жизни, и без Б-га человек состояться не может. Но что за иудаизм у нас сегодня, каковы его ценности? Он теряет дух творчества, оторван от реальности, а нам «нужно, чтобы было ясно, что мы вынесли из него для наших душ»[8]. Гордона считали толстовцем, и он был землепашцем, но труд на земле не имел отношения к толстовскому опрощению или сближению с народом, и Гордон не призывал к бегству от городской культуры или перемещению с фабрик на фермы.

Ядром его учения была идея работы. В сознание народа надо внедрять привычку к добровольному труду. С одной стороны, Гордон сохранял религиозное значение понятия «работа — Б-гу», с другой — соединил его с употреблением обычным, разговорным. Всякая работа, которую делает человек с правильным намерением, особенно работа в поле, в его глазах — святая. Даже если евреи приобретут всю землю Страны, а работать будут другие, народ останется в галуте. Идея работы стала называться впоследствии «религией работы».

Кроме природы и работы, необходимо культурное возрождение. Не заглядывая далеко вперед, Гордон был уверен, что все надо делать постепенно: сначала приучить народ к добровольному труду, а потом появится и все остальное.

Халуц, считал Гордон, не должен быть аскетом. Он писал десятки писем «против монашества», уговаривал молодых людей не поддаваться соблазну холостяцкой жизни. Живя в семье, халуц будет жить интересами общества-народа. Если мы хотим оздоровить человека, считал он, мы должны сначала оздоровить семейную жизнь. Именно у евреев все начиналось с семьи. Так, от действий отдельной личности, через семью, совершится переход к народу, новый народ — это «народ-человек», «совокупная личность».

Мироощущение Гордона поэтично. Он не мог писать о национальных задачах, не посвятив полстатьи описанию экзотической природы, которая так отличается от русской и частью которой должен стать человек: «Природа здесь (я говорю о колониях Иудеи) дивно красива. Но в этой красоте как будто чего-то недостает или как будто что-то слишком красиво. Не привык я к здешней перспективе, в которой, благодаря прозрачности воздуха, все видно на далеком расстоянии, как на ладони, <...> и в первую минуту производит впечатление как бы не природы, а чего-то намалеванного: не привык к этому однообразию, к этому постоянству ничем не омрачаемой красоты и ничем невозмутимого спокойствия...»[9]

А.-А. Гордин.

Όάτ ό δάειύ ύέ ηέτ έπώ ηέέ άδβέά Έάδύηέεί

По названиям статей Гордона видно разнообразие задач, которые он ставил: «Работа», «Мы и мировой пролетариат», «Человек и природа», «Арабский вопрос», «Вечность и мгновение», «Ассимиляция», «Работа и справедливость», «Национализм и социализм», «Наши внутренние счета», «Объединение мнений и война мнений», «Выяснение разницы между иудаизмом и христианством» и т. д. Он писал в стиле довольно догматическом. Но Гордон был не только теоретиком работы — его собственное участие было беспрецедентным. Отказавшись по приезду от предложенной ему должности библиотекаря, он пошел работать на цитрусовой плантации и виноградниках Петах-Тиквы, чтобы работать и одновременно общаться с молодежью; впоследствии переехал в Галилею и стал членом кибуца Дганья-А. Немолодой и нездоровый, он не мог быть успешным землепашцем, часто оставался без работы — из-за возраста и оттого, что некоторых работодателей раздражала его критика порядков в ишуве. Ему было нелегко с молодежью. «Я стар и всегда нахожусь среди молодых, детей другого поколения, и только в этом уже есть преграда. И снова не с моей стороны <...> Я ведь не работаю, как молодой, и потому нет мне места в группе. В ней должны работать молодые, имеющие силу и энергию». Но эти проблемы были ощутимы только им и незаметны со стороны, — наоборот, окружающие очень его ценили: «Глубоким и чудесным было влияние на Дганью и ее людей старейшего из общества Аарона-Давида Гордона <...> Необычность его личности, его чистая вера и подлинность убеждений, его погруженность в работу и свет его естественной жизни накладывали на каждого из нас, и на всех вместе, особую печать <...> Он был очень беден, предельно скромен в своих потребностях, педантичен в отклонении от всего, что отделяло бы его от всех, нагружал себя общественными обязанностями и мобилизациями на работу, всегда стремился быть, “как все” — не ниже, — а мы чувствовали и знали, что он лучший, избранный»[10].

Необычность и мощь Гордона заключались не в сочетании физического труда с умственным, а в том, что, отдавая все свои способности национальному делу, он оставался свободным: заложил основы рабочей партии, но не состоял в ней; регулярно печатался в газете «А-Поэль а-цаир», но не был членом ее редакции; был сионистом, но не политиком и к тому же вел религиозный образ жизни: каждое утро облачался в талит, накладывал тфилин и молился. Казалось, ему удалось преодолеть расколотость человека Нового времени, в том числе еврейского человека. Одни современники видели в нем потомка мудрецов эпохи Талмуда и мидрашей, другие считали его чудачком. В «Последних записях», набросках к некрологу о себе, он писал: «Один писатель сказал обо мне однажды, что я — то, что по-русски называется “юродивым” (в тексте это слово написано по-русски. — Н. П.), но в улучшенном варианте, в том смысле, в котором называли юродивыми Достоевского и Толстого. <...> Одно только я мог бы сказать тому писателю и подобным ему, не для себя, а для тех юродивых, которые остаются в жизни: в еврейском народе не было и нет “юродивых”»[11].

Легенда о чудном старике из Палестины дошла до европейских сионистов; когда Гордон возвращался из Праги и остановился в Вене, тысячи венских халуцим собрались посмотреть на него. А в

1923 году, всего через год после его смерти, в Галиции возникло, а потом распространилось по еврейскому миру движение Гордония, лозунгом которого стали авода ацмит, «самостоятельный труд», и возрождение культуры на иврите.

Йосефа-Хаима Бреннера запомнили по его фотопортретам: воспаленные глаза, в которых застыл крик, из той «системы крика», с которой он обращался к людям. «Я обратил внимание на походку Бреннера: ступал он тяжело, по сторонам не смотрел, руки обычно держал за спиной. Он был молчалив, угрюм, как человек, привыкший к одиночеству»[12]. Став жертвой арабского погрома (зарезан в пасхальный день 1921 года в своей квартире на окраине Тель-Авива), Бреннер будто подтвердил справедливость своего пессимистичного взгляда на жизнь.

Гордон вошел в национальную память как символ поселенчества: прямой старик с мотыгой на плече. Таким он был запечатлен в рисунках Нахума Гутмана. Один из современников свидетельствовал: «Он был одет в короткую безрукавку с закрытыми отворотами, которая мягко облегла его тело. Вместо шляпы на нем была простая каскетка с козырьком <...> на ногах вместо ботинок были сапоги, похожие на сапоги хасидов и рабочих людей. Вообще, в его внешности было нечто от благородной небрежности дворян известного типа, которые стараются быть наравне с простыми рабочими, но их благородство чувствуется все равно»[13].

В 1920 году Гордон заболел и выходил на работу больной. «В один из дней сивана Гордон, как обычно, вышел на работу, но выглядел очень бледным. К нему подошла кибуцница и вытащила заступ из его руки. Он был вынужден подчиниться нашему приговору и поехать на обследование в Цфат»[14]. После чего друзья устроили ему путешествие, его сопровождали несколько людей из Цфата, среди них — поэтесса Рахель.

Творить образ Гордона начал Бреннер: в повести «Ми-кан у-ми-кан» («Со всех сторон», 1911) он создал идеального героя Амрама, уроженца Эрец-Исраэль, который станет решительным и смелым и сумеет отомстить арабам за смерть отца, — так появился прообраз сабры. А в финале повести Амрам прильнул к деду, Арье Лапидоту, в котором узнается Гордон. Оба они, дед и внук, на посту, «на страже жизни».

В том же открытом письме Бреннеру Гордон старался отметить не только различия, но и близость. «Разница между нами не в отношении к существующей реальности. Когда я вижу тебя, рисующего действительность цветами более черными, я не пугаюсь и не ужасаюсь. <...> Но когда ты творишь реальность, дополняешь ее — я не с тобой»[15]. Интересная деталь: экзальтированный романтик укоряет мрачного реалиста за субъективизм, за «дополнение» картины действительности. Казался ли он себе более объективным? Видимо, да. Усилия поселенцев он измерял мерками длинной еврейской истории и оттого не отчаивался. Бреннеровские обобщения относились к современности, к определенному типу людей, они не базировались на религии и национальной мифологии. Чем больше отчаяния, тем больше усилий придется приложить для возрождения, как сказано в известной формуле Бреннера: «Невозможно жить здесь, но другого места нет».

Тип универсального человека, каким был Гордон, проиграл профессионализму — и в мироощущении, и в гражданской деятельности. Но диалог Гордона и Бреннера представляется особенно примечательным во временной перспективе. В балансе успехов и поражений ставшего государством еврейского ишува «тьма» и «свет» оказались неразделимы. «Англичанин» по-прежнему не всегда считается с интересами Эрец-Исраэль, но настроение молодежи стало более устойчивым.

[1]. Бреннер Й.-Х. *Самокритика. Сионизм в контексте истории. Иерусалим, 1992. С. 93.*

[2]. Китвей А.-Д. *Гордон (Сочинения А.-Д. Гордона). Том 1. Тель-Авив, 1945. С. 103.*

[3]. Агнон Ш.-Й. *Вчера-позавчера / Пер. Т. Белицки. М., 2010. С. 557, 559, 660.*

[4]. Бруцкус Б. *Воспоминания о Гордоне // Наш друг и учитель Аарон-Давид Гордон. Бейт-Дганья, 1962. С. 21–22.*

[5]. *В спорах о главном (Отклики читателей на работу С. М. Дубнова «Письма о старом и новом еврействе»). Вступ. статья, публикация и комментарии В. Фирина // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. № 2. С. 212–215.*

[6]. Халом меат А.-Д. Гордон // Бемаале. 6.02.1953.

[7]. Гордон А.-Д. Палестинские письма (из частной переписки эмигранта) // Еврейская жизнь. 1904. № 11.

[8]. Сола М.З. Еврейство в философии А.-Д. Гордона // А-Поэль а-цаир. 12.02.1969.

[9]. Гордон А.-Д. Палестинские письма...

[10]. Быть евреем в России. Материалы по истории русского еврейства, 1900–1917. Иерусалим, 2002. С. 257.

[11]. Китвей А.-Д. Гордон. Том 5. С. 226.

[12]. Гутман Н. Эхуд Бен-Эзер. Меж песками и небесной синью. Иерусалим, 1990. С. 81.

[13]. Харизман А.-М. Альядо А.-Д. Гордон (Возле А.-Д. Гордона). Сефер а-алия а-шния (Книга Второй алии). Тель-Авив, 1947. С. 758.

[14]. Героически он держался до конца. «Гордон шел все время впереди, не теряя общего ритма, без остановок. Его настроение на природе было приподнятым, он был освежен чистым воздухом. Но во время расставания сказал: “Жаль денег, которые Дганья потратила на меня”. Врачи советовали ехать в Вену, но без гарантии на излечение. Около 6 недель пробыл он в лечебнице, окруженный заботой д-ра Робинзона, который любил больного и ухаживал за ним с исключительной преданностью. Однажды Гордон сказал Яэль: “Я ведь знаю, что иду умирать, и будущее — не мое, и все же я интересуюсь всем». Яэль записала в дневнике: “Через некоторое время он проговорил: „Я, видимо, теряю сознание“. Я испугалась. Он это почувствовал: „Что это? Это случается с человеком в последние мгновения“ — и замолчал. Снова очнулся, что-то произнес, понять было невозможно. Я едва разобрала: „Израильский народ, Дганья“. С этими словами он испустил дух» (Быть евреем в России. С. 240).

[15]. Китвей А.-Д. Гордон. Том 1. С. 104.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2011 ХЕШВАН 5772 – 11(235)

О ГЕНДЕРНЫХ МЕТАМОРФОЗАХ В ИВРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

לְחַיֵּי אֵלֵינוּ אִי

Í ò äö í á ðàç ã ààðè ààè:
 — *Áí ò è, ó ò ááÿ ì áεíεáÿ ááσà*
 — *Óí ääà íí:áí óÿ ðí äè è àñí áεáí ùè í í è?*
 — *Áàεá Í ááí è í í ääà í σ è á á á á ò ïÿ.*
È. Áàσ á á εñ Ç è í á á ð
È ó ð è ö à — í á í ò è ö à, á á á á — í á ÷ á è í á á è,
í ð á í í ð ù è è — í á í ò è ö á ð
Í í ð ε í á è ö à

Гендерный подход оказался весьма плодотворным в литературоведении. Он высветил неожиданные аспекты уже знакомых произведений и инициировал создание новых стихов и прозы, где на первый план выступили прежде невиданные либо маргинальные явления. Оценка литературного канона с гендерных позиций позволила по-новому осмыслить некоторые привычные факты. Приведу два сугубо еврейских примера:

1. Сионида, стихотворение, обращенное к Сиону, т. е. Стране Израиля, от лица поэта-мужчины, который объясняется ей, Стране, в любви и изливает боль измученного в разлуке сердца. В этом каноне используется гендерная оппозиция: поэт-мужчина — Страна-женщина[1], как, скажем, в сиониде пропагандиста возвращения в «страну родную» Лейба Яффе, где есть такие строфы:

Óááá, ñò ðáí à ì íÿ ðí áí áÿ,
Í í ð ù áí þ í í σ áí è è ò ñ è,
Á áñ ò í ð ä ä ò áí ð: áí è í ì ð ù á áÿ,
Β á á ð á ç á á è ù í í ð è í í ñ è,
Óñ ñ è í è ð á á í ð ò ÷ þ ò ñ ì è ì ù è,
È ì á: ò á á à è á è í è á ç í ð áí ç á á á
Óááá, í á á ε á í ù è í á è þ á è ì í è,
Ñ è í á è è ÿ í á ð á ù è ñ á í è í á í á á [2].

Какую возможность оставляет подобный канон поэтессе? Петь с чужого, мужского голоса. Рахиль Пресс, посвящая свою сиониду чаровнику дамских сердец Лейбу Яффе, так и делает:

Тихо плывут облака белоснежные,
 Тихо журчит ручеек под горой,
 Шепчутся тихо деревья прибрежные...
 Долго сажу я, объятый тоской.
 Думы летят... Среди природы чарующей
 Чуждый всему, я томлюсь[3].

Ту же гендерную замену находим и в сиониде поэтессы А. Георгиевой:

Одиноким, без участия,

И судьбой гоним,

О тебе всю жизнь мечтал я, Иерусалим!

Жизнь прошла в стране далекой,

Словно тяжкий плен,

Умереть пришел я, странник,

У родимых стен[4].

2. Образ женщины, торгующей своим телом ради спасения семьи или иной социальной группы. В русской литературе это в первую очередь Сонечка Мармеладова, в зарубежной — «Пышка» Мопассана. Сонечка выходит на панель, чтобы прокормить домашних, Пышка ложится в постель к немецкому офицеру, ненавистному оккупанту родной Франции в годы Франко-прусской войны, чтобы позволить пассажирам дилижанса двигаться дальше, в свободную зону. Но стоит перенестись в конец XX века, как мы оказываемся в забавном зазеркалье.

В написанном от первого лица рассказе израильской писательницы Орли Кастель-Блюм «Тысяча шекелей за рассказ»[5] (1993) обрисовано бедственное положение героини:

В άύά ίά άίθεά άί ίίείίε ίεύάου, ίί ύοί εάε ίίή ίόδαου Άίί ί ίε ίίόίε ίά άααάεείά ίό ίείί ίήάεείή ίάίε άύδύ, εδάίί ά ήέίίά ήέίάί άάήόάέύίί εα άάόί άόά, εόόί ύ άάάεέόί ύ ίά άάόίί ήέίά, ί άάέύί ίίείί:εάά ήήάίε. <...> Άάάάάίε ί όε ίάαάε ί άί ύ «ήήόύί ε άόίάάί ε».

И героиня, гротескный автошарж писательницы-феминистки, решает продать свое профессиональное амплуа — умение писать рассказы. На этом поприще она терпит полнейшее фиаско, поэтому финансовое положение семьи никак не меняется. Далее сюжет развивается следующим образом: «В среду в шесть вечера к нам в гости зашла служащая банка и спросила, когда мы собираемся закрывать минус». После обмена малозначащими фразами за чашкой кофе муж дал понять героине, что ей лучше уйти. И та послушно покидает дом вместе с дочерью.

Ίόεε Έάήόάέύ Άέρι

Άίαάάύάύή άίί ίε, ύ ίίόάάί ύεάή ή «όεάόίί » άάί έίάίέίε ήόεάύάε, έίόίόύε άύόεεάέ ίά είήή

— Άήή όίόίόάή! — ήάαέά ύ.

— *Áíííí áíáðíí! — ííáòíðééá ý áíá ðáç.*

— *Á, áíííí áíáðíí, áí ííéáíéý!*

Áíí á ý çáíð:áéá í óεα é òðíéò áí áðáòííá. Í í é εάíéε á áééέαðá

— *Β í íéó:έέ í òííí:έó í á áíííí ùέάò, — íéαçéé í óε.*

Легко видеть, что в этом рассказе ситуация обратная: теперь уже тело мужа служит взяткой при решении финансовых затруднений. Тот факт, что женщина гордо объявляет себя писательницей, поскольку ныне для женщин открыты все возможности, не отменяет древних как мир путей урегулирования конфликтов. Однако, согласно Кастель-Блюм, когда женщины вышли на авансцену, закулисные роли сексуальной купли-продажи взяли на себя мужчины. И первым намеком на смену ролей в старом каноне и утрату традиционной в литературе ценности женщины как сексуального объекта стала реплика мужа, назвавшего жену «сырыми дровами».

Как известно, на заре борьбы за эмансипацию на Западе женщина стремилась во всем стать равной мужчинам, что диктовало ей выбор одежды (брюки[6]) и прически (короткая стрижка), а также стиль поведения — мундштук с дымящей папиросой в зубах, резкость движений, саркастичность высказываний. Но в еврейской литературе это внешнее преобразование влечет за собой гораздо более глубокие последствия. Ярким примером тому служит героиня повести Исаака Башевиса Зингера «Ентл-ешиботник»[7].

Оставшись сиротой, выросшая без матери единственная дочь своего отца, Ентл решает отказаться от традиционной женской доли. В несобственно прямой речи, где голос девушки сливается с голосом повествователя, эта доля обрисована так:

Áíééáò áááòεά çáí óε, é +òí ñ íáé íðíéííáéò? Í íá íáí áééáííí íá:έíááò ðíεáòíí é ðáíðéòíí ááðáé. Áá áíá ííáéðíáí áð éíí áí áááò. Áí òé çáéá, +òí íá áíáéòííý á εαί ú. Í íá íá òí áéá í é ðεòú í é áýçáòíí. Δαðéíá ó íáá áíííá í ðεáíðáéí, í íéíéí áíééíáéí, ííááíòíéé εάíéú íééíáá íá íðííáéáéííý, á ðáíðíí áéý ðáéú íá í íáíéí áéííí. Í óεíéíé íáðáç εεçí é í ðááééííý. Áí òé áíðáçáí áíéúá, +áí εαί íééé. <...> Í áò, í íá ííçáíí á íá áéý ò íáí, +ò íáú ðáíéáòúááòíí íéáééíé éáí óó é í á:ú çáí áéáí éé, +áíáòíí ýçúéé ñ áéóí úí é εαί úéíáí é é òíééáòííý á í:áááé é í ýííééá <...> Í íá ááεá í íéðéáíéá óéðááéí é áééí í çð í òòíáíéçð ò ðíáéú

Мужская альтернатива пленяла еврейскую девочку возможностью учиться:

Ее отец, реб Тодрос, мир его праху, много лет пролежал прикованный к постели, и все эти годы он изучал Тору вместе с дочерью, как если бы она была мальчиком. По его распоряжению Ентл запирала дверь, задергивала занавески, и они вдвоём углублялись в тайны Пятикнижия, Мишны, Гемары и комментариев. Ентл оказалась способной ученицей.

На алтарь учения, духовного роста и интеллектуального общения Ентл принесла личное счастье: отказалась от дружбы и любви, от возможности создать семью. В условиях традиционного еврейского уклада переодевание в мужское платье и стрижка под мальчика влекут за собой полнейшее изменение всей жизни. Или, говоря словами повести:

Только теперь поняла Ентл по-настоящему, почему Тора запрещает людям носить одежду, предназначенную для другого пола. Надев такую одежду, человек обманывает не только других, но и себя. Даже душа приходит в замешательство, очутившись в чуждом ей воплощении.

В роли «одежды, предназначенной для другого пола», может выступать и имя. В мировой культуре известна игра автора со своим именем: осмысление его семантики[8], проекция на себя тетки из мифологии или истории. Литература на иврите изобилует подобными примерами, поскольку евреям традиционно давали имена людей из предшествующих поколений, вплоть до библейских персонажей. В этом смысле типично стихотворение переселившейся в Страну Израиля поэтессы Рахели:

ÐÀÕÁËÛ

Àà, èdîáíáá á èdîáé ì íáé
È íáúŷ á íáú á íáúòáííé.
Èáóáéú, íáúòóóéà òòáá Èáááí à,
Èáóáéú, í òáì à òááúì à òááé.
È ìíòí òí í á òááí áíí.
Çà ááðíá — òáì íáúòóóéé íáéé.
Òáì òðáí à òáé íéà òíé Èáóáéé
Á íáúòúíá, í á ááò òò òòòí.
Èáóáéíòí èíð òááé,
Áíðíá çíéíáŷ íúéé òíŷ,
Á áíúò í íáú ì íéò òðáí è òíŷ
Áíŷ í áì ŷòú ò áá ááéáéé ò áí áé [9].

Если тебя зовут Рахель, сопоставить себя с библейской героиней, праматерью народа, более чем естественно. Но что делать, если девочку называли Ионой? Ведь Иона — имя библейского пророка, и девочка Иона обречена испытывать гендерный дискомфорт. О том, что подобный дискомфорт испытывала родившаяся в 1944 году поэтесса Иона Волах, свидетельствует ее биограф Игаль Сарна:

Ííé íáçááéé áá Èííá, íí èì áíé ííéíéíé ì àòáðé Í áóáŷŷ [íòóà ííŷòááííú], íí èì áíé áá ííááóáé á èáááŷŷò íéáí ŷííéóú è íí èì áíé áŷáé, íòóà ŷíòáð [í àòáðé ííŷòááííú], èíòíðúé á òí ááúí ŷ -èíéééŷŷ íðííááóéì. «Í ðíéŷŷòíá æóðéíá èì ŷ, — íáíéòáò 14-èáòíŷŷ Èííá Áíéáò òááí ò òáááò ò íí íáðé — áí ááðíáéííá èì ŷ» [10].

Андрогиниом называется двуполое (иначе гермафродит) либо бесполое идеальное существо, а в еврейской традиции есть мнение, что первый человек, Адам Кадмон, был андрогиниом, и лишь потом Творец разделил его на две разные однополые части. Как пишет один из теоретиков гендерных исследований,

Благодаря снятию табу с гомозротики и гомосексуальности оказались под вопросом стереотипы контрастного сексуального поведения разных полов. С конца XIX века в общественном отношении становится модным «нарушение границ» при помощи ролей денди (Dandy) и новой женщины (New Woman). Культура модернизма ориентируется на идеал андрогинного... [11]

Напомню, что тоска к воссоединению в андрогине влечет, например, Атанасиуса Перната к Мирьям в мистическом романе модерниста Густава Майринка «Голем» (1915). Но Ионе Волах осознание себя андрогиниом не только не льстило, но мешало. В подростковом возрасте она проводила часы перед зеркалом, пытаясь прояснить свою гендерную идентичность, а позднее пробовала себя в гомо- и гетеросексуальных отношениях. Гендерная амбивалентность имени Иона подсказывает прочтение стихотворения Волах «Йонатан» [12], которое «коснулось окутанного мраком одиночества и загнанности и многие годы спустя после первой публикации по-прежнему находило в читателях мощный отклик, словно было написано об их собственной жизни» [13]:

ÈÍÍÀÒÁÍ
В áááò íí ì ííòó

À ðááŷò à çà ì í íé

Éíí à ò à í

Éíí à ò à í í é ç í á ò

× ó ò í :- é ó é ð í á è

*Ò í é ú é í :- ó ò í :- é ó é ð í á è
í í á ð é à ò è ó ú í à í ì á á*

B ñ ã è à ñ ú í à à ù ð é ó í ò é í í é é

Í í ð á á ŷ ò à ò í ò ŷ ò

È í í é á à ò è

À ŷ Éíí à ò à í

Í í é ð á á ŷ ò ì í á á è í á ò ò á á è à í

Á è á á è í é ó ú á è ì í í á è ð à ò ò ì í ð á è í á ò

*Á á ò ŷ ò ò á á è ŷ í è á á á è í é ó ú á
è ç à ì ð á :- é á á ð ò*

Í í ð á è í á ò á ó ó ð à ù è é ó á è í é ò à í

Éíí à ò à í

Éíí à ò à í í é á á í ò ŷ ò

Í ð á á á à í ð í ò è í á ñ

Ì ù á á è á í á á ó í á è è :- ò í ò ù ò á è í é.

Здесь лирическое «я» мужского пола, для чего андрогинное имя Иона превращено в однополое Йонатан, однако при внимательном чтении замечаем, что гендерная однозначность навязана взглядом детей со стороны: «Йонатан они зовут», и как следствие: «И они дети / А я Йонатан» (запомним оппозицию «они — я», она встретится нам и дальше). Упоминание меда и смерти отсылает к библейскому Йонатану, который по незнанию вкусил меда и тем самым обрек себя на смерть, но волею народа был спасен[14]. В стихотворении «Йонатан» угроза и испытание грозят герою из-за того, что ребята не знают, что он «такой». Несмотря на единственную в произведении и потому особенно внушительную конечную точку, у читателя немедленно возникает вопрос: какой «такой»? Волах ответа не дает, а при гендерном прочтении ответом будет: девочка.

Вот стихотворение другой израильской писательницы, лауреата многих литературных премий, особенно известной книгами для детей, хотя она пишет стихи и прозу также для взрослых. Речь идет о Нурит Зархи[15] (чей отец, писатель Исраэль Зархи, не раз упомянут в романе Амоса Оза «Повесть о любви и смерти») и ее стихотворении «Она — Йосеф» (1983):

Í Í Á – É Í Ñ Á Ó

Ð à ò á è ú ñ è á è ò á è ò ð á

í ò ŷ á ú ç à í ò ŷ á ú ð ñ í è à ò á à ò á è í ñ á

è ííá òáèéíáíé òáíí:-éíé íðÿ:-àò

í à áéíáéá áí:-òðéé, à ííá — Éííó

ááúíáíé òú ðááíéá òíòáéà

à áíé òáíé ñ:-òáí ú

:-òí, éðíí á íáí áíá, ííí íáéáò

áíéþ Áííáúóíáá éçí áíéòú

í áéúóéà ñéáè ò á òáòðá—

ðááóéá í áíòðá, éáé ááí íé, —

òáéí ó í ííòéñ áóú — ááá:-ííéà

à áçæÿáíí íééí áóú — ñíí íé

ñé:-áí áíí ó í éðó éçáíò í í

çéííéíááúí áá í á í í ðí:-ú [\[16\]](#)

í áíéááí ééà í óéó Ðáðáéú ðíáééà

é ÿòí — áá áí:-ú

í àòú áíéííí áí:-éé áéáéò

íí í ðÿáÿí :-éò ááò áá ñáááá

éç-çá ñ í á í í í áááóú á ÿí ó

à éç ÿí ú — á :-óæçþ ñò ðáí ó

ñéóááò í áí éí ú ðá:-é

í áéúóéà áí í áéá òáòðá

òáéí ú ÿòéò í ðí ðí:-áíò á

áííò í ðáí ðí áóéááþ ò é ñò ðáò

à Ðáðáéú í ðí áíééááò ááú àò ú

í ííò ðááááóú çá ñáíþ éðáíò

ñéááí à òááá áí:-éà ò þðíí á

í í ñáí áí áó ñí ú í ðéí áíò

í í í á ááá ñéÿò òáíé ñí ú,

á òáíéò ñí áò í ðé:-éí á óáá:-...

āī ē Daōāēēī ū m̄:-ōāī ū

ōāēīō āī:-ēē āē īā daçāāāōū

ī āēūēēā m̄āēō ā ēāōōā

īā çāūōūāē āēēōāīōp īī:-ū

m̄ īōōyō ēpāē ē āēāyō — ī āēū:-ēē

īī m̄ēōūōā ā ī āēū:-ēēā āī:-ū

ōāāā ī ēīōāī-ēīyī

Здесь у Зархи гендерная идентичность библейского персонажа определяется оппозицией: снаружи (на взгляд со стороны) — внутри (имманентная сущность). Замечу, что самый образ Йосефа, каким он представлен в Торе и комментаторской традиции, провоцирует приписать ему женственность: «Йосеф семнадцати лет был <...> и он — отрок» (Берешит, 37:2), а Раши поясняет странное для юнца определение: «Оттого что делал то, что делают отроковицы: укладывал волосы, красил глаза, чтобы выглядеть красивым». И позднее в Египте, у Потифара: «Йосеф же был красив станом и красив лицом» (Берешит, 39:6), а Раши пишет тут: «Когда он увидел себя управляющим, начал <...> завивать волосы».

Непритязательное ни в идейном, ни в эстетическом отношении стихотворение Зархи можно было бы и не заметить, если бы через несколько лет она не опубликовала одноименный рассказ, интересный и глубокий[17]. В нем перелagается библейский сюжет с теми же дополнительными подробностями колдовства Рахели, что и в стихотворении, но, кроме того, появляется отец, знающий тайну дочери, выдаваемой за сына, и ничего не знающие завистливо-жестокое братья. Зархи мотивирует гендерную метаморфозу так:

ī īīāā āāū āēāīā īā ī īīāā āāēōū āī ō m̄īā. Nīīāā ē m̄īāā īādaūāēāūī īīā ē āāā-āī, ēīēāōīāī ē çīāāāēāī, ē āīō īāēīāō āāēēā ē ōāīāūī m̄ēōōēēā, īōāāōāāēēā āāēī ōāē, āāōī ī ēāāīāō — ī āēū:-ēē.

Когда мать умирает, девочка остается одна со своей тайной. И тут писательница следует модели, предложенной Бубером в работе «Я и Ты», где сказано, что разглядеть и узнать свойства другого возможно, лишь отстранившись от него так, чтобы другой по отношению к моему «Я» стал «Оно»[18]:

Āāāī:-ēā īōēāīēēā āōīāēōū īī āīī ō īōōā, āēā āāç ī āōāōē, — īāāōāy, ēāē ī āēū:-ēē, ā īāōōōōēāīōp āāāōēēā. Ā āāāōēā — ēāē Āāāī, ēīāā īī m̄āī īī m̄āā — īē ī āē:-ēīā, īē āāīūēīā, ā āīçī īāēīī, ī āē:-ēīā ē āāīūēīā āī āīōā. āāūī āāēōūī yōī āīōōāāāīī ī īāēīī, ēēōū āāēē āyāī āīōū ēōī-ōī āīā, īāīāēī daçū īī ēē āīāāyōūīōīēūī āāēīīā āāōāīēp īīōōōīīāī ō?

Тот же мотив подспудно присутствует и в стихотворении «Йонатан». Но Йосеф у Зархи отличается еще тем, что живет в двух параллельных мирах — мире действия и мире снов:

Í ñòààè ÷èñòí àùí àòàíííà àáíðà ñòíèò òèàáíàÿ Èíñá è ðáññèàçíààò àðàòóÿíí ñíí, à ñíè ñèàÿò àíèðáà èíñòðà, è èèòà èò ïùèàðò. Ñíèíòà è èòíà ñèèííèèèñíí ïáðáí ï ñíè á ïíèèííà — àíáíðèò ñíà è ðàè, ïí ñòðè, ïòèðóáààò èí ñ ùíè èáñíàèèòíà ñííàèáí èÿ. Àðàòóÿ ñ ñòííÿ, ïí èèòà ó ïèò ïáííáðóíà Ìòáò ñ òðáííàíè ñèàèò çà èò àáííàíè. Ìí ñííà òààèààòóÿ á òíí, ÷òí òèà áááíí çíàè: èðàè àíáíà çáññèèàðòóÿ èíòíðèàè, ïíà èò ñíèàòáàò, à ñííàèáàò àèàèò àí ñí à ñáí ïá ñííÿ.

Àðàòóÿ ñèàÿò àíèðáà èíñòðà è ïíè:àò. Ìí:ù ïáèíà è ðàííà, èíñòáð òðáíèò, èíèðó áçí ùáàðò ááíííí, ïááííòðà:ò çáçáí. «× òí çà ñíí òàèíè», — àíð:àò ñíè.

Èíñá ñòáíàèèààòóÿ á òááí ïò èíñòðà, àá òèáðà ïí-ïðáèíàí ó ïèòáíà òíí ïè. Õíèèí ðáòóèàÿ èç èíñòðà ÿçíèè ïèáí áíè ñèíáíí àííáíáàèàðò èç ï ðàèà áá áàèíà èèòí è àííòèèíè, èàè èðóòà ñèíáííè, èíà Èàè ñíà ñòáíàò ïòáá:àòó ñíí ááò èè? Ñèàèè ñíà ÷òí ïá ñ:èòáàò ñááÿ ááèíáí èò òíòóíà ïáèí èíèííè, ñíè àíá ðááíí ïá ïíááòó. Èíñá è ñáí à ïá çíààò, òíòíèí èè, ïèíòí èè, ÷òí ó ïáá àñòó òàèíà, ïáíáèí èðáí èí òðáíèò áá á ñáðáà, áááíí àíèè á áá ïòííòí èðàèèè, ïá ïðèèèííí áú àè àèòóííà ÷àèíè èè:èííè.

Как видим, писательница ввела дополнительную тему: априорную нелюбовь к дочери отца, желавшего сына-наследника. Это, помимо материнского заклятия, еще одна причина, по которой девочка скрывает свое истинное «я». Однако для Зархи фантастическое истолкование Торы не сводится к дешевой психологии. Для нее женская ипостась Йосефа символизирует альтернативное, надмирное бытие его души, которое позволило ему видеть земную жизнь сквозь вещую оболочку снов и в результате этого сыграть свою уникальную роль в судьбе семьи и двух, еврейского и египетского, народов. Вот как заключает Нурит Зархи рассказ «Она — Йосеф»:

Что касается истории Йосефа, того, кто годы спустя оказался во дворце египетского фараона, то это, вероятно, был политический заказ, как написал один немецкий автор о Йосефовом отдаленном родственнике, которого судьба тоже закинула на царский двор, где он занял высокое положение и потом спас своих сородичей. Йосеф, как известно, не смог сдержаться и заплакал, увидев их через много лет, как случается со всяким, давно живущим на чужбине, когда он встречает вдруг братьев по крови, прибывших с родины предков.

Ìí àíèè èíðèííí òí, ÷òí áááí:èò Èíñá àíòáòóèèè èç èíèíáòà èòí àÿèíóÿíà, à ïá ïòáò, è ñíà ïèàçàèàñíí òáí, áá ïèàçàèàñíí è ïí ï óáðííòè ñííàè ñèðóíèà, ÷òí ñíà — áááòóèà, è ïè ïáèí ÷àèíáè ÿòíá òàè è ïá ïáíáðóèèè, — òíáá ï ù ï ïáèí àííáðàçèòó òèè ñíà èáèèò á ïíñòáèè, è ïí:àí è, èíáá è ïáè ïðèòíàèò àèçíú áááíí òí ïííèà ñèò:èáòáííÿ ñ Ìñáò, àí:áðíð Ìíòèòáðà, ïðèèñòáíòáèÿ, èíòíðá ïáí ðáíáðú ïáòðáííí ïííÿòó òèè èàè ñ ñòóÿ ááú, ïí òíáèá á ïíñòáèè, àíè ï áíè ñíí àè:èííè èèè àáí ùèííè, èíòíðá àíí òèè ïðáèáá ïáá, ñíà, ïáðáàòèñíí ï àèáíòáà èç áðááíí àè èíèè, òðáíèò ñáð òáèíó — òáèíó ááíèíá àúòèÿ, ñíáíòáíáèèÿ, èíòíðá àñòó ñíí ïáÿáò èèè àíáðòáíáèèá àí ñíà àèáááàòÿ èíòíðíó ñíà ñíí àèá ïðí:áñòó çíàèè ïáçáàòíáá, òáèííèèñíí ñííàèáíèÿ, ïðèçáíííá ðáèèòó çáááèò àèçí è ïáÿáí

Òàè èè, ÿòàè èè, àí àíèè òíè èíòíðèè ïáò ááèá èðáòèíá ïáèá:áíèÿ, ï ñí áíòà, èíáá Èíñá ï ñá àíáðèòó ñáð òáèíó ÷èòáòáèÿ èèè èíí òí èç ïðèñòíòáòáðíèè. Èíèèð:áíèá ñíòáàèÿáò, ïíáèòóè, òíò ï èá èíáá ïí ïðèèàçàè: «Àíáíèòá àñò ïò ï áíÿ» — è ñíòáèñÿ ïááèíá ñíáíè, ïèá:á è àíííí èíáÿ òí, ÷òí ï ïáèí áú ïðèçíèòè, ïí òàè è ïá ïðèçíèè. Ì àè:èíà ïí èèè àèáíèíà? È áúá àííòí ïá èíòíðíè ïáò ïòááòà, — ÿàèÿáòóÿ èè ïí ðáçááèíè èèè çáááèíè, èíòíðáÿ è àñòóàèçíú Ìáíáèí Èíñá áúè ñííàèáòáí è ÿòíá ïá çíàè.

Орли Дабай

В повести «Ентл-ешиботник», откуда взяты вынесенные в эпиграф слова, Башевис Зингер вплотную подошел к такой же взнесенной интерпретации гендера. Произведения израильской феминистской литературы культивируют эти «ошибки Небес». В первую очередь это разработка образа агрессивной женщины, не умеющей жеманиться и кокетничать, и, более того, не умеющей быть ни хранительницей домашнего очага, ни матерью. Как далеки персонажи Орли Кафель-Блум (р. 1960), Цруи Шалев (р. 1959), Леи Эйни (р. 1962) и Элеоноры Лев (р. 1958?) от восхитительной миссис Рэмзи, героини романа Вирджинии Вульф «На маяк» (1927)! Если английская матрона изящно и мудро правит не только многочисленными чадами и мужем, но и всеми соседями и знакомыми, устраивая судьбу каждого наилучшим для него образом, то героини израильских писательниц идут напролом: убивают тех, кто кажется помехой, бросают тех, кто перестает интересовать, ни в грош не ставят своих сексуальных партнеров и — сами того не желая — страдают от экзистенциального и женского одиночества.

В романе Цруи Шалев «Я танцевала, я стояла» (1993) героиня так боится потерять дочь, что заранее обрекает себя на разлуку с нею: не кормит ее, не ухаживает за ней, чтобы не привязаться к ней душою и не страдать, когда девочка неминуемо исчезнет. В этом гротескном повествовании все родительские функции отданы мужу:

Муж сказал мне: «Я всегда хотел кормить грудью, а еще больше — родить». Лекарь повизгивал от удовольствия. «Мы все сегодня уладим», — пообещал он.

Étāā i ū īōōāā āīōēē, i īē i ōē āūē āāāī āīīūī, ā ō i āīŷ īā āūēī i āōēē. «Āūōīāā īā āūēī, — ēçāēīēēīŷ ēāēāōū — Īīēā āī āāīāōū, āī — āāēīīā ōāēīā B īōāāē āī ōōī, ÷ōī çāāōāē ō āāī». B īēāçāēā īāīāī ō i ōēō «Ōū ÷ōī, īā i īā īīāīēāāōū īīēā i ū ðāçāāāī īŷ? Èī āīīī i īŷ i āōēā ōāāā īōēīā āūēā?» Āēāīō ō īāā āūīōōī ðāçāāāēīŷ. Īōāīēōū īā ðāāāēā īōīēāēēāēē īāī ā çā āōāīē. «Ēāāīī, — ŷī ēðēāīŷ — ŷīōāāī ōāāāīīē āūē āēŷ āāāī āīīūō, īīē ōāāā īōēīāā» [19].

Я уже писала о могильщике Йоне, грудью выкормившем своих младенцев-близнецов после того, как жена умерла в родах, и о том, что его создатель, израильский писатель Ашер Райх, указал на прецедент подобной трансформации в Талмуде[20]. Однако у Цруи Шалев идентичный гендерный сдвиг подсказан, как мне кажется, не знанием Гемары, а динамикой культурного развития литературы в мире и Израиле. Не случайно в ее же рассказе «Медвежонок» (1993) ни героиня, ни встреченный ею и ставший на время партнером по жизни молодой мужчина не способны создать семью просто потому, что вместо реального ребенка пестуют игрушку, покупают ей памперсы, кормят, укладывают спать между собой на двуспальной постели:

Ī ū īā:āēē ēððēōūŷ āī āīōā ÷ōīāū āīāīāēōū i ēōēā Ēōīēēē āēŷ īāā ēēŷŷēō ī çīīōēēīī īō īēīōā, ðāē ēāē āūēī ēāōī. Nēāāēē ā īēōōāðēē, īēēē ēīēō ē īī īōðāēē īā īāā. Èīīāā āī āīōā āçāēēē īā i āōēīā ē i īðē ēēē īā īēēīēē [21].

Неудивительно, что этот суррогат семьи не выдерживает испытания временем, и он и она возвращаются каждый к своему одиночеству.

Еще одна яркая гендерная метаморфоза в литературе современного Израиля — книга стихов талантливой израильской поэтессы, создателя литературного журнала «Димуй», Хавы Пинхас-Коэн «Песни Орфеи» (2000). Эта книга писалась кровью сердца — у Хавы (р. 1955), матери четырех дочерей, умер любимый и еще молодой муж. Античный миф о певце Орфее, который потерял жену Эвридику, спустился за нею в Ад и там утратил ее снова, уже навечно, побудил поэтессу-вдову увидеть себя в образе Орфеи и излить горе удивительными по силе и виртуозности стихами. К сожалению, благозвучие и музыкальность этой поэзии и ее насыщенность библейскими цитатами, прежде всего из Песни Песней, не позволяют мне достойно перевести ее стихи.

Ни в коем случае не исчерпав темы, а лишь наметив ее отдельные грани, завершу очерк еще одной цитатой из вышеупомянутого научного исследования:

*Daqee-ea ii i deqiaeo iiea ia caaai e ia caedaiiaai i dediaie; iiii i puiaio aeyaoii
:aeiaaeii. Iiii yaeyaoii eeiuoohii einoodeoii e eci aiyaoii ai ahoa n eeiuoohie. Yoi o
einoodeo — eae iiea qaaip maai aiua emeaiiaiey — aeep:ai a einoide:ai ee i doaii
daqeeoey i aioeeoaa e ia uiaaa. A ai mcaiee a eaeai i oiaaii iie:aa i faao eaaou
gia:eoaeii q deii ee oadaoaa ai iie yiioe. Oaei iadaai, einoidey ee oadaoaa ia i adaeaa
aaieiq mqi n einoide:ai ee aeiai eeie i iyoey iiea. N iaiie noioii, ee oadaoaa a iieo
eiioai oao :aeiaae ai ee ai oedao i aiybaai i daiaaiaiea i i aeieii e aeieii, a aadii —
i ae:ei e aeieii — eai oedoeo q mqi n i daiaaiaii e maee:ae i aeieie e ee
aeieie i di ai e iem a <...> N adae noioii, ee oadaoaa i oiecaaiiey ae eai
maepo ai ae eci ai aiep i daiaaiaiee i oadaoaa i ieta[22].*

[1]. Аналогично и в русской поэзии, например в хрестоматийном стихотворении А. Блока «На поле Куликовом»: «О, Русь моя! Жена моя! До боли / Нам ясен долгий путь!» (1908). А как поэтессе написать о том же?

[2]. Яффе Л. Огни на высотах. Рига, 1938. С. 44.

[3]. Еврейские мотивы. Сборник сионистских стихотворений / Под ред. Л. Яффе. Гродно, 1898. С. 35.

[4]. Там же. С. 12.

[5]. Плоды смоковницы. Антология современного израильского рассказа / Под ред. Х. Хофман. Иерусалим, 2002. С. 173–176 (пер. Д. Сливняка).

[6]. Хочу обратить внимание на то, что в XIX веке военные, т. е. мужчины *par excellence*, носили обтягивающие штаны — лосины и короткие форменные куртки, тогда как с конца XX века именно женщины обрядили нижнюю половину своего тела в облегающие тайтсы и все чаще дополняют их короткой блузой либо курточкой.

[7]. Башевис-Зингер И. Сборник рассказов. Иерусалим, 1990. С. 215–242 (пер. с англ. Ю. Виннер). Барбра Стрейзанд, режиссер экранизации «Энтл» (1986), сыграла в фильме заглавную роль.

[8]. См., например, у Цветаевой: «Кто создан из камня, кто создан из глины, — / А я серебрюсь и сверкаю! / Мне дело — измена, мне имя — Марина, / Я — брэнная пена морская».

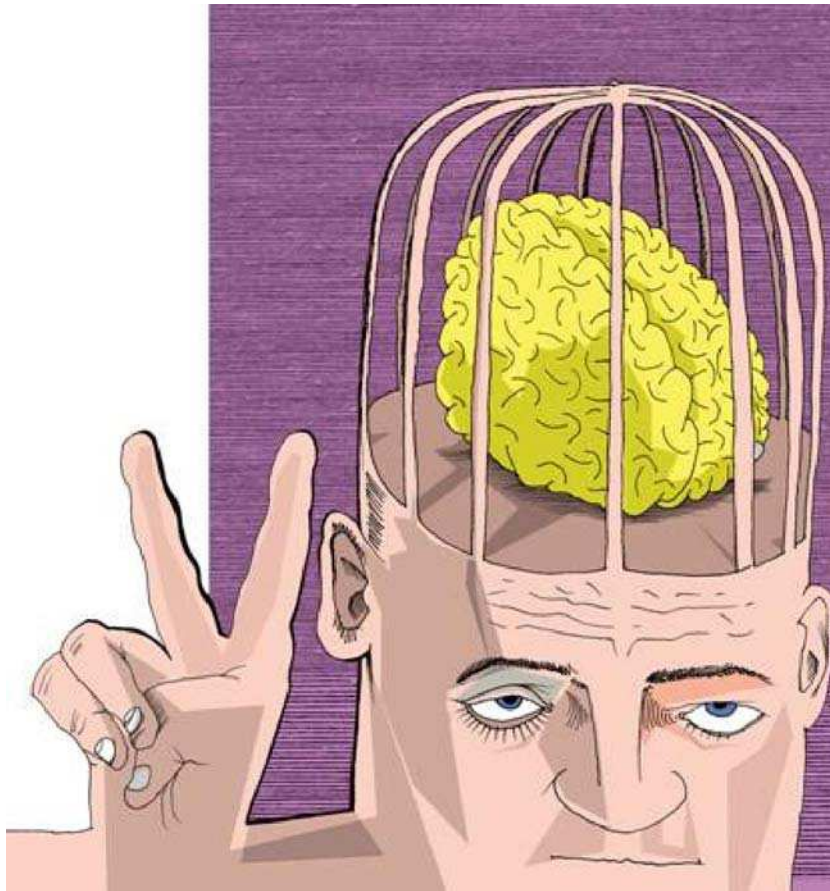
[9]. Я себя до конца рассказала. Сборник стихов израильских поэтесс. Иерусалим, 1981. С. 107–108 (пер. с иврита Я. Хромченко).

[10]. Сарна И. Иона Волах. Биография. Иерусалим, 1993. С. 19 (иврит).

[11]. Шаберт И. Гендер как категория новой истории литературы // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. Т. 1. М., 1999. С. 120.

[12]. Первая публикация: Ахшав («Ныне»). 1964. № 10. Со временем это стихотворение стало визитной карточкой поэтессы, и им открываются все ее поэтические сборники.

ἰ ἐδὶ γὰρ ἰ δὶ οὐρανῶ? Ἀλλὰ οὐκ ἔστιν ἐπὶ οὐρανῶν ἡ ἀλήθεια καὶ οὐκ ἔστιν ἡ ἀλήθεια ἐπὶ τῆς γῆς? Ἀλλὰ οὐκ ἔστιν ἐπὶ οὐρανῶν ἡ ἀλήθεια καὶ οὐκ ἔστιν ἡ ἀλήθεια ἐπὶ τῆς γῆς? Ἰὰ γὰρ οὐκ ἔστιν ἐπὶ οὐρανῶν ἡ ἀλήθεια «Ἐξουσία» ἀλλὰ οὐκ ἔστιν ἐπὶ τῆς γῆς ἡ ἀλήθεια ἐπὶ τῆς γῆς ἡ ἀλήθεια ἐπὶ τῆς γῆς.

ΥἸΟΛΑΡΑ ἰ ΕἸΘΑΕΕΪΤΑ Вы были в составе израильской делегации, присутствовавшей на открытии Генассамблеи ООН. Насколько удачной была эта поездка?

ΡἘΕΕ ὙἈΕῦΟΟΔΕΪ Еще два месяца назад казалось, что американцы правом вето пользоваться не собираются, Европа вся против Израиля, так что пропалестинская резолюция в Совбезе ООН пройдет как по маслу. Но была проделана большая работа, мы провели много встреч с представителями разных государств, разъясняя нашу позицию. И наши аргументы были услышаны. Даже Хиллари Клинтон говорит теперь, что дорога к миру проходит через Иерусалим и Рамаллу, а не через Нью-Йорк.

На изменение атмосферы повлияли и два выступления в ООН — Нетаньяху и Абу Мазена. Речь палестинского лидера напоминала машину времени, она состояла из клише 30–40-летней давности: «израильские солдаты убивают палестинских детей, унижают палестинских женщин» и так далее. Я уж не говорю про его исторические перлы: он, например, заявил, что на нашей земле было два великих пророка, Мухаммед и Иисус, — а мы-то, наивные, считали, что были и другие. И было выступление Нетаньяху, который, с одной стороны, четко объяснил наши права на страну Израиля, а с другой — выразил готовность идти к миру и встретиться с Аббасом, не выходя из здания ООН.

ΥΪ А почему такую неконструктивную позицию заняла Россия — после всех разговоров о совместной борьбе с террористами и при наличии собственной «Палестины» на Кавказе?

ΡΥ Думаю, если бы я спросил об этом Лаврова или Чуркина, они ответили бы так же, как мне отвечали, скажем, в Южной Африке, где я недавно был с визитом: «Какая вам разница? Это же ничего не меняет. Ровно то же записано в Соглашениях Осло». Хотя понятно, что разница большая. Если раньше палестинцы хотели земли в обмен на мир, то теперь они хотят земли без мира, о чем можно судить по той же речи Аббаса.

И А действительно, какая разница? Сегодня это называется «автономия», завтра будет называться «государство» — ну и что? Что изменится для Израиля?

Р Во-первых, если ООН признает палестинское государство, то это конец мирному процессу. Я получил государство от международного сообщества, без всяких переговоров — зачем мне теперь договариваться? Переговоры — это уступки, это компромисс. Я лучше получу все, ничего не уступая — через Россию, Европейский союз, ближневосточный квартал.

Во-вторых, понятно, что нынешний заход палестинцев через ООН — это часть кампании по делегитимации Израиля. Получив признание, они тут же подадут заявление в Международный суд в Гааге, требуя, чтобы все израильтяне, проживающие за так называемой «зеленой чертой», были объявлены вне закона или чтобы все израильские военные, проходящие службу на территориях, были объявлены военными преступниками. А поскольку суд в Гааге — не вполне суд, а скорее филиал ООН, то он из политических соображений вполне способен принять решение, вследствие которого полмиллиона граждан Израиля не смогут выезжать за границу, так как будут бояться ареста.

И Нетаньяху предложил возобновить переговоры с Аббасом. Но ведь Аббас де-факто никто, он едва контролирует Западный берег, пойдя он на какие-то уступки, он быстро превратится в политический, а скорее всего и в физический труп. Не говоря уж о том, что любые соглашения могут быть, как показывает судьба Кемп-Дэвидского договора, с легкостью денонсированы следующим правительством Палестины. То есть никакого практического смысла возобновление переговоров не имеет. Что это — просто попытка затянуть время, изобразить готовность к миру?

Р Можно добавить еще и тот факт, что Аббас вовсе не контролирует миллионную Газу. Он сам об этом говорит после каждого ракетного обстрела из Газы: «Я за них не отвечаю, там другое правительство». Но когда его спрашивают: «Как же тогда ты можешь подписывать мирный договор с Израилем?» — он отвечает: «Нет-нет, я представляю всех палестинцев».

Но даже при всем этом я могу себе представить полезный переговорный процесс — реальный, не затяжку времени или взаимный обман. Конечно, он не должен сводиться к смешным формулам, вроде «через два месяца вы обязаны подписать мирное соглашение». Это должно быть обсуждение сотрудничества, не только экономического, но и в области источников воды, окружающей среды и так далее. Если бы такой процесс был налажен, то это и было бы начало движения к настоящему миру.

Другое дело, что опыт последних 20 лет показывает: когда мы предлагаем палестинцам создать совместную индустриальную зону, они отвечают: «Да, идея неплохая, но вы сначала должны отказаться от Восточного Иерусалима, убрать блокпосты, вернуть беженцев — тогда мы сядем с вами за стол переговоров».

И Так не лучше ли действовать более жестко, предлагая в ответ на палестинские односторонние шаги свои: заморозку трансфертов, запрет палестинским чиновникам въезжать в Израиль, аннексию поселенческих анклавов, наконец?

Р Я был первым израильским министром, который начал поднимать эту тему: если палестинцы в одностороннем порядке выходят в ООН и добиваются там серьезного успеха, то Израиль обязан прореагировать. Причем не какими-то «наказаниями» — вот, мы не переведем вам деньги, а всерьез, например немедленным присоединением к Израилю основных поселенческих блоков: Маале-Адумим, Ариэля... А всякие мелкие меры — запретить кому-то въезд, скажем, — совершенно неэффективны. Да, людям такие вещи нравятся, об этом можно красиво рассказать по радио, но толку от этого никакого.

И второй момент, более принципиальный. Односторонне решить конфликт нельзя. Мы уже пробовали это шесть лет назад, когда Шарон в одностороннем порядке ушел из Газы. Даже те, кто его в то время поддерживал, знают, что из этого получилось: 10 тысяч ракет, осложнение международной ситуации (вспомним турецкую флотилию), несколько тысяч израильтян остались без крова и до сих пор не понимают, почему и зачем... Так что ни одностороннее отступление, ни одностороннее наступление проблему не решат. Можно не вести переговоры, если для них нет условий, но тогда не надо пытаться найти какие-то другие решения. Никакой альтернативы переговорам нет, все остальное — это ерунда.

И Чем кончится вся эта история?

Д Мне кажется, что ничего особого не произойдет. Палестинцы на переговоры не собираются, так что прорыва ждать не стоит. Но и обострения серьезного я не вижу: с Совбезом у них не получилось, Генассамблея, не исключено, палестинцев поддержит, но любая ее резолюция будет абсолютно декларативной, все, что они могут, — это сказать: «Мы любим палестинцев». Так что ничего особо бурного нас в ближайшем будущем не ждет.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2011 ХЕШВАН 5772 – 11(235)

ТАЛМУД В ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЕ

Михаил Горелик

В Общественной палате Российской Федерации состоялся круглый стол «Открытие Талмуда в мировой культуре». Председательствовал секретарь Общественной палаты академик Евгений Велихов. Участие принимали члены Общественной палаты, ученые, представители московской администрации, еврейской общины Москвы, Института изучения иудаизма в СНГ, возглавляемого раввином Адином Штейнзальцем, и сам раввин, как бы полномочный представитель Талмуда, тоже, конечно, участвовал.

Круглый стол был посвящен завершению комментированного перевода Вавилонского Талмуда с арамейского на иврит раввином Адином Штейнзальцем. Сорок два года переводил и комментировал. В сущности, жизнь, отданная Талмуду. Начинать, когда компьютеров, пригодных для кабинетной работы, не существовало, нужную для работы справку нельзя было получить нажатием клавиши. Вообще компьютеров как феномена культуры и быта не существовало. Социальные и природные катастрофы потрясли мир, менялась политическая карта, начинались и завершались войны, на смену одним политическим и культурным кумирам приходили другие, потом забывали и о них — раввин Адин Штейнзальц аккуратно выполнял ежедневный «урок», покурил свою знаменитую трубку, размышлял, тюкал по клавишам сначала пишущей машинки, потом компьютера.

Представьте: вы едете на машине или на поезде, мелькают дома, поля, перелески — горы кажутся неподвижными. Талмуд — гора, пребывающая во времени и пространствах.

Сидящие за круглым столом говорили о роли Талмуда в мировой культуре, о том, что даже самые обобщенные знания о Талмуде могли бы повысить уровень толерантности и гуманизма российского общества — не только в отношении евреев. Говорили о культурном значении работы раввина и его коллег, занимающихся переводами Талмуда на европейские языки, о переводе вообще, о переводе на русский, в частности, о комментарии, создающем дружественную среду для недостаточно вовлеченного в тему, но заинтересованного читателя. Вспоминали работу над «русским» Талмудом Сергея Аверинцева, которого связывали с раввином дружеские отношения.

Запланированным украшением круглого стола стала речь раввина. О Талмуде, о его значении не только для евреев, но для всего мира. Как всегда, содержательно, глубоко, остроумно.

Итак, Вавилонский Талмуд переведен на иврит и прокомментирован. Проект завершен, но проект «русского» Талмуда продолжается: Институт изучения иудаизма в СНГ издает новые комментированные переводы Талмуда, занимается переизданием уже вышедших, поскольку читательский спрос далеко не удовлетворен.

Сам факт проведения в Общественной палате круглого стола с подобной темой беспрецедентен. Как пел БГ, отродясь не видали такого в цеху. Это одно из проявлений новой ситуации иудаизма в российском обществе, небывалой по уровню свободы и дружелюбия со стороны многих представителей российской элиты.

Я сравнил Талмуд с горой, которую видно отовсюду. Это так, но только видно отнюдь не всем — чтобы увидеть, надо иметь особое зрение, воспитанное культурой.

Между тем в голове среднего россиянина Талмуд присутствует в двух значениях. Во-первых, Талмуд (талмуд) давно уже стал нарицательным именем любой толстой книги и вошел в русский язык именно в таком качестве. Во-вторых (а может быть, как раз и во-первых), Талмуд — символ еврейской злонамеренности или уж, по крайней мере, крючкотворства, сосредоточенности на бессмысленных, не имеющих никакого отношения к жизни вопросам, и специфического интеллектуального шукачества, делающего черное белым, а белое, соответственно, черным, короче, дураят нашего честного и бесхитростного брата для своей еврейской корысти. Еще говорят о талмудическом иудаизме — будто есть какой-то иной, неталмудический.

Ну и как такое отношение к Талмуду соотносится с круглым столом в Общественной палате Российской Федерации? Такое отношение к Талмуду не соотносится с круглым столом в Общественной палате Российской Федерации никак.

Узок круг этих людей, бесконечно далеки они от народа.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2011 ХЕШВАН 5772 – 11(235)

ДРУГИЕ НЕМЦЫ:

ИСТОРИЯ СЕМЬИ ХАММЕРШТАЙН

Аדידא עײזען

Читая эссе американской писательницы Синтии Озик (см.: Еретические пристрастия Гершома Шолема. Лехаим. 2011. № 9), с удивлением обнаружила, что в сумрачном лесу истории XX века мы блуждаем с ней близкими, а то и пересекающимися тропками. Герой эссе Синтии Озик —

Гершом (Герхард) Шолем. Девятнадцатилетний Гершом, избравший сионизм путеводной звездой, изгнан из дома отцом, патриотом фатерланда. А старший брат Гершома Вернер, связавший свою судьбу с международным коммунизмом, порвал с семьей и вовсе в 17 лет. Вернер, о котором Озик упоминает, стал объектом моего интереса, когда я оказалась захваченной историей семьи генерала Курта фон Хаммерштайна. Такая переключка — пусть через океан! — заставила меня взяться за перо и рассказать о совершенно потрясающей истории.

Генерал Курт фон Хаммерштайн, представитель старого дворянского рода, командовал германскими вооруженными силами в период Веймарской республики. Он — выпускник кадетского корпуса, затем — военной академии в Берлине. Капитан Генерального штаба накануне первой мировой войны, он стал майором перед ее окончанием. Человек, далекий от политики, оказался накрепко связанным с политической жизнью Веймарской республики. За три дня до прихода Гитлера к власти он убеждал Гинденбурга, с которым был дружен со времен первой мировой, не вверять власть нацистам. Он признавал, что массы поддерживают Гитлера, но и Гинденбург был в их глазах полубогом. Генерал объяснял старому президенту, что за его спиной верная ему армия, достаточно его слова, чтобы арестовать Гитлера и разгромить его партию. Но Гинденбург согласия не дал.

Курта фон Хаммерштайна прозвали «красным» генералом за его связь с Советской Россией в годы Веймарской республики. Как известно, по Версальскому договору Германии было разрешено иметь под ружьем лишь 100 тыс. человек, воздушный и подводный флот были запрещены, равно как тяжелая артиллерия, танки, химическое оружие. Даже Генеральный штаб был ей не положен.

Немецкие политики и военная верхушка обратили взоры на Восток. После заключения немецко-русского договора в Рапалло (1922 год) путь к сотрудничеству был открыт. Советы нуждались, как теперь говорят, в новых технологиях, в модернизации военной промышленности. В обмен на подобного рода помощь они предоставили немцам свои просторы для подготовки военных кадров и для испытательных полигонов. В Казани возникла школа для подготовки танковых войск, на Волге неподалеку от Вольска совместно создавались и испытывались боевые отравляющие вещества, летная база в Липецке с 1924 по 1933 год ежегодно выпускала 240 немецких пилотов, там же испытывались сотни боевых самолетов заводов Юнкера и Фоккера. Все это было жизненно важно для немецкой армии. Понятно, почему немецкие летчики в годы второй мировой войны отказывались бомбить Липецк, свою alma mater.

Αἰὶ ἀδελῆ Εὐδοὶ ὀφί Ὀαὶ ἰ ἀδελφεί

Что касается генерала Хаммерштайна, то после трехмесячной инспекторской поездки в СССР в 1929 году он как шеф рейхсвера бывал там инкогнито неоднократно и не раз принимал советских высших офицеров в Берлине. Будущий маршал Тухачевский посетил Германию не менее пяти раз и состоял с генералом в товарищеской переписке, что потом, когда он был объявлен немецким шпионом, было поставлено ему в вину. В 1938 году Ворошилов через агента Рут фон Майенбург передавал Хаммерштайну личный привет, объемистые банки икры и настоятельный совет эмигрировать вместе с семьей в Москву.

В начале февраля 1933 года в доме Хаммерштайнов состоялся обед, на котором присутствовало 12 высших генералов. Инициатором встречи был Гитлер. Новоиспеченный рейхсканцлер, стремясь расположить верхушку генералитета, доверительно изложил собравшимся свои планы создания «нового государства» и его расширения на Восток. Выслушав эту речь, 54-летний генерал Хаммерштайн подал в отставку.

Непоколебимый противник национал-социалистов, мужественный, немногословный и неторопливый, страстный охотник, настоящий грандсеньор, он станет свидетелем заката, а точнее — уничтожения немецкой военной аристократии, к которой принадлежал. От неизбежной расправы Курт фон Хаммерштайн ускользнул в смерть. Он умер 24 апреля 1943 года, предварительно уничтожив все свои записи, чтобы они не попали в руки гестапо. Родные отказались хоронить его с почестями в Берлине, не могли допустить, чтобы гроб был покрыт знаменем со свастикой. Они погребли его на родовом кладбище. Венок от Гитлера «потерялся» по дороге.

Жизнь его семерых детей несет печать катастроф XX века: пятеро участвовали в Сопроотивлении, познали предательство, допросы в гестапо, нелегальное проживание под чужими именами, аресты. Две его дочери связали свою жизнь с коммунистами-евреями и собирали информацию для Коминтерна. Средний сын, Людвиг, участвовал в заговоре фон Штауфенберга против Гитлера, но скрываться пришлось и старшему, Кунрату, который после тяжелого ранения на русском фронте был комиссован и получил разрешение на учебу в Боннском университете. Оба были объявлены криминальной полицией в розыск, но им повезло: их не нашли. Вдова генерала и младшие сын и дочь были взяты гестапо как заложники и отправлены в концентрационный лагерь Бухенвальд, затем в Дахау. Они выжили, и летом 1945 года все, кто смог, собрались в родительском доме в Берлине, откуда вскоре дети и внуки разлетелись в разные города и страны. Никто из них не афишировал свое неприятие нацизма и участие в Сопроотивлении. «Никто из них не хотел стать героем, — свидетельствует младшая дочь генерала Хельга. — Они просто делали то, что должны были делать».

Все участники этой немецкой истории вели опасную двойную жизнь: от сослуживца отца и друга семьи Курта фон Шляйхера, последнего рейхсканцлера Веймарской республики, убитого по приказу Гитлера в «Ночь длинных ножей», до аристократки Рут фон Майенбург, ставшей разведчицей, майором Красной Армии; от агентов КППГ — до невзрачной хозяйки галантерейной лавочки, которая укрывала в Кройцберге дезертиров и евреев и в их числе сыновей «красного» генерала.

Воспитанием дочерей генерал Хаммерштайн специально не занимался, и они не докучали ему. Дети не были избалованы (карманных денег не имели). Каждая из старших сестер заботилась об одном из младших братьев, так воспитывалась ответственность. Росли они в атмосфере свободы и независимости, отец всецело доверял дочерям, а если случались какие-то эксцессы, он комментировал их так: «Что поделаешь, они у меня республиканки! Они могут говорить и делать, что хотят».

Старшая, Мария-Луиза (в домашнем обиходе Бутци), родилась в 1908 году. В следующем году появилась Мария-Тереза (Эзи), а через четыре года — Хельга. Сестры-погодки росли спартанками: будучи членами группы «Перелетные птицы», семи-восьмилетние девчонки участвовали в турпоходах с тяжелыми рюкзаками за плечами. Старшая сестра задавала тон, считая, что человек должен воспитывать волю.

Шестнадцати лет Мария-Луиза порвала с Церковью, зато заинтересовалась политикой. Будучи первокурсницей юридического факультета, она стала членом КППГ. Младшая, Хельга, учившаяся в гимназии Шарлоттенбурга, также попала в гравитационное поле коммунизма. И это неудивительно: на рубеже «веселых двадцатых» и «бурных, или красных, тридцатых» коммунистические идеи распространялись как поветрие.

А в случае сестер Хаммерштайн немалую роль сыграли и их сердечные увлечения. В Берлинском университете одновременно с Марией-Луизой в 1927–1928 годах изучал право Вернер Шолем (тот самый брат в будущем знаменитого историка-сиониста Гершома Шолема, который классическому иудаизму предпочтет каббалу, станет светилом науки и президентом Израильской академии наук). Вернер с 17-ти лет стал профессиональным революционером, его не раз арестовывали. Он — один из основателей КППГ, редактор газеты «Красное знамя» («Rote Fahne»), участник восстания в Тюрингии в 1921 году, член политбюро, избирался в рейхстаг в 1924-м.

Они познакомились с Марией-Луизой в 1928 году, и, хотя Вернер был женат, связь их тянулась до 1933 года. После поджога рейхстага Вернер был схвачен, и Мария-Луиза спешно, буквально через пять дней, вышла замуж за Могенса фон Харбоу, сына сослуживца отца по Генеральному штабу еще со времен

первой мировой. Брак не сложился. Молодой муж не хотел слышать о коммунистах, а Мария-Луиза, хоть и вышла из партии, была предана их делу. Ее то и дело вызывали на допросы в гестапо, в доме молодоженов состоялся обыск, после чего бракоразводный процесс стал неизбежен. Вернера Шолема сначала выпустили, однако затем он был брошен в Моабит. Его расстреляли в Бухенвальде летом 1940 года. Мария-Луиза к этому времени во втором браке с аристократом Фридеманом фон Мюнхаузеном родила троих детей. К ее истории мы еще вернемся.

Метаморфозы Хельги еще более удивительны. Генеральская дочь оставила школу, в 15 лет уже была членом молодежной прокоммунистической организации. Хельга влюбилась в Лео Рота, сына еврейского мелкого коммерсанта из Ржешова, которого как товарища по партии привела в дом старшая сестра Бутци. Мятежный по натуре, Рот был сначала троцкистом, затем его привлекли к работе в нелегальном «аппарате» КПГ. Будучи прирожденным информатором, он работал в Отделе информации Коминтерна и как осведомитель проходил под именами «Виктор» и «Гесс». Рот сообщил о своем знакомстве с дочерьми фон Хаммерштайна в центр и запросил согласия на их вербовку. Лишь средняя сестра, Эзи, отказалась сотрудничать, но это не стало помехой. Мария-Луиза и Хельга собирали нужную информацию, подслушивали разговоры отца с коллегами и его тестем, старым генералом Вальтером фон Лютвицем, собирали обрывки бумаг из корзины для мусора в кабинете отца. Хельга, пользуясь отъездом родителей, приводила в дом Лео и показывала ему материалы из ящика отцовского письменного стола, некоторые из них она фотографировала «лейкой». Был изготовлен дубликат ключа от сейфа, но при попытке открыть его Хельга ключ сломала, и — о, ужас! — головка ключа осталась в замке. Лео привел доверенного мастера, который смог ее извлечь. Хельга очень сильно рисковала, но ради Лео готова была на все.

Ей едва исполнилось 17 лет, когда она покинула отчий дом и поселилась с Ротом в польско-еврейском квартале. С 1931 года она действовала под конспиративным именем Грете Пельгерт. Как референт военно-политической московской школы, Рот изучал шифровальное и связное дело, владел оружием. Он был на связи с Вильгельмом Пиком и Вальтером Ульбрихтом. Вместе с Хельгой, выполняя задания, они часто бывали в Париже, Амстердаме, Праге. На партконференции в Брюсселе в октябре 1935 года было принято решение: Лео Рота, его начальника Ганса Киппенбергера и ряд других товарищей от их обязанностей освободить. В этом году состоялся последний конгресс Коминтерна, Сталин начал сворачивать его деятельность. Рота и его товарищей отозвали в Москву. Накануне отъезда он с Хельгой провел 12 дней в Тироле. Других беззаботных дней в их жизни не было. Договорились встретиться в Москве в январе 1936-го. Но судьба была не на их стороне. Просьбу Хельги об эмиграции в СССР отклонил Вальтер Ульбрихт. Оболганный Лео Рот был арестован и расстрелян на Лубянке в 1937-м как английский шпион, а за ним и Киппенбергер. Хельга, прожившая большую часть жизни под фамилией садовода Вальтера Россова, за которого вышла замуж перед войной, умерла в 2005 году в лечебнице для нервнобольных. Перед смертью на вопрос племянника о Лео Роте она ответила: «Он был самым главным человеком в моей жизни».

Нәһәһи үй әт-әһәһи әһәһә Әһи и әһәһә әһәһә и Ә әһәһә-Әһәһә (Үҗә). 1933-1934 әһәһи

Третья сестра тоже интересовалась политикой, читала работы Энгельса, Фейербаха и даже «Капитал», симпатизировала евреям, но коммунисткой не была. Еще в гимназии Мария-Тереза подружилась с Верой Левин, девочкой из интеллигентной еврейской семьи (отец Веры был известным врачом). Ей

нравилось бывать в их квартире, стены которой украшали картины Кирхнера и Клее. В их доме было множество книг, их читали и обсуждали. Доктор Левин играл на рояле, а Вера на скрипке. Эзи открылся другой мир, отличный от домашнего. Она стала вместе с Верой посещать филармонию, слушать Бруно Вальтера, Фуртвенглера, Клемперера, интересоваться постановками Макса Рейнхардта. Эзи учила русский язык и читала Толстого, бывала на представлениях в еврейском театре. Она познакомилась с евреем-коммунистом Натаном. Нати влюбился в нее не на шутку, она же влюбилась в сына раввина, студента медицинского факультета Вернера Нобле. Мария-Тереза забеременела, но рожать не стала: не то время, не то место. Вскоре ее возлюбленный эмигрировал в США. Придет время, они свидятся.

В октябре 1933-го на дружеской вечеринке у знакомого редактора и знатока России, куда она примчалась на своем тяжелом мотоцикле, Мария-Тереза познакомилась со студентом-юристом Йохимом Пааше, отец которого был морским офицером в годы первой мировой войны. Юноша был под впечатлением от этой нордической амазонки, но ее своеобразность его несколько напугала. Вскоре после того Мария-Тереза получила предложение от шефа Абвера, старого отцовского друга, занять место секретаря при военном атташе немецкого посольства в Париже. Однако на второй день после приезда последовал звонок из Берлина и приглашение немедленно вернуться: все желающие работать за границей должны были пройти проверку в гестапо. Ею овладел страх.

На вокзале ее встретили мать и... Йохим Пааше! По дороге домой в такси он сделал ей предложение. К этому времени его как не соответствующего арийским нормам (его дед по отцовской линии был евреем) отчислили с юридического факультета. Они искали опоры друг в друге.

Мария-Тереза через Веру Левин знала многих молодых сионистов. Сама Вера эмигрировала в Палестину, и молодожены решили последовать ее примеру. Мария-Тереза охотно трудилась в кибуце, но Йохиму сельскохозяйственный труд был не по душе, и они вернулись. Беременную Марию-Терезу допрашивало гестапо. В 1935 году они эмигрировали в Японию. Военным атташе в Токио служил друг отца Ойген Отт (невольный информатор Рихарда Зорге). Он помог молодым чем мог, но возможности его были невелики. К тому же немецкая колония в Токио отнеслась к эмигрантам враждебно, а семья росла: появились на свет три дочери и сын. Йохим выучил японский и увлекся буддизмом, но от жестокой бедности это не избавляло. В 1948 году они покинули Японию и отправились в Сан-Франциско.

Американцы отнеслись к ним так же враждебно, как японцы. Они оказались под надзором ФБР. Здесь Мария-Тереза работала поварихой и уборщицей, а Йохим вкалывал как чернорабочий: ни американского гражданства, ни законченного образования у него не было. Только в 1957 году получил он место в китайском отделе Библиотеки конгресса.

В 1954 году мать Терезы, Мария фон Хаммерштайн, получившая в ФРГ приличную пенсию, посетила Америку. За полгода она смогла повидать дочь Хельгу, которая давно жила в Нью-Джерси, внука Готфрида Пааше — в Вермонте и супругов Пааше — в Калифорнии. Последние годы Мария-Тереза (она дожила до девяноста) провела в еврейском доме для престарелых.

Ее сын, Готфрид, однажды спросил у тетушки Хельги, почему его мать и всех ее сестер, немецких аристократок, так тянуло к евреям, что привлекало в них, и та не раздумывала с ответом: «Их ум, остроумие, начитанность, образованность». А потом добавила не без горечи: «А в нашем доме книг ведь вовсе не было!»

...Почему же у дочери генерала, срочно вызванной в 1934 году из Парижа в Берлин для «собеседования» в гестапо, сердце замирало от страха? Ровно за год до этого, когда в их доме собрался генералитет для встречи с Гитлером, старшие дочери Хаммерштайна подслушали речь фюрера. Мария-Тереза, владевшая стенографией, успела ее записать. На следующий день три экземпляра запротоколированной речи фюрера оказались в руках Лео Рота. Поскольку ни один свидетель не мог подтвердить верность слов Рота, считалось, что эта история — одна из легенд, связанных с кланом Хаммерштайнов. Но вот в 2000 году гамбургский историк Р. Мюллер, работая в Центральном архиве КПСС в Москве, обнаружил среди дел секретариата Коминтерна экземпляр этого документа. Он его тут же опубликовал. Действительно, 6 февраля 1934 года материал с пометкой «строго секретно» был передан по каналам Коминтерна и принят в Москве в шифровальном отделе, находившемся в доме напротив Манежа. Уже через три дня после этой встречи в доме Хаммерштайна Сталин мог прочитать речь Гитлера, адресованную узкому кругу. В этой речи содержалась программа фашизма.

Мария-Луиза после войны жила с детьми в уцелевшем доме в Далеме. Поскольку к западному государству с его «коричневыми пятнами» у нее доверия не было, она продала дом и переехала с детьми в

ГДР. Вернувшийся после пяти лет русского плена муж отказался жить в восточном «демократическом» Берлине и уехал на Запад. Луиза стала членом СЕПГ, от приставки «фон» перед фамилией она отказалась, продолжила юридическое образование, получила диплом и работала адвокатом, специалистом по уголовному праву. До конца 1950-х она защищала людей, схваченных при попытке бежать на Запад, добиваясь смягчения приговоров.

Луиза не утратила интереса к еврейству, поддерживала отношения с маленькой еврейской общиной в Восточном Берлине. Ее можно было часто видеть на еврейском кладбище в Вайсензее. Прежде всего, она заботилась о евреях-коммунистах своего поколения, которые после войны стали возвращаться из Советского Союза. Она свела тесную дружбу с Эрнстом Шолемом, племянником погибшего Вернера. Работы Гершома Шолема восхищали ее. Идеи сионизма, которые партия осуждала, ей не были чужды.

Хотя она считалась жертвой нацизма, органы ГДР не выпускали ее из поля зрения. Из ее досье можно узнать многие детали ее послевоенной жизни. Зафиксировано, что ее сын и старшая дочь бежали из ГДР после возведения стены, что муж и мать периодически навещали ее, и главное, что в 1950–1960-х годах фрау Мюнхаузен (урожденная фон Хаммерштайн) работала на КГБ, видимо полагая, что если служить, то уж лучше главному хозяину, нежели «штази».

Она умерла в конце 1999-го, утратив память, при ней безотлучно находилась ее младшая дочь Сесиль.

Тургеневское стихотворение в прозе «Порог» о девушке из высшего общества, решившейся покинуть отчий дом и вступить на путь лишения

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2011 ХЕШВАН 5772 – 11(235)

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ МЕДВЕДИ

בְּיַד אֱלֹהֵינוּ

**...питал тебя в пустыне манною,
которой не знал ты**

и не знали отцы твои, дабы смирить тебя и испытать тебя,

**чтобы впоследствии сделать тебе
добро.**

(Дварим, 8:3)

Весь Израиль хочет сделать тебе хорошо.

Это очень важно понять и учесть хотя бы из соображений собственной безопасности, поэтому я повторю еще раз: весь Израиль хочет сделать тебе хорошо. Даже если для этого тебя придется повалить, связать и сесть сверху.

Мы тут открытые, добрые люди. У нас развиты поразительная чуткость и уникальная способность к сопереживанию. Нам не все равно, что происходит с нашим ближним. Мы умеем радоваться жизни и готовы костями лечь, чтобы другие люди тоже как следует ей порадовались. Поэтому весь Израиль хочет сделать тебе хорошо. Весь Израиль хочет сделать тебе хорошо, дружок; весь Израиль хочет сделать тебе хорошо, бубале, хабиби, скотина ты эдакая. Поэтому, если ты заметил, что Израиль собрался сделать тебе хорошо, — лучше сдавайся сразу. Твоя задача — не победить, а выжить.

Вот ты, скажем, бредешь по Тель-Авиву после Традиционного Израильского Завтрака. Традиционный Израильский Завтрак — это не просто завтрак; это поле боя. Израиль в лице Традиционного Израильского Завтрака твердо намерен сделать тебе хорошо, хоть кровь из носа (твоего). Каждый из вас готовится к этой войне заранее. Ты с утра смотришь в зеркало на свой рельефный профиль, красиво обтекающий резинку от трусов, и страстно клянешь себе, что нынче утром твоя трапеза будет состоять из обезжиренного йогурта и чашки кофе без сахара. Ты слышал, что, когда в иерусалимском зоопарке у медведей появился такой же красивый профиль, их две недели кормили обезжиренным йогуртом, и медведи от этого не то чтобы похудели, но как-то смирились с жизнью. Видно, поняли, что им хотят сделать хорошо. Ты лично видел этих медведей и должен признать, что даже вот в этих вот полосатых трусах они выглядели бы лучше, чем ты. Это признание дается тебе очень тяжело, но в результате ты твердо намерен вступить в адскую борьбу с Традиционным Израильским Завтраком. Но Традиционный Израильский Завтрак тоже не дурак — он уверен, что от обезжиренного йогурта и чашки кофе без сахара тебе не будет хорошо. А от него — будет. Поэтому он планирует предстать перед тобой в составе: трех яиц, приготовленных по твоему усмотрению; халы домашней выпечки (и корзинки с пятью булочками, потому что хала, по мнению Традиционного Израильского Завтрака, в общем-то, небольшая); миски с овощным салатом; плоски с салатом из тунца; плоски с салатом из кукурузы; плоски с тхиной; плоски с хумусом; плоски с зерненым творогом; плоски с козьим творогом; плоски с кубиками голландского сыра; плоски с оливками; плоски с

сушеными помидорами; плоски с домашним вареньем; плоски с медом; плоски со сливочным маслом; плоски с шоколадной пастой; поллитрового стакана со свежевыжатым апельсиновым соком; чашки кофе, чаю или какао.

Последний пункт следует считать милостивой уступкой со стороны врага: не чашки кофе, чашки чаю и чашки какао — нет, только чего-либо одного, на выбор. Традиционный Израильский Завтрак, видимо, не считает, что от всех трех чашек сразу тебе будет хорошо. Удивительное дело.

Ты приходишь, садишься за столик кафе — и битва начинается. Тебе приносят специальный красивый лист, в котором перечисляются составляющие Традиционного Израильского Завтрака. Ты бледнеешь. Враг зыркает на тебя из кухни блестящими блюдами и сдавленно хохочет.

Ты (мужественно отшвыривая красивый лист): «Я хочу просто обезжиренный йогурт с чашкой кофе!»

Традиционный Израильский Завтрак (ласково): «Отлично! Вот тут как раз описан вариант завтрака из обезжиренного йогурта с чашкой кофе! Мы подаем к йогурту и кофе домашнюю халу, пять-шесть булочек, миску с овощным салатом, плоску с салатом из тунца, плоску с салатом из кукурузы, плоску с тхиной, плоску с хумусом, плоску с...»

Ты (судорожно ища выход): «Нет, я... Я... Вот что: я не хочу за все это это платить! Я решил сокращать расходы!»

Традиционный Израильский Завтрак (ласково): «А мы подаем все это по цене обезжиренного йогурта с чашкой кофе!»

Ты: «Но я не хочу есть все... Все вот это!»

Традиционный Израильский Завтрак (ласково): «Да кто ж вас заставляет? Мы вам, значит, все это принесем, а вы, значит, всего этого не ешьте...»

Израиль в лице Традиционного Израильского Завтрака хочет сделать тебе хорошо. Сдайся, дружок. Это вопрос твоей психической безопасности. Смотри — ты уже разговариваешь с завтраком. Не надо так. Лучше поговори завтра утром с резинкой от трусов: чего это она, зараза, такая напряженная? Пусть расслабится. Резинка постоянно видит тебя с худшей стороны, у нее нет ни малейшего желания сделать тебе хорошо, можешь не сомневаться. А сейчас ешь. Разрежь халу вдоль, намажь ее своим поганым обезжиренным йогуртом, если он тебе так уж сдался, сверху положи тхины, хумуса, салата из тунца. Меду положи, шоколадной пасты, домашнего варенья тоже, козьего творога положи тоже. Посыпь сыром, тунцом, сушеными помидорами. Булками посыпь, полей соком апельсиновым и жуй. Ты увидишь, от Традиционного Израильского Завтрака тебе и правда станет хорошо. Человеку на последней стадии асфиксии свойственно впадать в эйфорическое состояние.

Так вот: бредешь ты в состоянии эйфорической асфиксии по художественному рынку, каждую пятницу располагающемуся вдоль тель-авивской улицы Нахлат-Биньямин. Тут ювелиры, керамисты, стеклодувы, мессии, вязальщицы, продавцы благовонных палочек, многообещающие ученики Миншара[1], непонятые советские художники, винтажные девушки, торгующие винтажными израильскими открытками, на которых стройные медведи в полосатых трусах рекламируют обезжиренный йогурт. И вдруг — табуретка! Благословенная табуретка! Она стоит перед гадалкой, и ты падаешь на эту табуретку в надежде послушать какую-нибудь милую болтовню про несметное богатство и восемнадцать будущих детей. Это опасная ошибка, потому что можно не сомневаться: Израиль в лице этой гадалки немедленно захочет сделать тебе хорошо.

Израиль (в лице гадалки): «Сразу предупреждаю: я здесь не для того, чтобы говорить вам приятное. Я здесь для вашей пользы».

Тебе всегда казалось, что это примерно одно и то же. Ты до сих пор не понимаешь, почему твоя первая жена не разделяла этого мнения, но отлично помнишь, чем заканчиваются подобные разговоры. Ты пытаешься отдать гадалке пятьдесят шекелей и вскочить.

Традиционный Израильский Завтрак: «Сидеть!...»

Ты со стоном падаешь обратно на табуретку.

Израиль (в лице гадалки): «Сколько вам лет?»

Ты: «Тридцать шесть...»

Израиль (в лице гадалки): «Всего?! Ну у вас и вид... (Разглядывая вашу ладонь) Это ваша ладонь?.. Не протез, нет? Странно, выглядит такой многообещающей... Вы уж извините, но говорить правду — моя главная методика; единственный, знаете ли, способ действительно принести человеку пользу. Вот у вас в линиях прямо написано, что иногда вам пытаются принести пользу, а вы сопротивляетесь. Вырываетесь, табуретку вот опрокинули. Сядьте, я вам добра желаю, не надо рыпаться. Смотрите, какая у вас линия жизни длинная, а вы меня сердите... Не надо меня сердить, я пять лет по Ливану с автоматом бегала... Вот эти полосочки — это про успех: вам надо подготовиться. Нет, не к успеху подготовиться — я имею в виду, вам надо соотносить свои ожидания с реальностью. Поверьте, это очень вам поможет, причем довольно скоро. Дальше: вот здесь треугольник, видите? Вам следует перестать думать о том, что вас никто не любит. Начните думать о чем-нибудь другом, например, о мелодии звонка в вашем телефоне. О чем-нибудь, что вы можете изменить. Вы увидите, вам сразу станет легче. Теперь о вашем здоровье. Знаете, насколько легче будет переносить алкогольный цирроз, если смириться с ним заранее?..»

Вечером ты жалуешься родственникам на то, что Израиль все время пытается сделать тебе хорошо насильственными методами. Родственники возмущены: обидели их деточку! И неправда, что надо сдаваться, — не надо сдаваться! Надо отвечать добром на добро! Пусть знают! Вот когда еще в 1964 году один человек собрался делать твоей тете предложение, он повел ее в очень тогда известный ресторан с традиционной еврейской кухней — специально, чтобы продемонстрировать всю серьезность своих намерений. А твоя будущая тетя не хотела за этого человека замуж. Но когда они пришли в ресторан и съели первое, этот человек начал делать твоей будущей тете предложение. И так он хорошо делал ей предложение, что твоя будущая тетя даже заслушалась и думает: «Вон, значит, как любит меня человек... Пойди еще найди другого такого человека...» Словом, лед тронулся. И тут подходит из-за соседнего столика какой-то юноша и говорит: «Вы меня, молодой человек, извините, но только вы своей девушке на второе заказали мацебрай[2], и вот этот мацебрай ей уже принесли, а вы все говорите и говорите! А мацебрай, между прочим, надо есть горячим! Вы уж меня извините, но только я вам добра желаю!» И тут твоя тетя начала смеяться, а человек, который делал ей предложение, разозлился и говорит: «Ах, так? Ну, так я вам тоже добра желаю: ешьте, пожалуйста, с этой веселой девушкой ваш горячий мацебрай!» И так твоя тетя познакомилась с твоим дядей. И пусть твой бедный дядя тебе расскажет, каково это: когда тебе платят добром за добро. Так что и ты не стесняйся так делать, деточка.

Но ты твердо знаешь, что у тебя кишка тонка — платить Израилю добром за добро. Ты просто недостаточно добрый человек для этого. Вот приходишь ты на просмотр интеллектуального фильма об интеллектуальной жизни йеменских евреев-интеллектуалов в интеллектуальный кинотеатр при иерусалимской «Синематеке». Сидишь перед сеансом выпить кофе в тамошнем знаменитом интеллектуальном кафе «Белый» («Красный» тоже есть, «Синий» вроде планируется). И вот сидит за соседним столиком интеллектуальная молодая компания, тоже, значит, ждет сеанса. И тут один молодой человек смущенно признается друзьям, что забыл дома очки. И друзья тут же возмущенно награждают этого молодого человека мощнейшим подзатыльником со словами: «Скотина, ты же не получишь удовольствия!» Нет, у тебя просто не хватит доброты с этим тягаться. Как не хватит доброты тягаться с охранником при кинотеатре, который так старается поудобнее расположить твою сумку для досмотра, что из сумки вываливается все содержимое. «№?*(:(№;!!!)», — говоришь ты. «Вот! — говорит охранник с некоторой обидой. — Вот! Я стараюсь сделать тебе хорошо, а ты реагируешь на это ровно так же, как моя девушка!» Как не хватит у тебя доброты тягаться с пекарем, который отказывается продать тебе багет, потому что «я же вижу — вы не багетный человек. Я заверну вам два бублика, потому что вы бубличный человек. Не верите — уходите и идите к кому-нибудь, кто не желает вам добра». Мы бы, может, и пошли; мы только боимся, что ближайший такой человек находится в Сирии.

Но если нам удастся смириться, открывается удивительный факт: попытки Израиля сделать тебе хорошо насильственными методами срабатывают. Не очень понятно, почему срабатывают, — но тебе и вправду становится довольно-таки хорошо. Это устроено, как с кокаином или, скажем, с клизмой: процесс — так себе, а результат — ничё. Наверное, в противном случае данной страны давно бы тут не стояло. Да, то хорошо, которое ты получаешь, — это совсем не то хорошо, которого ты ждал. Это, возможно, даже не то хорошо, которое тебе нужно. И это уж точно не то хорошо, которое ты планировал. При других обстоятельствах ты бы, возможно, вообще усомнился, что это хорошо.

Но, как ни странно, это хорошо.

По вторникам это, может быть, даже дважды хорошо[3].

[1]. *Одна из крупнейших художественных школ Израиля.*

[2]. *Запеканка из мацы.*

[3]. *Иудаизм считает вторник особым днем, потому что в этот день при сотворении мира Г-сподь дважды сказал, что «это хорошо».*

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2011 ХЕШВАН 5772 – 11(235)

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР».

ПАМЯТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

יָאֵ אֲדוֹמָא אִי יְדִינָא יִוָּאֵ אֲרֵ:

דִּי עִי אֲאֲאֲאֵ

יִאֲאֵ יִאֲדֵאֲ

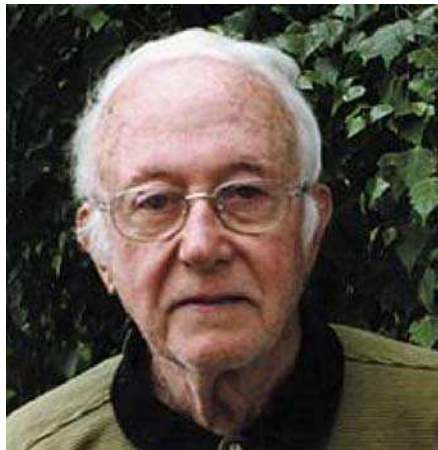
יֵעֵעֵוֵא יִאֲוִיֵא

פִּדֵעֵ וֵאֵוֵוֵוֵי נֵעֵעֵ

Беседу ведет Афанасий Мамедов

Этот эпизод истории обойти молчанием никак нельзя, как бы того ни хотелось некоторым нашим соотечественникам «с раскосыми и жадными очами». Место действия — вся страна. О масштабах преступления напоминает сегодня даже дрожание осинового и прочей листвы. Это трепетание матери-природы подталкивает искать аналогии, сверять свои ассоциации накануне юбилея 1937 года и недавно объявленной по телевизору Большой Кремлевской Рокировки, принятой практически единогласно на XII съезде «Единой России». Что ждет нас? Пышное продолжение имперского застоя со сладостной гнильцой — голосует большинство россиян, памятливые евреи не исключение, — или с возвращением в Кремль «Единственного первого» политтехнологии примутся модернизировать «гаечный» способ правления, что завещано 1937-м всем нам?

ÑÒÀÈÈÌ ÁÚË ÐÒÑÑÈÈÌ ÍÀÖÈÌ ÍÀÈÈÑÒÌÌ

ÐÌÉÌ ÁÁÁÁÁÁ, ÈÑÒÌÐÈÈ

ΑΟΑΙ ΑΝΕΕ Ϊ ΑΙ ΑΑΪΑ Было бы упущением, если бы, затрагивая тему «Евреи и ЧК», мы не вспомнили «Двести лет вместе». Что эта книга Солженицына сегодня для историков?

ΒΙ Ε Ϊ ΑΑΑΑΑΑ Как историк, я эту книгу серьезным историческим документом не считаю. Она пристрастна и тенденциозна. Солженицын готовил ее как часть «Красного Колеса». Остался материал, и он решил объединить его с уже написанными очерками, представить в виде такого научного труда. Но пользовался исключительно теми источниками, которые соответствовали его собственной концепции: Октябрьская революция была навязана России еврейской интеллигенцией или евреями-радикалами. Солженицын не исследовал весь массив имеющихся документов, не сталкивал противоположные точки зрения. Подобное сочинительство нарушает объективность научного исследования.

ΑΪ К чему может привести мода на миф, будто в 1937–1938 годах одни палачи-евреи уничтожали других, за что спасибо Джугашвили, топ-менеджеру экстра-класса?

ΒΪ С устранением Ягоды и с назначением Ежова начались репрессии среди самих палачей. То был лишь один из ручейков террора тех лет. Главный направился на основные кадры партии и государства, и пострадали все слои населения и все национальности. Сводить это сложное явление к тому, что одни палачи уничтожали других палачей, было бы исторически неверно и опасно.

ΑΪ Правда, что в 1937 году для каждой области страны устанавливались нормы по месяцам? То есть существовал своего рода чекистский план?

PM Четкого чекистского плана не существовало. Но были задания из центра, которые получали местные карательные органы. К примеру, областное подразделение НКВД получало директиву из Москвы: по данным московского НКВД, вредители (шпионы, диверсанты, бухаринцы или троцкисты) создали в вашей Воронежской области подполье численностью не меньше 10 тысяч человек. Найдите, расследуйте, всех арестуйте и доложите об исполнении. Такого рода «цифровые» задания действительно существовали.

ΑΪ Еще миф широкого хождения: Сталин никогда антисемитом не был, просто строил новую жизнь в СССР, создавал нового человека, для которого не было такого понятия, как «национальная принадлежность».

PM Для Сталина такое понятие существовало, хотя бы потому, что оно входило в официальную идеологию государства новых социалистических наций и их содружества. Сталин считался главным знатоком «национального вопроса». Все основные формулы СССР предполагали понятие нации. Что не помешало Сталину сказать: все народы Советского Союза отличились в войне, но самым выдающимся народом является русский народ. Сталин был русским националистом. Но не был антисемитом на бытовом уровне. Тогда как политическим антисемитом — несомненно.

ΟΔΑΪΑ ΑΕΟΒ Ϊ Ϊ ΕΕ ΟΔΑΝΕΕΑΑΑ

ΠΑΒΕΛ ΝΕΡΛΕΡ, ΙΣΤΟΡΙΚ, ΠΙΣΑΤΕΛΪ ΚΑΙ ΛΙΤΕΡΑΤΟΥΡΟΒΕΔ

АИ «Убери евреев из наркомата», — говорил Сталин Молотову в 1936 году, тогда же звонил Мехлису и приказывал немедленно дать русские псевдонимы всем евреям-«правдистам». Отношение Сталина к «веками гонимому» менялось с политической погодой или же носило, так сказать, «идейный характер»?

ІАААЕ ІАДЕАВ Отношение Сталина к евреям от политической погоды не зависело, ибо он сам и был этой погодой — по крайней мере у себя в стране, а после войны и в смежных странах соцлагеря. Молотову-Скрябину, если только верить ему самому, он это, может, и сказал в 1936-м, но Литвинова-Валлаха заменил на Молотова только весной 1939-го, когда сам решил поменять вехи дипломатической погоды, в том числе и посредством этой отставки и замены. Немцы проглотили наживку и восприняли эту отставку чуть ли не как личный подарок, что создало благоприятный психологический фон на переговорах с Берлином.

АИ А как же Литвинов (Меер-Генех Валлах), тогдашний нарком индел?

ІІ Если Сталин и впрямь был так недоволен Литвиновым, то вряд ли бы тот дожил до своего 75-летия. Просто он не нуждался в кукловодах, чтобы дергать за веревочки, — он любил делать это сам. Политика его не была принципиально национальной, но в любой момент могла такую стать, в зависимости от заказываемой погоды. Так что сталинский антисемитизм — не врожденный и не благоприобретенный порок, как у Гитлера, а трезвое дитя политического расклада, как и полагается у подлинных большевиков-ленинцев и интернационалистов.

АИ Почему сегодня отношение к дате 1937 год остается таким же, как в советские времена?

ІІ Официальная Россия делает все для того, чтобы щеки не сдувались, чтобы лосниться и производить впечатление великодержавности. Великая держава не боится своей истории, не боится правды о себе. Но страна, имитирующая великодержавность, боится собственной тени и зорко следит за тем, чтобы на лице не было видно ни морщин, ни веснушек. История-зеркало — недопустимая и страшная роскошь, допускается и поощряется только история-макияж. Поэтому все еще не открытые первоисточники — на всякий случай (и вопреки всем законам) — придерживаются, ибо заранее невозможно угадать, насколько они румяно- и пудроустойчивы. Собственно, Комиссия по недопущению фальсификации и мыслилась как коллективный визажист, но работает она плохо, потому что работает без зеркала и с очень тупыми ножницами. Не меньшей опасностью (точнее, проблемой) является другое: бросающаяся в глаза недоосмысленность того, что уже опубликовано. Это касается и 1937 года.

АИ Чем вы объясняете отказ от одного из главных признаков иудаизма — единения по крови и религии, ярко проявившийся в 1920–1930-х годах?

ІІ Общая трагическая судьба жертв индивидуально-корпоративного (погромы) и в особенности государственного (Шоа) антисемитизма и впрямь объединяет. В Виленском и некоторых других гетто движение Сопротивления было, так сказать, панъеврейским, политические разногласия между сионистами, бундовцами, коммунистами и даже религиозными отступали на второй план и до окончания войны. Это было не везде, но там, где это было, сопротивление было наиболее успешным и усилия по уклонению от финального решения еврейского вопроса наиболее эффективными. Не понимаю, о каком отказе от единения вы говорите. Весь мир после 1917 года изменился и усложнился до неузнаваемости. Как можно хотеть от российского еврейства, расслоение и реструктуризация которого начались задолго до конца первой мировой, чтобы оно целым и невредимым вывалилось из гипсового корсета черты оседлости, ничегошеньки не расплескав и сохранив мифическое единство, которого не было и внутри черты? Вне этой клетки-корсета их ждал не новый человек, а новое общество, частью которого евреи всенепременно хотели стать и, кстати, стали. Стоило это недешево: повышенная доля как среди палачей 1937-го, так и среди его жертв тому порукой. Загоняло их в обе крайности все же не конфессиональными и не этническими силами, а социальными.

ÑÒÀÈÈÍ ÇÀÐÀÍÁÁ ÆÎÒÎÁÈÈ ÒÁÐÐÎÐ

ÍÈÈÈÒÀ ÍÁÒÐÎÁ, ÈÑÒÎÐÈÈ

АИ Вы считаете 1937-й годом партократического переворота, который не так выделялся бы на фоне всего случившегося за время соввласти, если бы не Хрущев и XX партсъезд?

ИЕЕЕОА ІАОВІА Ни о каком партократическом перевороте и речи нет. Апогей политических репрессий 1937 года стал символом преступной и безраздельной личной диктатуры Сталина. Но ведь это была диктатура лидера Компартии, которая узурпировала власть и правила страной начиная с 1917 года и не ослабила своей хватки вплоть до конца горбачевской перестройки. Только в конце 1980-х власть партократии рухнула. А что касается 1937 года — кто делал «переворот»? Против кого? Смысл развязанной Сталиным репрессивной кампании был очевиден: тотальная политическая и социальная чистка. Годы «большого террора» позволили Сталину не только укрепить личную диктатуру, но и на долгие годы внушить населению такой страх, что никаких попыток сопротивления режиму никто и не помышлял предпринимать.

АИ В одном из интервью вы сказали: «У нас нет срока секретности, который бы включал в себя цифру 75. Архив ФСБ изначально не выполнял регламент, появившийся в 1993 году». Почему у нас не работает Закон «Об архивном деле в Российской Федерации»?

ІІ Тут речь о двух разных ограничениях в доступе к архивным документам. 75-летний срок установлен для документов, содержащих, как это указано в статье 25 Закона «Об архивном деле», личную и семейную тайну. Для сведений, составляющих государственную тайну, принят 30-летний срок засекречивания согласно статье 13 Закона «О государственной тайне». В принятом в 1993 году регламенте доступа к архивно-следственным делам реабилитированных был заложен принцип: к процессуальным документам дела, составленным без участия обвиняемого, доступ должен быть полный, а ограничения накладывались лишь на ознакомление с протоколами допросов и собственноручными показаниями. В тогдашнем ФСК, а ныне ФСБ этот порядок был встречен в штыки и всячески саботировался. В итоге они добились принятия в 2006 году такого положения, что до минования 75 лет со дня завершения дела без разрешения самого репрессированного или его родственников доступ к его материалам невозможен. В этом году «Мемориал» оспаривал этот порядок в Верховном суде, но без результата.

АИ В 1937–1938 годах было расстреляно 85% из всего числа казненных по уголовным делам и 58-й статье за все время правления Сталина. Почему пик сталинских репрессий пал на эти годы?

ІІ Всего за период с июля 1937 года по ноябрь 1938 года, когда проводились так называемые «массовые операции», НКВД было арестовано порядка 1 миллиона 500 тысяч человек и из них почти 700 тысяч расстреляно, причем в подавляющем большинстве по решениям внесудебных органов — «троек», комиссий НКВД и прокурора. Принятием Конституции 1936 года, на бумаге вполне демократичной, можно объяснить лишь ту часть массовых репрессий, которая была направлена на «чуждые» социальные группы, ведь ранее они были лишены избирательных прав, а по новой Конституции их дали. Но, по мысли Сталина, «врасти в социализм» они не были способны. Значит — уничтожить их физически, до того как в декабре 1937 года они смогут проголосовать. Причем этот мотив «неисправимости» и особой враждебности к социализму «бывших» был у Сталина силен. В ходе же «большого террора» 1937–1938 годов репрессии обрушились на все слои населения и все без исключения национальные и социальные группы. Какого-то особого выделения евреев среди подлежащих аресту не наблюдалось.

АИ Есть ли у 1937 года некалендарное начало? Кажется ли вам этот год закономерным для российской истории и каковы оказались его последствия?

ІІ Если всерьез — это октябрь 1917 года. Именно когда возобладали большевистская доктрина, согласно которой по имущественному критерию или в силу социального происхождения большие группы населения объявлялись «чуждыми», ограничивались в своих правах. Отсюда и идея их окончательного искоренения путем физического уничтожения. Начало этому положил «красный террор» 1918 года. Массовый террор в 1937-м был подготовлен ранее проведенными репрессивными кампаниями. На основе учения Ленина Сталин заранее готовил массовый террор. По сталинской команде в июле 1937 года он был начат, и по его же команде в ноябре 1938 года свернут. И что мы имеем в итоге? Юридической оценки советским преступлениям до сих пор нет. Трубадуры массовых репрессий: Ленин, Сталин и ряд вождей помельче покоятся на Красной площади. А большая часть материалов о преступлениях советской эпохи наглухо закрыта в архиве ФСБ.

ÃÂÐÌÃÃ ÍÃ ÁÛËÌ, ÁÛËË Ì ÐÃÃÀÒÃËË

P-ÐËË ÓÃËÛÒËÌ ÑËËË, ÐÌ ÑÑËËÑËÌ-ÀÌ ÁÐËËÃÌ ÑËËË ËÑÒÌ ÐËË

АИ Почему первый удар Сталин нанес по советским спецслужбам, какую роль тут играли чекисты-евреи — герои революции, как поделились они на роли?

РОВО Не думаю, что первый удар Сталин наносил по спецслужбам. Первый удар был нанесен по Ленину, и Ленин был устранен. Сегодня с большой степенью вероятности можно говорить о том, что Сталин убил Ленина, точнее, замучил до смерти, причем информации о функционирующем Ленине у нас нет с марта 1923 года. И уже в 1923 году Сталин начинает расправляться с Троцким. Конечно, нельзя не упомянуть и об очень вовремя случившейся смерти Дзержинского в июле 1926 года, который, по мысли Сталина, мог претендовать на власть и имел в своем распоряжении аппарат госбезопасности. Подозрения, что Сталин устранил Дзержинского, есть, но доказать это сложно. Евреи — герои революции и герои ВЧК-ОГПУ-ГПУ-НКВД — это отдельный разговор, в рамках интервью — очень сложный. В революционном движении (и в карательном аппарате) евреев было непропорционально много. И мы справедливо это ставим им в минус. Но и среди врачей евреев было много, и Сталин это тоже поставил им в минус («дело врачей»). Такая у евреев судьба: их мало, но в каждый данный момент, когда в конкретной точке происходит всплеск в истории, их всегда слишком много.

АИ Карательная система, используемая товарищем Сталиным, была выстроена еще и при активном участии Ленина с Троцким. Почему же один из ее создателей, знавший об этой системе не меньше Сталина с Лениным, всего лишь перешел к активной «бумажной войне», не лучше ли было вовсе замолчать, чем провоцировать гибель тысяч людей?

РОВО В этом вопросе звучит скрытый укор Троцкому в том, что чистки спровоцировал он — своей публицистической деятельностью за границей после высылки из СССР в начале 1929 года. Я никогда не смотрел на партийные чистки с этой точки зрения. Ваш вопрос заставил меня посмотреть на них именно так, как вы сейчас предложили. Мне трудно убедить себя в том, что первопричиной партийных чисток была оппозиционная деятельность Троцкого. Точнее, это, конечно, так для периода 1926–1927 годов, когда уничтожалась троцкистская оппозиция. Но с 1928 года по конец 1934 года, когда был убит Киров, о массовых партийных репрессиях говорить не приходится. В борьбе с Троцким в тот период Сталин допустил только одну грубую ошибку, за которую расплачивался потом добрый десяток лет: он не убил Троцкого, как обязан был сделать. Он выслал Троцкого за границу. Мне этот шаг Сталина понятен никогда не был.

АИ В книге «Преступления Сталина» Лев Давидович пишет: «Достаточно напомнить, что Блюмкин был расстрелян за один лишь визит ко мне, вскоре после моего прибытия в Константинополь». Существует версия, что Блюмкин не просто так посещал Троцкого и ГПУ не просто так охотилось за ним. Насколько вы доверяете Троцкому, работая с его архивами?

РОВО Следует ли слепо доверять Троцкому? Не следует. Слепо вообще никому нельзя доверять. Можно ли доверять архивам? Можно, причем всегда. Если верить архивам, Троцкий действительно не встречался с советскими гражданами, да и советские граждане, зная о судьбе Блюмкина, не спешили встречаться с Троцким. Ведь те «советские граждане», которые выезжали за границу, были не простые советские граждане. Простые тогда за границу не ездили, и исключений из правил не было. А партийным и советским работникам встречаться за границей с Троцким — самое неразумное, что можно придумать. Героями они были, и то не всегда, только на фронтах Гражданской войны. На фронтах внутрипартийных войн героев не было. Там были только предатели, да и те не всегда выживали, потому что другие предавали быстрее, изощреннее, динамичнее.

АИ Троцкий отрицал обвинения Сталина и верхушки в свой адрес, в том числе и связь с гестапо. Какую роль сыграли приход к власти Гитлера и новая политика Германии в ведомственной борьбе внутри советских спецслужб?

РОВО Думаю, говорить о чекистских кланах в СССР в 1930-х годах не стоит. Это все-таки не сегодняшняя Россия. Но приход Гитлера к власти знаменовал собою переориентацию советской внешней политики. Новый курс Сталина был взят на Гитлера, ледоколом Красной Армии в Германии и Европе должен был стать и действительно стал Гитлер. Ориентация на Гитлера делилась на несколько этапов. Первый — поддержка Гитлера до развязывания руками Гитлера второй мировой войны. Развязал ее, руками Гитлера, Сталин, причем планировал аккуратно, по дням, планировал и направления, на которых будет наступать германская армия в 1939 году. И почти все осуществил на этом этапе так, как хотел. Второй этап — подготовка к войне с Гитлером. На этом этапе — и это первый и последний случай, когда Гитлер Сталина переиграл, — Гитлер Сталина опередил и сам нанес превентивный удар по Красной Армии. Как мы знаем,

Гитлера это не спасло, просто он проиграл войну не в 1941–1942-м, как планировал Сталин, а в 1945-м. Исторически говоря, какая разница?

Мы сегодня старше дедов и отцов за счет пережитого ими в 1937-м, за счет их оборванных тогда жизнью, и потому должны помнить: случаются эпохи, когда дистанция между палачом и его жертвой сокращается до минимума, а вина за преступления становится общей. Наш мемориальный труд сегодня не просто необходим — он должен быть постоянным массовым явлением, чтобы удерживать палача на дистанции.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2011 ХЕШВАН 5772 – 11(235)

ФОРУМ

[МИХАИЛ ЛИПКИН. МОСКВА, ВЛАДЫКИНО — КАРАГАНДА,
ТАЙШЕТ: ПОДЦЕНЗУРНЫЕ ПИСЬМА 1940—1956](#)

2011.10

Частные письма, бесспорно, занимают высшую ступень в неформальной иерархии свидетельств эпохи. Книга «Москва, Владыкино — Караганда, Тайшет. Подцензурные письма. 1940–1956», выпущенная издательством «Возвращение», состоит, главным образом, из переписки Якова Матвеевича Гольмана, ученого-гуманитария, литератора, переводчика Леви-Брюля, Фрэзера и Тайлора, со своей женой, Александрой Александровной Чернавской. С моей точки зрения, многолетняя переписка между мужем и женой в любом случае является ценнейшим историческим источником и заслуживает внимания. Но данный случай — особый.

Яков Гольман — заключенный Карлага (1940–1944), затем «ограниченец» без права выезда, полузэк, закрепленный за лагерем «до особого распоряжения» (1944–1946 годы). В последней же главе (хочется сказать — «в последней главе романа»), относящейся к 1955–1956 годам, когда переписка после многолетнего перерыва возобновляется, Гольман вновь оказывается заключенным, дотягивающим последние годы своего срока в Озерлаге. И это обстоятельство многократно усиливает значимость семейной переписки: письма из неволи и в неволю — это не просто письма.

Письма из неволи — это всегда акт преодоления навязанной разлуки и тем самым — акт сопротивления несвободе. Это акт самоосвобождения, символический побег через проволоку. Это же, разумеется, касается и писем в лагерь: они — рука, протянутая тем, кого вычеркнули из жизни и стерли в лагерную пыль.

Помимо того что речь идет о письмах как фрагментах исторического полотна, переписка, выпущенная издательством «Возвращение», — это еще и адресованное читателям послание о свободе. Но и это не самое главное. Главное — это авторы писем.

Яков Матвеевич не пишет — или пишет мало — о тяготах лагеря, прежде всего, потому, что это не самая интересная и важная для него тема. Сосредоточенность на тяготах быта была бы для него чем-то вроде капитуляции; это ниже его человеческого достоинства.

Александра Александровна, наоборот, много пишет о бытовых проблемах: она одна, с четырьмя детьми на руках, и гордо игнорировать эти проблемы она просто не может. Ее письма мужу — это рассказ о бесконечной и безнадежной борьбе с безденежьем, доходящим до нищеты, с болезнями, с бытовым неустройством. Но и она, повествуя почти исключительно о кошмаре военного и послевоенного быта, предстает перед нами человеком, борющимся с этим кошмаром не механически-рефлекторно, а во имя сохранения человеческих ценностей, во имя сохранения семьи, во имя будущего. Иными словами, опять-таки во имя человеческого достоинства, своего и своих близких.

Письма Я. М. Гольмана и А. А. Чернавской удивительны. «Век-волкодав» ни на йоту не сумел заставить их пригнуться: каждая строка и каждое слово этих писем дышат свободой и достоинством. Самое страшное в этой книге — это то, чего в ней нет: годы молчания. Лишь одно письмо Якова Гольмана из Чуны от 13 января 1951 года, трагическое, пронзительное, оставшееся без ответа, прерывает это молчание.

Казалось бы, тупик, конец, трагедия без катарсиса? Но в колоде осталась еще одна карта, и эта карта — козырной туз: любовь. Только закрыв книгу, настоящий читатель поймет, что он читал не просто сборник документальных свидетельств времени и не только послание о свободе и достоинстве человека, но и — прежде всего — историю любви.

Хотелось бы добавить несколько слов о составителях этого сборника. Я был в их шкуре, когда готовил к публикации сборник писем своего отца из Мордовских лагерей и Владимирской тюрьмы. И хотя эпоха, география и, самое главное, обстоятельства совсем иные, я-то знаю: непросто готовить к публикации, предварять предисловием и снабжать комментарием повесть, в которой главные герои — близкие тебе люди, а один из центральных персонажей — ты сам. Сергей Яковлевич Чернавский и Ольга Яковлевна Гольман справились с этой нелегкой задачей блестяще, ни в одном слове не отойдя от публикаторского и человеческого такта. Редко кому в их положении это удается в полной мере.

Им — удалось.

Àèàèàí àð Áàí è ýèù
íáùíàíòáí «Ì àí íðèàè»

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2011 ХЕШВАН 5772 – 11(235)

БИБЛИОТЕКА

ГЕРМАНИЯ, 1978

— Воевали? — спросил я.

— Я попал в плен в битве за Дьепп .

— А разве на вас не надели наручники?

— Ну да, на какое-то время и наручники надели, и в кандалы заковали. Я провел в плену два года.

— В таком случае, какого черта вы тут?

— А что, страна как страна. Есть хорошие люди, есть и плохие.

Глянув на счет, я от удивления присвистнул.

— Вы увидите: здесь все очень дорого. У немцев, у японцев — вот у кого сейчас денег навалом. Дикость какая-то.

По дороге в Трир, на родину Карла Маркса, мне предстояло сделать пересадку в Кобленце, где в декабре 1944

года Гитлер стянул танковые войска для операции, известной как Битва в Арденнах. Эта операция имела целью разрезать Третью армию США и оттеснить канадцев и англичан к бельгийско-голландской границе. Руководил этим последним отчаянным ударом, в числе прочих, генерал СС Зепп Дитрих — впоследствии его приговорили к двадцати пяти годам тюрьмы за резню американских солдат, последовавшую за операцией. Мой друг Джон Дуги участвовал в этой битве. По дороге к фронту, рассказывал Джон, им то и дело попадались трупы американских солдат, во множестве лежавшие по обочинам дорог, у одних были отрублены ноги, у других вспороты животы, а в это же время мимо них в лагерь военнопленных за линией фронта вели колонны немцев. Разъяренный солдат разбил одному из немцев лицо прикладом винтовки

— До этого времени мы не испытывали к ним ненависти, — рассказывал Джон, — но война, как мы считали, была практически выиграна. Так к чему эта напрасная бойня? Нас обуяла ярость, мы налетели на немцев, дубасили их винтовками. В Трире — он раскинулся в долине Мозеля — сохранились лучшие памятники римской эпохи в Германии. И сегодня, когда река мелеет, профессора и студенты процеживают ил в поисках монет, ваз и прочих артефактов. Поздно вечером я зарегистрировался в отеле «Вайнхоф Петрисберг», взиравшем с высокого горного склона на город и реку. После проведенного в пути дня мне захотелось помыться, но мыла в ванной, к моему удивлению, не нашлось. — Ну да, вы же иностранец, — сказала хозяйка гостиницы. — Немецкие отели мылом не обеспечивают. Все же она принесла мне брусочек мыла величиной со спичечный коробок. Оно и понятно, почему у них нехватка мыла, подумал я: жир, вытапливаемый из евреев, — главный источник — иссяк.

Не в силах заснуть, я стал читать «Интернэшнл геральд трибюн», и в ней обнаружил доказательства — требовались ли они? — что в убийстве шести миллионов повинны не одни немцы. 7 ноября в Гааге Вим Аантьес, парламентарий лидер голландской правящей партии Христианско-демократический призыв, подал в отставку: причиной ее послужил доклад, доказывавший, что во время оккупации Нидерландов он состоял в СС.

Репортер разыскал Луи Даркье Пеллепуа в Мадриде, где тот проживал в роскошных апартаментах. Восьмидесятилетний Даркье, приговоренный французским судом *in absentia* к смерти, в войну был уполномоченным правительства Виши по еврейским делам. Нам пришлось депортировать французских евреев, разъяснил он репортеру, чтобы «очистить страну от этих чужаков, этих полукровок, этих миллионов людей без гражданства, этих людей, навлекших на нас всяческие бедствия. Евреям была нужна война, и они втянули нас в войну. Нам пришлось как можно скорее очистить от них страну». Когда Даркье указали на то, что в газовых печах Аушвица погиб миллион евреев, Даркье ответил: «Евреям лишь бы привлечь к себе внимание — на что только они не идут ради этого. Да, они (*немцы*) применяли газ, но газом они истребляли вшей. Когда евреи прибывали в лагерь, им, перед тем как принять душ, приказывали раздеться — как же иначе. Их одежду тем временем дезинфицировали. А после войны евреи повсюду распространяли фотографии, на которых

были сняты груды одежды... и скулили: «Смотрите, это исподнее наших убитых собратьев»».

Я был не первым жителем Квебека, которого пригласили читать лекции в Трире. Моим предтечей был министр поддержания и развития культуры Камилл Лорен, он поведал студентам, что из всех жителей Северной Америки лишь квебекцы сохраняют связь с европейской культурой. Я отметил, что в библиотеке квебекской литературы, которую Лорен преподнес в дар университету, не было как книг Хью Мак-Леннана, Ирвинга Лейтона, Мэвис Галант, Леонарда Коэна, так и моих. В новом Квебеке, каким он мыслился Лорену, безусловно должны были быть исключительно ein Volk, ein Kultur .

После лекции мой радушный хозяин профессор Циркер пригласил меня посетить музей, где мне показали собрание средневековых рукописей, какому можно было только позавидовать. После чего нас провели в другой зал, где куратор специально для меня разложил на длинном столе еврейские артефакты. Пока мы разглядывали документы, относящиеся к раннему Средневековью, я цинично предположил, что после 1933 года никаких еврейских документов у них быть не может. Однако я недооценил куратора. Он подвел меня к плакату, доводившему до сведения граждан Нюрнбергские законы от 15 сентября 1935 года, по которым евреи лишались немецкого гражданства, а браки между евреями и арийцами запрещались. А затем показал мне фолиант, где содержались еврейские удостоверения личности. Фотографии, отпечатки пальцев, основные сведения.

— Обратите внимание на этого бедолагу, — сказал куратор, — он надел медаль, полученную в первую мировую войну: наверное, думал, что это ему поможет.

В конце концов мы подошли к стопке разлинованных страниц из ученических тетрадок — на них печатали имена и адреса трирских евреев. Все имена были перечеркнуты по линейке красными чернилами, затем следовали примечания полицейских. После первых имен стояло: «ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ ЛОДЗЬ» — эвфемизм Аушвица, далее и того проще: «ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ НЕИЗВЕСТЕН».

Заметив, что мне в лицо кинулась кровь, куратор сказал:

— Кое-кому, знаете ли, удалось бежать во Францию.

— Кое-кому?

— Единицам.

Меж тем у большинства трирских евреев надгробий нет, лишь красная черта, перечеркивавшая их имена в полицейских тетрадках, — вот что от них осталось. Только черта — и в конце душ с «Циклоном-Б».

— Добро пожаловать в Оттаву-на-Рейне, — так приветствовал меня сотрудник канадского посольства Пол Адамс, когда я сошел с поезда в Бонне.

Студенты, которым я читал лекции, оказались восприимчивыми и умными, многие из них свободно изъяснялись на трех языках. После лекции ко мне подошел симпатичный паренек. Он успел побывать и в Америке, и в России.

— Куда б я ни поехал, — сказал он, — ко мне сплошь и рядом относятся враждебно. В прошлом моей вины нет. Я хочу гордиться тем, что я немец. Что мне делать?

Я не питал к нему вражды, но у меня перед глазами все еще стояли написанные огненными буквами имена на трирских тетрадных листках, и мне — ничего не попишешь — пришлось рассказать ему об этом.

Лекцию я читал 9 ноября, в годовщину Kristallnacht , Ночи разбитых витрин. Сорок лет тому назад 7 ноября семнадцатилетний паренек, беженец из Германии , застрелил третьего секретаря немецкого посольства в Париже. Два дня спустя в Германии загорелись синагоги. Зеркальные витрины более чем семи с половиной тысяч магазинов, принадлежащих евреям, были разбиты, магазины разграблены. Евреев избивали, насиловали, убивали. Половые связи с евреями были запрещены, те, кто насиловал евреек, исключались из партии, но к тем, кто всего-навсего убивал, претензий не было. Страховые выплаты, причитающиеся евреям, конфисковали, евреев принудили заплатить за разорение своей же собственности. На них — на всех коллективно — наложили штраф в миллиард марок за, как сформулировал Геринг, «чудовищные преступления».

В 1938 году в Германии жило семьсот тысяч евреев. Сорок лет спустя в Германии начитывалось двадцать семь тысяч евреев, зато злодеяния Хрустальной ночи были публично признаны. По всей Германии 9 ноября 1978 года было объявлено Днем памяти. Канцлер Хельмут Шмидт , выступая в синагоге, построенной на месте сожженной в 1938 году, сказал, что мы все еще не нашли слова, которые выразили бы наши стыд и горечь, не нашли мы и объяснения этому бедствию. Канцлер назвал Хрустальную ночь «станцией по дороге в ад».

Флоренс присоединилась ко мне в Бонне, и на завтра мы отправились в Кельн. Кельн был практически разрушен бомбардировками, и, как и в других стертых с лица земли немецких городах, на месте руин поспешно возводились серые бетонные коробки многоквартирных домов, функциональных, но

унылых. К счастью, старый квартал, прилегающий к собору, в основном уцелел. После лекции наш хозяин, доктор Паше, повел нас обедать в пивной бар в старом квартале. На меня тут же пахнуло чем-то знакомым, и вот — откуда ни возьмись — и они. Мимо нас проплыл, балансируя подносом, плотный официант в синем переднике, на подносе высилась горка картофельных оладий моего детства.

— Смотри-ка, — сказал я Флоренс, у меня уже текли слюнки. — Латкес.

— Вы имеете в виду Reibenkuchen? — сказал доктор Паше.

— Да ну?

— Это традиционное блюдо кельнской кухни.

Как кельнской, так и бабушкиной кухни.

Еврейская и немецкая история переплелись не только в Холокост. Если я кое-как понимаю по-немецки, так это потому, что в моей памяти застряли слова, усвоенные в детстве из идиша. Немцы называют клецки Knödel, мы называем их кнейдл.

Доктор Паше сообщил нам, что в Германии миллион безработных и что у сегодняшнего поколения студентов сильна тяга к консерватизму. И хотя в стипендиях, предназначенных для учебы в Америке, недостатка нет, найти желающих воспользоваться ими все труднее. Молодых людей интересует работа с благоприятной пенсионной программой, и они опасаются, что пропустили они хоть год, их того и гляди обойдут.

Прочтя лекцию три раза за четыре дня, я на уик-энд сбежал с Флоренс в пресловутый Баден-Баден. Баден-Баденский курорт в долине реки Оос, там, где к Рейну по склонам спускается Шварцвальд, славится — и по праву — горячими источниками и великолепным казино. Вослед за Достоевским, Ницше, Бисмарком, Наполеоном III, королевой Викторией, нередко проводившими тут лето, мы расхаживали по прославленной Лихтенталер-аллее, вдоль которой росли дубы, посаженные аж в 1655 году, — аллея пролегла через разбитый на английский манер сад с его магнолиями, гинкго, тюльпановыми деревьями и серебристыми кленами. Но едва мы покинули сад, где царствовал покой, как нас снова настигло недавнее прошлое, от которого не скрыться. Объявление на церковной ограде оповещало о проповеди в память Хрустальной ночи. Рядом была выставка фотографий, сделанных в Баден-Бадене в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года и после нее. На них офицеры били в синагоге священную утварь, из окон синагоги рвались клубы дыма. Евреев с поднятыми над головой руками гнали по главной улице города.

Утро у нас прошло в поисках дома № 2 по Бадерштрассе, пансиона, где летом 1867 года жил Достоевский с беременной женой. Дом мы нашли, но таблички на нем не было: черная неблагодарность, по-моему, учитывая, сколько денег Достоевский просадил здесь на игорных столах.

В понедельник я читал лекцию в Майнце. Всю оставшуюся неделю мы, похоже, только и делали, что неслись с вокзала или на вокзал: мне предстояло выступить еще три раза — в Эрлангене, Аугсбурге и Вене. Наблюдения, сценки запечатлевались на лету. Каждую складочку, каждую трещинку в горах засадили виноградом — ни одну не сочли ни слишком мелкой, ни слишком трудно доступной. Проплывая верх и вниз по Рейну, мы, глядя на недавние постройки, убедились, что бомбардировки второй мировой войны разрушили чуть не всё. Германию сравнивали с землей. Но хоть во мне и заговорила жалость, грузовые составы делали свое дело. Вновь и вновь мы то проплывали мимо медленно ползущих грузовых составов, то наблюдали, как товарные вагоны переводят в депо. Многие вагоны казались допотопными — не исключено, что их использовали и в сороковых. Предварительно, конечно же, отдраив после того, как в них увозили евреев в печи Аушвица. При виде этих товарных вагонов меня снова обуяла ярость.

И все же — все же — повсюду нас принимали невероятно любезно. Профессора были — само радушие. Студенты, с которыми я знакомился, были симпатичные как на подбор. И в душе моей был разброд: я то жалел о разрушениях, в некоторых случаях явно необоснованных, то жалел, что разрушений мало.

В Вене, когда я бродил по роскошному Volksgarten, где нас со всех сторон обступали остатки имперской роскоши, сопровождающий меня канадский чиновник указал на балкон Хофбурга, с которого Гитлер провозгласил аншлюс, аннексию Австрии.

— Сотни тысяч венцев стеклись сюда послушать Гитлера, — сказал он. — Теснотища была — не пошевелиться. Толпа надрывала глотки от восторга. А сегодня вот ведь чудеса: хоть всю Вену опроси, ни один не признается, что был здесь.

Общаясь в Германии с людьми лет пятидесяти и старше, я испытывал некоторое напряжение. Даже если мы болтали о политике за рюмкой коньяка или занимались сравнительным анализом разных культур на чинных ужинах, я ловил себя на том, что мне не дает покоя вопрос: а где ты был, господин

хороший, в Хрустальную ночь? Где ты был, когда твоих еврейских соседей гнали к ПУНКТУ НЕИЗВЕСТНОГО НАЗНАЧЕНИЯ? Не исключено, что ты был слишком цивилизован, чтобы участвовать в погроме непосредственно. Возможно, ты даже не одобрял его. Но как тебе удалось заглушить их крики? Что, твой отец закрыл ставни? Твоя мать завела патефон? Где вы были, подонки?

Промозглой, туманной ночью, когда мы ожидали очередного поезда на вокзальной платформе, невдалеке показалась компания подвыпивших юнцов. В каких-то нелепых шапках, красных куртках, они выписывали кренделя и орали песни. Я ухватился за ручку одного из наших чемоданов — изготовился, если понадобится, дать отпор. И тут, когда наш поезд наконец подошел, я разобрал, что они поют. Они пели вовсе не «Хорст Вессель», а «Мы все на желтой подлодке».

Перевод с английского Ларисы Беспаловой

×ÄÏ ÎÄÄÏ

Ñèí òëÿ Îçèè

Мистер Хенке, отец художника, был немец, архитектор и путешественник — необязательно в таком порядке значимости. Для кайзера он летал на «фоккере»[1], но от летчика в нем почти ничего не осталось: разве что привычка по-военному расправлять плечи — особенно при знакомстве. И не потому, что некогда служил в жестоких и суровых летных войсках, а потому, что в глубине души был застенчив. Его длинное, мрачное лицо, нижнюю часть которого — словно нитка, выдернутая из холщового мешка, — перерезал рот, было изрыто как поле боя. Пол лупой на его лице можно было бы разглядеть лунные кратеры. В детстве он переболел оспой. Он жил в Виргинии, в доме из желтого кирпича, и немцем себя уже не считал. Он не думал по-немецки, разве что в одном повторявшемся сне, где он всегда скакал голым на неоседланном коне, вцепившись в его черную влажную гриву, и повторял: «Schneller, schneller»[2]. Мучительно медленно они скользили по лугу, памятному с детства, мимо мельницы — к зеленой бескрайности в пелене лютиков. Иногда конь (это был жеребец, он знал) почему-то оказывался его женой, покойной. Он раскаивался, что дал сыну свое имя — каково мальчику с таким именем учиться в Йеле! Если бы надо было назвать заново, он бы выбрал имя Джон.

— Куда положить чемодан? — спросил он Готфрида — тот расплачивался с грузчиками и его не услышал. Отец заметил, как мелькнули серо-зеленые купюры. Грузчики стали расставлять рядами складные стулья, и он догадался, что Готфрид приплатил им за это. Готфрид организовал все сам — снял помещение, переоборудовал его в галерею и пригласил известного критика выступить на открытии с речью. Была даже вывеска, торчавшая из окна над Западной Пятьдесят третьей улицей: «Галерея “Не фигура”» — метафизическая шутка. Не фигура — так про Готфрида сказать было нельзя, — и доказательством тому было то, что его супруга была вполне фигурой. Фигурой с незаработанным доходом в пятьдесят тысяч в год: она была из чикагской аристократии, нежная длинношея красавица брюнетка с безупречными манерами и голосом как у птички. Мистер Хенке только после двух ужинов в ее обществе понял, что словарного запаса у нее никакого, не понимает она ничего, ничто ее не восхищает и ничто не вгоняет в скуку. Она была абсолютно глупа. Поскольку заняться ей было нечем — имелись и кухарка, и горничная, и гувернантка, — едва ли она могла поменяться к лучшему и лето напролет только и делала, что выглядела воздушной. Мистер Хенке был на пенсии, а сын его и на пенсию выйти не мог, потому что никогда не работал. Кэтрин нравилось, когда он сидел дома, изредка тетешкал ребенка, слушал пластинки, танцевал и время от времени выгонял гувернанток, которых она обыкновенно подозревала в безнравственности. Однако он каждый день ехал из центра в северную часть Лексингтон-авеню, где снимал по соседству с некоей миссис Зибценхауэр квартиру, называл ее мастерской и потихоньку занимался живописью. Через стену он слышал, как у миссис Зибценхауэр блеют часы с кукушкой, классические, от «Черного леса»^[3]. Иногда он уставал, поэтому обзавелся кроватью. Ее с ним иногда делила любовница-еврейка.

Знаменитый критик уже прибыл и осматривал полотна Готфрида. Он так пристально, пыхтя, разглядывал каждый холст, что подметал кончиком модной бородки нижний край рамы. Картины Готфрида важно висели по всем стенам, и знаменитый критик продвигался от одной к другой. Он был не художественным критиком, а критиком литературным, «культурологом» — и собирался высказаться по поводу смысла этих произведений в терминах *Zeitgeist*^[4]. За лекции он брал исключительно высокую цену: мистер Хенке надеялся, что мнение его будет и вполнину не столь высоким. Сам он не знал, как относиться к трудам Готфрида. Его изобиловавшие оптическими уловками картины настолько не соответствовали тому, что обычно ожидает видеть глаз, что как только взгляд отрывался от них, в глубинах зрачка поднимался вихрь, и картины начинали говорить через свое остаточное изображение. Все приводило в замешательство, все было словно приклеено к плоскости: полосы, углы, ракурсы, разрезы. Мистера Хенке мучило предположение, что Готфрид просто разрезал крошечными ножничками план старого офисного здания. Все картины были черно-белыми, но встречались и рисунки коричневым карандашом. Рисунки состояли в основном из беспокойных точек, рассыпанных как ноты на пяти линейках. Они метались вверх-вниз. Знаменитый критик изучал их сосредоточенно, делал пометки на бумажной салфетке, которую взял со стола с закусками.

— Куда поставить чемодан? — спросил мистер Хенке Кэтрин — она как раз проходила мимо, рука об руку с любовницей Готфрида.

— Ставьте куда хотите, — тут же ответила Женевьева.

— Папа, ну хоть на этот раз останьтесь с нами. Можете занять большую комнату наверху, — сказала Кэтрин, мобилизовав всю свою заученную вежливость.

— У меня забронирован номер в чудесной гостинице, — сказал мистер Хенке.

— Ничего чудеснее комнаты наверху быть не может. Я только что сменила там занавески. Папа, теперь они желтые, — сказала Кэтрин, одарив его своей мягкой, обволакивающей улыбкой, и в невесомой, как принято считать, что твоя паутина, душе свекра, в которую он верил так же твердо, как любой крестьянин, — проскочил тонкий-претонкий волосок — из гривы того коня — и словно коснулся его загрубелой щеки: он не просто так был отцом художника, к желтому был неравнодушен и не забыл желтых лютиков на холме за мельницей.

— Китти, ты безнадежна, — сказала Женевьева. — Запереть закоренелого холостяка под крышей своего старого душного дома, да ты что?

— Я не холостяк, а вдовец, — сказал мистер Хенке. — Это не вполне одно и то же.

— По сути одно, — сказала Женевьева. — Не позволяйте им посягать на вашу свободу: вам нужно приходиться и уходить, гостей принимать когда вздумается.

— Дом хороший. И вовсе не душный, здесь масса воздуха. Даже рекой пахнет. Очень элегантный дом в элегантном месте, — возразила Кэтрин.

— Дом замечательный, — согласился мистер Хенке, хотя в глубине души презирал нью-йоркские особняки из коричневого песчаника. — Да только мне кажется, Готфрида мое присутствие стесняет. Поэтому ради семейного блага я предпочитаю останавливаться в гостинице.

— Папа, Готфрид обещал на этот раз не ссориться.

— А из-за чего же им ссориться? — спросила Женевьева.

— Папа считает, что Готфриду нужна работа. Но в этом нет необходимости, — ответила Кэтрин.

— У Рокфеллера такой необходимости тоже нет, — возразил мистер Хенке. — Только никто из Рокфеллеров не бездельничает. У каждого Рокфеллера есть работа.

— Ох уж эти мне лютеране, — вздохнула Женевьева. — Вы и ваша жуткая лютеранская этика с ее отношением к труду.

— Папа, Готфрид никогда не бездельничает. Вы не знаете. Просто не знаете. Он ходит в мастерскую каждый день.

— И там спит на кровати.

— Г-споди, папа, неужели вы думаете, что Готфрид смог бы устроить такую огромную выставку, если бы не работал? Папа, он настоящий труженик, он художник, и что с того, что у него там стоит кровать?

— Вот-вот, — сказала Женевьева. — Это просто несправедливо, у всех Рокфеллеров тоже есть кровати. Китти права.

— Скажите наконец, куда чемодан поставить, — напомнил мистер Хенке.

— Поставьте вон там, — предложила Женевьева. — Рядом с моими вещами. Видите кресло у бара — где бармен стоит? Нет, вон там, мужчина надевает белую куртку. Я там под пальто свой кошелек оставила. Видите пальто в черно-белый геометрический рисунок? Кто-нибудь еще примет его за одну из работ Готфрида и купит за девятьсот долларов, — сказала Женевьева, и Кэтрин рассмеялась — зачирикала по-воробыиному. — Можете положить чемодан прямо на девятисотдолларовое пальто, там он никому не помешает. Б-же, народу-то уже сколько!

— Мы разослали буклеты буквально всем, — сказала Кэтрин.

— Только не думайте, что они здесь исключительно ради Готфрида, — заметил мистер Хенке.

— Папа, вы о чем?

— О том, что люди пришли послушать Крейтона Макдугала. Смотрите, вся компания в сборе — не там, а вон где, у лестницы — из «Партизан ревью»[5]. Людей из «Партизан ревью» я опознаю безошибочно — у каждого лицо, как у только что пойманной скумбрии, еще с крючком во рту.

— А может, это арт-дилеры? — с надеждой произнесла Кэтрин. — Или музейщики?

— Это люди Макдугала. Вокруг него их всегда толпа. Жду не дождусь, как он будет объяснять, что Готфрид выражает экзистенциальный бунт против Фрейда.

— Готфрид писал что-то про Фрейда в буклете. А вы, папа, уже видели буклет? Он написал там что-то вроде предисловия. Собственно, не то чтобы написал — это просто цитаты. И одна, кажется, из Фрейда.

— Не из Фрейда, дорогая, а из Юнга[6], — поправила Женевьева.

— Ну, я помню, что из какого-то известного еврея-психиатра, — сказала Кэтрин. — Джен, пойдем сходим за буклетом для папы.

— Не беспокойтесь, я сам возьму, — сказал мистер Хенке. — Но сначала чемодан поставлю.

— Юнг не еврей, — сказала Женевьева.

— То есть был не евреем? А разве он не умер?

— Он не еврей, — повторила Женевьева. — Поэтому и остался в живых.

— Я думала, он умер.

— Все умирают, — сказал мистер Хенке, разглядывая толпу. Она напоминала толпу в зоопарке: извивалась потрепанным канатом вдоль ровного ряда картин Готфрида — заглядывала в каждую как в клетку с каким-то диковинным медведем.

— Как в концлагере, — сказала Женевьева. — Все пьются из-за колючей проволоки, надеются на спасение и понимают, что его не будет. Вот на что это похоже.

— Я очень надеюсь, что среди них есть и арт-дилеры, — сказала Кэтрин.

— Я не стану класть чемодан на ваше пальто, — сказал мистер Хенке. — Мало ли что, помню еще. Лучше я поставлю его за кресло.

— Знаете, что мне напоминают работы Готфрида? — спросила Женевьева.

Мистер Хенке догадался, что она его подначивает. Вот хотя бы как она истолковала, почему он предпочел дому сына гостиницу — говоря о том, что он хочет водить гостей, она явно имела в виду проституток. Это его глубоко оскорбило. Он никогда не имел дела с проститутками, но знал, что Готфрид иногда себе такое позволяет. Впрочем, Готфрид был еще молодым человеком: в Америке странным образом таким, как Готфрид, — тридцатисемилетним и даже слегка плешивым — ничто не мешало чувствовать себя молодыми. Так что Готфрид был не просто молодым человеком, но, судя по всему, намеревался оставаться таковым еще долгие годы, а бедняжка Кэтрин, которая в социальном и финансовом смысле была фигурой, в сексе точно ничего собой не представляла. Ее тонкая талия была вне сомнения очаровательной, ее наклоненная вперед шея (возможно, она была близорука, но сама того не подозревала) благоухала. Держалась она донельзя чинно, даже безукоризненные бедра под белым платьем двигались по-кукольному,

поэтому Готфрид иногда ходил к проституткам и иногда, по особым случаям вроде открытия галереи «Не фигура», приезжала откуда-то с Среднего Запада — из Цинциннати, или из Бойса, или из Колумбуса, а может, и из Детройта — Женестьева.

— Изрезанные свастики, вот это что, — заявила Женестьева. — Все его работы до единой. И с такой дикой тщательностью. Каждая — горшок с ошметками свастик, видите?

Он понимал: она хочет ему показать — она презирает немцев, считает, что он до сих пор симпатизирует нацистам, что он антисемит, чуть ли не Эйхман[7]. Она была из тех, кто и через двадцать лет после войны с Гитлером ни за что не купит «фольксваген». Она готова была на мерзкие нравственные выпады, но только против чего? Кого можно винить в ходе истории? Не нужно быть философом (впрочем, ему самому был ближе Шопенгауэр), чтобы усвоить, что история сама по себе сила, как эволюция. Вот он прекрасно живет в Америке — разве что в сахаре приходится себя ограничивать, покупает, как любой сознательный гражданин, облигации военного займа, а его сестра, ни в чем не повинная женщина, интеллектуалка, преданная поклонница Гейне, знавшая наизусть «Der Apollgott», «Zwei Ritter», «König David»[8] и с десяток других стихотворений, когда британские ВВС бомбили Кельн, потеряла дом и одиннадцатилетнюю дочь. Маргаретхен переехала из Франкфурта в Кельн, выйдя замуж за высокообразованного человека, владельца фабрики шампуней. Страшная трагедия. Даже великий Кельнский собор не пощадили.

— А я была уверена, что Готфрид цитировал Фрейда, — попробовала возразить Кэтрин.

— Китти, Готфрид ни за что не стал бы цитировать Фрейда, ему было бы неловко. Знаешь, что Фрейд говорил? «Воздерживающийся художник не способен ничего породить»: он имел в виду секс, дорогая, а не выпивку.

— Готфрид практически не пьет.

— Это потому, что он мистик и романтик — такой вот глупыш. Китти, тебе непременно надо Готфрида подпаивать — его работе это пойдет только на пользу. Поменьше аполлонического, побольше дионисийского.

Кэтрин захихикала так, словно уловила соль некоей скрытой шутки, но тут заметила, что грузчики забыли поставить кафедру, и, вежливо извинившись, удалилась, одарив свекра заботливой улыбкой, такой вышколенной, что внутри что-то звучно екнуло. Отец художника терпеть не мог невестку и под одной крышей с ней не вынес бы и вечера; разговоры с ней вгоняли его в тоску, после них его мучили кошмары: порой ему снилось, что он оказался в городе, где живет сестра, и бомба взрывается в его собственном животе, по изуродованному нефу скользит каталка с мертвой племянницей, укрытой лишь волной белокурых волос. В углу зала Кэтрин следила за установкой кафедры: ее волокли со скрипом, перекрывавшим нарастающий гул голосов.

А Женестьева не унималась.

— Мистер Хенке, вы прекрасно знаете, что Юнг заигрывал с нацистами. Это общеизвестный факт. Когда пришли нацисты, он позволил вышвырнуть всех евреев из Психологического общества, а сам все это время оставался его президентом и слова против не сказал. А они все потом погибли.

— Gnädige Frau[9], — сказал он и с перепугу поставил чемодан на пол. Со смерти жены он ни слова не произнес по-немецки, и тут вдруг с языка помимо его воли сорвалось такое далекое и такое знакомое словосочетание, до дикости бесполезное, из чего-то возвышенного и старомодного, из добропорядочной, давно закостеневшей пьесы вроде «Минны фон Барнхельм»[10], — словосочетание, которого он в жизни не употреблял. — Чего вы от меня хотите? — воззвал он. — Мне шестьдесят восемь. Что я за эти шестьдесят восемь лет сделал? Я никому не причинил зла. Я строил башни. Башни! И всё! Я ничего не разрушал.

Он поднял чемодан — вдруг отяжелевший так, словно он был набит окаменелостями, — пробрался по гудящему залу к столу с закусками, поставил багаж за кресло, ставшее под черно-белым пальто Женестьевы в два раза объемнее. Бармен протянул ему стакан. Он взял его и отошел, держась подальше от стен, сплошь увешанных ацтекскими выплесками сына. Он сел в среднем ряду и стал ждать, когда на кафедру взойдет критик. Под ногами валялись какие-то листки. Оказалось — буклета. Он увидел

название лекции: «Внутренним взором. Хенке и новый кубизм». Он пролистнул страницу назад и под заголовком «Отобрано Хенке» прочитал три цитаты.

*«Οὐκ ἴαί γε αἶψά, ἰάσασθαι αὐτὸν αὐτὸν ἀσθενῶν, ὅτι ὑπὲρ τοῦτο ἐκείνου ἀεὶ αὐτὸν ἀσθενῶν ἀσθενῶν ἐκείνου?»
(Ἀσθενῶν — ἐκείνου: ἰάσασθαι αὐτὸν αὐτὸν ἀσθενῶν, ὅτι ἐκείνου αὐτὸν αὐτὸν ἀσθενῶν ἰάσασθαι αὐτὸν αὐτὸν.)*

«Ἐὖ: οὐκ ἴαί γε ἰάσασθαι αὐτὸν αὐτὸν ἀσθενῶν, ὅτι ἐκείνου αὐτὸν αὐτὸν ἀσθενῶν ἰάσασθαι αὐτὸν αὐτὸν ἀσθενῶν ἰάσασθαι αὐτὸν αὐτὸν ἀσθενῶν ἰάσασθαι αὐτὸν αὐτὸν ἀσθενῶν.» (Οὐκ ἴαί γε αὐτὸν αὐτὸν ἀσθενῶν.)

«Ἄλλο ἰάσασθαι — ἰάσασθαι αὐτὸν αὐτὸν ἀσθενῶν, ἀλλ' ἰάσασθαι αὐτὸν αὐτὸν ἀσθενῶν — ἐκείνου αὐτὸν αὐτὸν ἀσθενῶν.» (Ἀσθενῶν.)

Во всех трех высказываниях угадывался выбор Женецьевы. Он поискал цитату из Юнга, но не нашел. Для Кэтрин что Бетховен, что Фрейд были на одно лицо: неподъемны, неразличимы и неистребимы. Женецьева наверняка сказала ей, что Шуппанцигх тоже был евреем-психиатром, затравленным нацистами, а Гете — печально известным гауляйтером. А что до болвана Готфрида, то он читал одни обзоры выставок в «Таймс» и был подписан на «Артс ньюс»: он состоял на две части из денег Кэтрин и на одну — из ума Женецьевы, а духу перемешать все это у него не хватало. Кэтрин, как и положено глуповатым героиням, верила, что Женецьева (Смит[11], выпуск сорок восьмого года, summa cum laude[12], «Фи-Бета-Каппа»[13]) любит ее (Школа мисс Джуитт, выпуск пятьдесят девятого, 32-е место из 36) искренне и беззаветно. «Женецьева обожает Нью-Йорк, жить без него не может», — часто повторяла Кэтрин и преподносила это как тонкое наблюдение. Они познакомились у Майры Джейкобсон. Майра Джейкобсон (также Смит, выпуск сорок восьмого) была арт-дилером, причем из лучших: считалось, что она умеет создавать имена — например, в прошлом году она создала перформансиста Джулиуса Фелдштейна, и Кэтрин предложила ей некую сумму за продвижение Готфрида, но та отказалась. «Надо подождать, пока он созреет», — сказала она Кэтрин, и та разрыдалась и рыдала до тех пор, пока из-за полотна Джексона Поллока не явилась Полонием Женецьева и не протянула ей оранжевый носовой платок. «Ну, будет, — сказала Женецьева. — Хватит голосить. Давай-ка я на него взгляну: понять, созрел ли, можно, только когда пощупаешь». Женецьеву сопроводили в мастерскую Готфрида по соседству с квартирой миссис Зибценхауэр, она увидела кровать, увидела Готфрида и пощупала. Щупала усиленно. Он еще не созрел. Он по-прежнему не был фигурой.

Отсюда и название «Не фигура» — идея Женецьевы. Название, разумеется, дано в насмешку, и Готфрид понимал, что над ним насмеваются, и назло согласился. Готфрид, как и многие трусы, был коварен, но мстил исподтишка. Кэтрин же была бесконечно благодарна: выставка — это выставка. Крейтон Макдугал обошелся исключительно дорого, но этого вполне можно ожидать от бородастого человека: он выглядел — выдала очередное тонкое наблюдение Кэтрин — как Г-сподь Б-г.

Аплодисменты.

«Господь» поднялся на кафедру, налил из металлического краника стакан воды, всосал капли, оставшиеся на верхней части бороды (той ее части, без которой она была бы усами), крикнул — гортань его была забита мокротой — и начал разговор о Белом ките Мелвилла[14]. Десять минут мистер Хенке

пребывал в искренней уверенности, что великий критик повторяет лекцию, читанную на прошлой неделе. Наконец он услышал имя своего сына. «Искусство осуществления, — произнес критик. — Здесь наконец-то нет никакого томления. Никакого гипсового хвоста, маняще бьющегося у горизонта. Здесь нет горизонта. Перспектива уничтожена. Страх завершенности — из школьного класса и/или сумасшедшего дома — наконец преодолен. Представьте учителя, который, стоя спиной к ученикам, стирает что-то с доски. Он трет и трет. И вот доска снова девственно черная — осталась только нижняя закорючка от буквы И, обозначающей Истину или Иисуса, — тряпка прошла мимо и ее не уничтожила. Ровно в этот момент и начинается искусство Готфрида Хенке. Искусство Готфрида Хенке поднимается с места, подходит к доске и коротким, быстрым и прицельно точным движением слюнявит мизинец и навсегда стирает то, что осталось от буквы И. В этом, леди и джентльмены, и состоит смысл творчества Готфрида Хенке. Это искусство не голодного, не разочарованного человека, а человека сытого. Искусство, так сказать, для толстых».

Снова раздались аплодисменты, на сей раз осторожные — так хлопают невежды, принявшие конец первой части за финал симфонии.

Металлический краник взвизгивает. «Господь» жаждет. Аудитория наблюдает, как волосы на бороде аккумулируют воду.

— Дамы и господа, — продолжил критик, — я тоже человек толстый. Я хитро скрываю от двух до трех подбородков. Однако я не всегда был таким. Представьте меня семнадцатилетним, тощим, дерзким, наглым, изящным. Представьте снег. Я бегу по снегу. Белизна... Белизна, дамы и господа, того самого мелвилловского кита, с которого я начал свою беглую зарисовку. Все люди начинают на гребне чистоты и надежды. Теперь вообразите меня в двадцать четыре года. Я только что вылетел с медицинского факультета. Леди и джентльмены, я мечтал лечить. Лечить, милые мои. Вообразите мои слезы. Я, унижаясь, рыдаю перед деканом. Умоляю дать мне еще одну возможность. «Нет, сын мой, — говорит декан. Добрейший, чудеснейший человек! И жена — в инвалидном кресле. — Тебе предстоит проделать долгий и тяжелый путь. Бросай ты все это». И вот уже тридцать лет я пытаюсь лечить себя. Аллегии, милейшие дамы, аллегии, уважаемые господа: будьте уверены, я угощу вас свежайшими баснями и притчами сезона. Искусство Готфрида Хенке — искусство цельное. Если в нем и была рана, то она затянулась. Она вылечила сама себя, мы все себя вылечили. Благодарю вас, благодарю!

И «Господь» интенсивно замахал рукой, пытаясь унять шквал восторженных аплодисментов.

Кэтрин с непробиваемой вежливостью — как толмач на сделке — представила своего свекра Крейтону Макдугалу. Мистер Хенке был тронут. У него затеплилась надежда относительно сына и внука, которого он до сих пор считал дурачком. Он стал рассказывать критику про старые самолеты.

— Нет-нет, — говорил он, вперившись взглядом в красные студенистые глаза, — «фоккер», как известно, был истребителем, а вот «ганза-унд-бранденбургер» умел все: мог и истребителем, и бомбардировщиком, и на бреющем атаковать, и в разведку слетать — ваши корабли поискать. Все мог. Универсальная машина, очень надежная. Под конец у нас их много собралось, а в начале даже «фоккеров» не было. Только красавица «румплер-таубе»[15], «голубка Румплера». Ее так называли, потому что она напоминала огромную ласковую птицу. Вы ее по старым фильмам не помните? Моя невестка утверждает, что однажды видела такую в кино, которое показывали в музее современного искусства. Я свою невестку немного опасюсь: портит породу, генов ума от нее никаких: вот внук, два года, чудный малыш, умственных способностей ноль. Вы только об этом никому, ладно? Это я уж вам, в частной беседе. Мне ваше лицо нравится. Вы мне немного моего отца напоминаете — он был, как говорится, человек старой закалки, строгий. Нынешние мальчики не тянут. У нас в летной школе учителя тоже строгие были. Все до единого профессора. В моторе знали каждый винтик. Нам дали лучших учителей. Полагаю, в случае необходимости я бы и сейчас смог сесть за штурвал какого-нибудь «пайпер-клуба»[16]. В те годы у самолетов были еще двойные крылья. Бипланы с открытыми кабинами. Кожаные шлемы. Когда дождь шел — как иголками в глаза тыкал. Подниматься мы могли только на тысячу футов — это высота Эмпайр-стейт-билдинг. В облако попадаешь — и не понимаешь, что облако, думаешь, просто туман. А шлемы! В дождь от них воняло скотобойней.

Критика от него увела настойчивая молодая женщина, только что написавшая рецензию на какую-то книгу; он вытер рот. В правом углу болталась длинная нитка слюны. Он чувствовал, как воняет изо рта. Значит, с желудком неладит. На столе с закусками он заметил вазу яблок. Яблоко, наверное, скрыло бы неприятный запах. Ваза стояла рядом с блюдом сырных сэндвичей, в конце стола, около кресла с пальто Женевиэвы. Только пальто уже не лежало на кресле. Оно было на Женевиэве. Она, наклонившись над вазой,

что-то шептала Готфриду. Он понял, что она хочет уйти раньше Готфрида, чтобы обмануть Кэтрин. Намечалось тайное свидание.

— Готфрид! — окликнул он сына.

Тот подошел.

— Ты домой собираешься?

— Еще нескоро, папа. Мы пригласили небольшой оркестр. Кэтрин решила, что нужно устроить танцы.

— Я говорю про потом. Ты потом куда?

— Домой. Домой, папа, куда ж еще в такое-то время? Кэтрин говорит, ты не хочешь с нами ехать. Говорит, ты опять рвешься в гостиницу.

— Так ты в мастерскую не поедешь?

— Ты про сегодняшний вечер?

— После танцев. Ты поедешь после танцев в свою мастерскую с кроватью?

— Пап, сегодня я вряд ли смогу работать. После всего этого. Да, а как тебе Макдугал?

— Он совершенно тебя не понимает, — сказал мистер Хенке. — Я с ним побеседовал, заметил?

— Нет, — сказал Готфрид.

— Я хочу сходить с тобой в мастерскую, — сообщил мистер Хенке.

— Вот новость! — ответил Готфрид. — Ты никогда не хотел смотреть мои работы.

— У тебя есть что-нибудь стоящее?

— Только не надо! — сказал Готфрид. — Если ищешь памятник — оглянись вокруг[17]. Тебе что, ни одна работа не понравилась?

— Я хочу посмотреть, что осталось в мастерской.

— Есть одна новая вещь, — сказал Готфрид. — Тебе правда интересно?

— Новая?

— Она готова только на четверть. Правый нижний угол. Я вроде как набрался храбрости поработать в цвете. Лазурь, втиснутая в переплетенные овалы и прямоугольники. Как небо, заключенное в ядро атома. Честно говоря, я многого от нее жду.

— Признайся, Готфрид, чьи это слова? — спросил отец.

— Какие слова?

— Про небо в атоме. Женевьевы? Женевьева так сказала? Очень умная дамочка. Умеет найти метафору. Я хочу посмотреть на это небо. Объясни Женевьеве, что я рад взглянуть на любое проявление твоей храбрости.

— Папа, прошу тебя, не заводись. Если хочешь, я позвоню тебе утром. Такая дикость, что ты не хочешь остановиться у нас.

— Нет уж. Твой дом меня совсем не привлекает. Ненавижу эти их высокие крылечки — это какое-то варварство. Хочу сегодня вечером посмотреть твою мастерскую.

— Сегодня?

— После танцев.

— Пап, это полный абсурд. Мы все устанем до смерти.

— Отлично. Сможем воспользоваться кроватью.

— Папа, не заводись! Я серьезно. Хоть сейчас не затевай ссору, прошу тебя.

— Я, когда был совсем молодым человеком тридцати семи лет, обращался к отцу уважительно.

— Черт возьми, ты хочешь все испортить! Ты действительно хочешь все испортить. Окончательно и бесповоротно. Ну почему? Ты долго держался, целый год, и вот пожалуйста, опять начинается.

— Полтора года, — сказал отец. — А тебе так и хочется назвать это новой вещью. Новая вещь!

— Тебе так нужно поссориться? Необходимо? Зачем тебе это?

— Бедняжка Кэтрин, — сказал себе под нос отец.

— Бедняжка Кэтрин? — переспросила возникшая за спиной Готфрида Женевьева. Она поела сэндвич с сыром, крошки налипли на пальто. Мистер Хенке разглядел рисунок — переплетенные светлые и темные овалы и прямоугольники. Они были развернуты в одну сторону, шли глубоким, до бесконечности пустым коридором, какой бывает, когда в зеркале отражается зеркало. Игра воображения превращала их в огромную бесконечно раздувающуюся самопорождающуюся квадратную колбасу.

— Он хочет рассориться, — сказал ей Готфрид.

— Глупый мальчишка! — Женевьева показала отцу художника кончик заляпанного сыром языка.

— Ты меня слышишь?

— Да, милый. Я и не подозревала, что нашему дорогуше все известно.

— Лгунья. И глазички такие невинные. Я же тебе говорил, что сказал ему. Пришлось сказать — он сам догадался.

— Я — доверенное лицо Готфрида, — сообщил мистер Хенке.

— И мое, — сказала Женевьева и обняла отца художника. Запах ржаных крошек у нее на подбородке — уже чуть оплывшем, с мягким валиком снизу — пробудил поток воспоминаний. Открылись внутренние ворота. Он вспомнил еще одно поле, гроздья цветущего тмина, желтую гриву травы, трепещущую на ветру. От прилива радости свело кишки — у него дома семена тмина принимали как ветрогонное. — «Чайлд Роланд к Темной башне пришел»^[18], — процитировала Женевьева, — и разрушил ее. Готфрид, я свидетельствую в пользу твоего отца. Он никогда не разрушал.

Мистер Хенке изумился.

— Я лгунья, — воскликнула Женевьева, — мне больше, чем Готфриду, нужен человек, которому я могу довериться. Папа Готфрида, позвольте, я расскажу вам о своей поразительной жизни в Индианаполисе, штат Индиана. Мой муж — образованный, успешный, лицензированный аудитор. Фамилия у него вполне предсказуемая — Левин. Запоминающаяся. Каган — тоже запоминающаяся фамилия, как и Рабинович или Роббинс, но у него фамилия Левин. Пример для молодежи. Постоянно жертвует на благотворительность. Член попечительского совета синагоги. А теперь, с вашего позволения, я расскажу про своих четырех дочерей — старшей нет и двенадцати. Одна совсем малышка. Другая ходит в детский сад. Но две старшие! Нора... Бонни... Лучшие ученицы, уже читают «Тома Сойера», «Маленьких женщин»^[19] и Британскую энциклопедию. Раз в месяц они выпускают семейную газету — печатают ее на старой «Смит-Короне»^[20] в подвале нашего домика в голландском колониальном стиле — в Индианаполисе, штат Индиана. Называется газета «Листок у мезузы» — ее вывешивают на входной двери. У всех четверых еврейские мозги.

— На тебя все смотрят, — раздраженно сказал Готфрид.

— Это потому, что на мне одна из твоих сытых картин. Мистер Хенке, известно ли вам: многое из того, что считается самым авангардным экспрессионизмом, позаимствовано с шелкографий, которые продаются в «Седьмой авеню»?^[21] Но я хочу еще кое в чем вам признаться. Папа Готфрида, вот еще признания. Сначала, позвольте, я себя опишу. Высокая. Никогда не ношу обувь на низком каблуке. Руки полные, бедра пышные. С головы до пят воспитательная женщина. Нос длинный и тонкий, как облатка. Производит впечатление одновременно ироничной и покладистой женщины. Зубы крупные, здоровые, крепкие. С полдюжины золотых коронок, оплаченных лицензированным аудитором Левиным. Замечательный муж. Теперь ваша очередь, мистер Хенке. Я разоблачилась перед вами. Так что по справедливости — ваша очередь. Ваш зять, фабрикант шампуней, о котором как-то упоминала Китти, — это тот, что живет в Кельне, это его дом разбомбили?

— Что вам от меня надо? — не выдержал мистер Хенке. — Почему вы так о себе говорите?

— Расскажите про него. Доверьте мне секреты шампуней. Из чего он их делал? Не теперь. Во время войны. Не той войны, над которой вы пролетали, а войны, которая началась потом. Он делал в Кельне шампуню, а вы в это время были американским патриотом-архитектором, башни строили, а не разрушали. Давайте побеседуем о шампуне вашего зятя. Какие там были секретные ингредиенты? Жир каких людей туда добавляли? Еврейское сало?

— Женевьева, прекрати! Будь добра, замолчи. Оставь моего отца в покое.

— Бедняжка Кэтрин, — сказала Женевьева. — Я только что с ней все обговорила. Сказала, что улетаю в полночь домой, а у тебя вдохновение и ты всю ночь проведешь в мастерской.

— Замолчи, хорошо?

— Хорошо, дорогой. Я буду ждать тебя, когда кукушка миссис Зибценхауэр прокукует дважды.

— Забудем про это. Не сегодня.

— А кто сказал, что не сегодня? Папочка Готфрида?

— Уверю, я против вас ничего не имею, — сказал мистер Хенке. — Я восхищаюсь вами, Женевьева. У меня абсолютно никаких предубеждений.

— Очень жаль, — сказала Женевьева. — У каждого мужчины должно быть хоть какое-нибудь предубеждение.

— Г-споди! Женевьева, оставь его в покое.

— Прощайте. Я возвращаюсь к Норе Левин, Бонни Левин, Андреа Левин, Селесте Левин и Эдварду К. Левину, проживающим в Индианаполисе, штат Индиана. Но прежде мне надо попрощаться с бедняжкой Кэтрин. Прощайте, мистер Хенке. Не переживайте за себя. А что до меня — я иронична и дружелюбна. Мои золотые коронки постукивают, как кастаньеты, изготовленные во франкистской Испании.

Груды мои — как два граната, как две голубки, слетевшие с горы Галаад[22], да? — Она поцеловала отца художника. — Его поджелудочная запечатлела поле, заросшее тмином. — У вас щетина как колючая проволока. И на щеке — борозды от танков генерала Роммеля[23].

Художник с отцом смотрели, как она, отряхивая крошки, идет от них прочь.

— Высшего качества женщина, — сказал мистер Хенке. Он чувствовал себя невероятно уверенно. Словно получил приказ и отказался его выполнять. — Высшая раса... Я всегда так считал. С очень развитым воображением. Говорят, Корбюзье[24] — тайный еврей, из марранов[25]. Потрясающая кожа, чудные ресницы. Эти женщины так и манят. А светловолосую вообще можно принять за одну из наших.

Сын промолчал.

— Готфрид, ты ей доволен?

Сын промолчал.

— Полагаю, доволен. Она с воображением. Могу представить, сколько удовольствия! Это же сверхсознание.

Сын все держался. Мистер Хенке страстно жаждал его слез раскаяния. Он же их наворожил. Но их не последовало.

Наконец он спросил:

— Она тобой командует?

— Никогда, — ответил Готфрид. — Никогда! Ты, папа, все разрушил. Гореть тебе, папа, в аду.

Отец художника, скрестив руки за спиной, наблюдал за рedeющей толпой гостей. У лестничного пролета Кэтрин в почти подвенечном платье благовоспитанно, как ее учили у мисс Джуитт, попрощалась с гостями. Крейтон Макдугал подмигнул, отдал честь и щелкнул, как юнкер, каблуками. Мозг отозвался удивительным образом — в голове загудел мотор самолета. И тут же открыл огонь саксофон.

— Папа, потанцуйте со мной! — обратилась к нему Кэтрин. — Нет-нет, вы слишком старомодны. Теперь даже дотрагиваться не принято. — Она показала ему, как надо двигаться: он и не подозревал в ней такого умения. — Мистеру Макдугалу пришлось уйти, но знаете, что он сказал? Что вы замечательная личность. Он сказал, — ее смех рассыпался осколками, — вы — настоящий отшельник, и если решите забраться на столб, просидите там тысячу лет.

Мистер Хенке повторял движения за партнершей и не дотрагивался до нее.

— Что-нибудь продали?

— Пока нет, но это же было только открытие. Да если и не продадим — дело-то не в этом. Главное — поддержать Готфрида. Вы представляете, папа, насколько в нашем мире важно, чтобы тебя заметили? Иначе думаешь, тебя и не существует. Вы просто не понимаете Готфрида. Нет, папа, в конце теперь никто не кланяется. Так уже не принято. Я про то, что Готфрид каждую свободную минуту отдает работе. Вы его очень обижаете, когда начинаете эти свои разговоры про Рокфеллера. Вы только подумайте, он собирается работать даже сегодня: прямо отсюда поедет в мастерскую.

— Вряд ли. Он, наверное, слишком устанет, — сказал отец художника.

— Он мне сам сказал, что хочет вечером поработать. Действительно хочет. И так оно, папа, и есть. Он не мне одной это говорил, а всем... — Из-за вазы с яблоками донесся крик. — Ой, что там такое с Женевьевой? — Кэтрин, как любопытный ребенок, помчалась туда.

Он задержался — представлял, что она поранилась. Воображение рисовало ее в крови, в крови. Он отошел в сторонку. Держался поодаль. Слушал ее голос — такой хриплый. Голос или скрипичные басы? Рыдания — прямо как плач на реках вавилонских. Для невинных это всегда ужасная трагедия. Но ее невинной не назовешь. Он подозревал, куда она ранена. Саксофон пулеметной очередью прошил ему кишки.

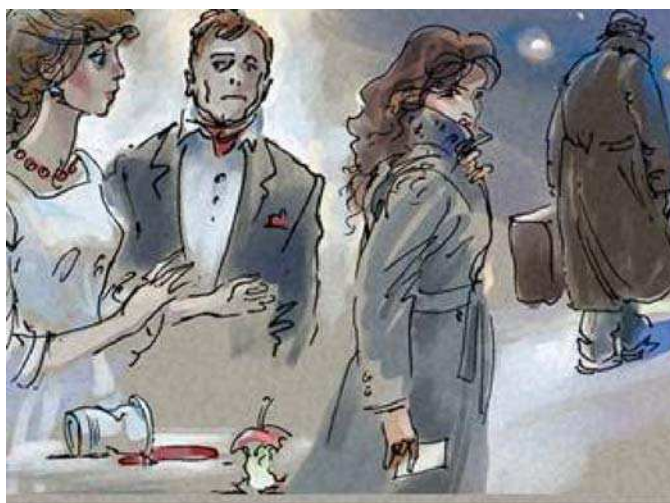
Снова подскочила Кэтрин.

— У Женевьевы украли кошелек! Она оставила его на кресле, просто положила сверху пальто, а там были сто долларов, водительские права, билет на самолет и еще куча всего. Здесь такие люди — и в голову не придет, что кто-то украдет...

Он изумился:

— Она поранилась? Поранилась?

— Да нет, она даже уйти не успела, только собиралась. Не то что на нее на улице напали, ограбили или еще что. То есть просто взяли, и все. Он там просто лежал, вот и взяли. Можете себе такое представить?. — Куда делась ее безукоризненность, от возбуждения она вся светилась; невестка ликовала. Она сияла, как ей и подобало, при ее-то богатстве: от неожиданного происшествия с ней проснулись черты хитроумных конокрадов, чей характер передался и ей. Мошенничество в себе не воспитать: она оказалась законной наследницей, и отец художника впервые почти гордился тем, что сын выбрал ее. Он наконец увидел то, что Готфрид разглядел сразу. Преступление ее воодушевляло, преступление ослабляло державшие ее нити ужасающей благовоспитанности. Преступление делало ее умной. Он по себе знал, как возбуждает опасность. Однажды он приземлился с наполовину отстреленным крылом; и потом героически заработанная рана казалась слаще любого любовного потрясения.

— Готфрид считает, что это кто-то из грузчиков, — сказала Кэтрин. И обхватила себя руками.

— Безусловно, грузчики, — согласился мистер Хенке. — Кроме них здесь никто бы на такое не пошел.

— А бармен?

— Бармен мог, — снова кивнул мистер Хенке.

— Нет, не бармен — бармен же здесь. Будь это он, мы бы поймали его с поличным. Вор всегда тут же исчезает.

— Тогда грузчики, — сказал мистер Хенке. — Вне всякого сомнения, грузчики.

— Папа, а вы знаете, что мне подумалось?

— Нет.

Кэтрин до блеска облизала губы.

— То, как этот странный тип торговался по поводу оплаты, когда мы его нанимали, — наверное, про критика не говорят «нанимали», но мы его именно что нанимали, — так вот, он решил, что мало получил, особенно когда узнал, что с уквэшной радиостанции В-К... не помню дальше... прислали двоих записать его выступление на магнитофон, а он сказал, что за это ему никаких отчислений не будет, и я вот думаю, — ее чудесный подрагивающий смех уже не рассыпался осколками, а накатывал волнами, — мистер Макдугал решил добрать свое любой ценой!

— Это были грузчики, — мягко поставил точку мистер Хенке.

— Да я просто шучу. Папа, вы всегда соглашаетесь с Готфридом — я хочу сказать, по существу. Не могу понять, почему вы спорите обо всем остальном.

— Женевьеве надо дать денег на дорогу домой.

— Она безумно расстроена, видели? Кто бы мог подумать, что она так огорчится? Говорит, муж ей вечно твердит, чтобы она не выпендривалась и возила с собой чеки...

— Скажите Готфриду, пусть даст ей денег, — посоветовал мистер Хенке.

— Ой, папа, лучше вы скажите. В важных вопросах он к моим словам вообще не прислушивается.

Он поискал Готфрида — тот ругался с барменом, который утверждал, что никого не видел и ничего не знает.

Женевьева покусывала перчатку.

— Готфрид, не скандаль с ним, кошелек все равно не вернуть. Глупость такая, и все из-за моего идиотизма. Эд меня убьет — не из-за денег, а, как говорится, из принципа. Ну, вы понимаете. Он считает, я несобранная, а он твердо верит, что за промахи приходится платить. В прошлом году я потеряла «бьюик», а за год до этого потеряла на парковке ребенка. Г-споди, как же я ненавижу людей с принципами. Испокон веков гонители — люди с принципами.

— Женевьева ко всему приплетает историю, — сказал мистер Хенке.

Она почему-то это проигнорировала, и он тотчас пожалел о своих словах.

— С судьбой не поспоришь, — хрипло сказала она. — Назад мне его не получить. Ну ладно, ладно: пропал — не вернешь.

— В жизни часто так бывает, — сказал мистер Хенке.

— Папа, тебе что-то нужно? — мрачно повернулся к нему Готфрид.

Бармен поспешил ускользнуть.

— Я хочу, чтобы ты дал Женевьеве денег.

— Денег?

— Учитывая обстоятельства. — Отец художника едва заметно оскалился.

— Денег? — повторил Готфрид.

— Женеьеве. Готфрид, это самое малое, что ты можешь сделать.

— Папа, я не даю Женеьеве денег.

Он заметил под носом у сына влажные складки. Юность не вечна даже в Америке.

— Готфрид, но ты должен это сделать. В этой жизни бесплатного ничего не бывает. — Его втайне порадовали горестные складки у бескровного рта Готфрида. Сын напоминал пятнистого симпатягупони, выплонувшего горькое сено. — Бесплатных полетов в Индианаполис, штат Индиана, тоже не бывает, — договорил он, захлебываясь смехом.

— Нет, вы только посмотрите! — сказала Женеьева. — Папа Готфрида хочет от меня избавиться. Ты был совершенно прав, Готфрид, он хочет от меня избавиться.

— Нет-нет, — возразил мистер Хенке. — Только от оркестра. Что за дикая музыка! Саксофоны просто пугают. Словно идешь один-одинешенек по лесу и вдруг слышишь оглушительный вой. Готфрид, может, отпустить музыкантов? Гостей, по-моему, уже не осталось.

— Демократия в действии, — объявила Женеьева: Кэтрин иступленно танцевала с барменом.

— Я теперь понимаю, как это делается, — сказал мистер Хенке. — Они двигаются, не касаясь друг друга. Прикосновения нынче не в моде. Кэтрин думает, что танцует с вором, да? Готфрид, дай Женеьеве денег.

— Кэтрин даст, — буркнул Готфрид и пошел — словно против сильного ветра — к жене.

— Когда он обижен, он всегда говорит чуть слышно, — заметил его отец. — Так он даст?

— Все так и так должно было скоро кончиться. Терпеть не могу свистопляску, — сказала Женеьева, глядя вслед Готфриду.

— Что за изумительное слово. Столько лет, а я еще не все слова узнал. Ах, вы такая исключительная женщина, вам, должно быть, самой надоел мой простодушный сын.

— Мне надоела Китти. Мне надоел Нью-Йорк.

— А искусство? Искусство тоже? — Он растерянно запнулся. — Сын мне так и не сказал, успех это или нет. Не говорит, понравилось ли это все.

— До чего ж обидно, — сказала Женеьева, — что я потеряла этот проклятый кошелек. Я уже получила от лицензированного аудитора последнее предупреждение. Дальше — только гильотина.

— Да что вы! — сказал мистер Хенке. — Воры и карманники встречаются где угодно.

— Дело не в деньгах, — мрачно сообщила Женеьева.

— Дорогая моя, пострадало ваше достоинство.

— Да, — согласилась Женеьева, — именно так.

— Присядьте, — сказал мистер Хенке и пододвинул к ней то самое кресло. На этом кресле недавно лежал украденный кошелек, а поверх него черно-белое пальто Женеьевы. Теперь кресло опустело. Женеьева нервно подобрала край пальто и села.

— Мой чемодан, — сказал мистер Хенке и переставил его к ее ногам.

— Что ж, вам повезло — могли и его украсть.

— Достоинство, — сказал мистер Хенке. — Достоинство прежде всего. Готов под этим подписаться. Люди часто трактуют поступки других по-своему. К примеру, мой сын уверен, что я приехал в Нью-Йорк исключительно по этому случаю — ну, понимаете, посмотреть галерею, посмотреть его картины. Понимающие люди знают: тайна скрыта, так? На самом деле завтра утром я сяду на корабль. Я, видите ли, отправляюсь в чудесное плавание.

— В Германию? — отрешенно спросила она. Она смотрела, как исчезают в лестничном пролете музыканты. Кэтрин, используя спину Готфрида как пюпитр, писала что-то. Ручка в ее пальцах дрожала нервно нацеленным кинжалом.

— Не в Германию. В Швецию. Обожаю Скандинавию. Восхитительные туманы. Зелень полей и лугов. Теперь только Скандинавия напоминает Германию, которую я знал в детстве. Германия уже не та. Повсюду фабрики, трубы.

— Только не говорите мне про немецкие трубы, — сказала Женевьева. — Я отлично знаю, какой дым идет из этих проклятых немецких труб.

Глаза его плакали, гортань плакала: она не была отрешенной, она была беспощадной.

— У меня не хватило духу сказать Готфриду, что я снова уезжаю. И вы не говорите, хорошо? Пусть думает, что я приехал специально ради него. Женевьева, вы понимаете, да? Пусть думает, что я приехал посмотреть его работы, а не просто заскочил по пути. Я нарочно прихватил с собой этот чемодан. Признаюсь, нарочно. В гостиничном номере меня ждут еще четыре чемодана.

— Держу пари, вы и про Швецию нарочно сказали. Держу пари, вы едете в Германию, а почему бы и нет? Не вижу в этом ничего плохого — что бы вам не поехать в Германию?

— Не в Германию, а в Швецию. Шведы в войну ничего плохого не делали, а сколько евреев они спасли! Клянусь, не в Германию. Клянусь, это грузчики.

— Наверное, это был один из грузчиков, — устало согласилась Женевьева.

— По логике, скорее всего, грузчики. Уверен! Вот, Женевьева, посмотрите, я вам покажу, — сказал он, — вы только взгляните... — Он повернул ключик и так энергично распахнул чемодан, что петли чуть не выскочили. — Вы смотрите, смотрите везде, здесь только мои вещи, вот рубашки — не все, в других чемоданах, в гостинице, еще полно, а здесь, прошу прощения, в основном новое исподнее. Одни носки, видите? Носки, опять носки, трусы, трусы, все новое, я люблю в дорогу брать все новое и чистое, майка, еще майка, крем для бритья, бритва, дезодорант, снова белье, зубная паста, видите, Женевьева? Уверен, это был один из грузчиков, что вполне логично. Право, я совершенно уверен, Женевьева, — сказал мистер Хенке, запуская руку в стопку новых трусов, — сами взгляните...

В поле его зрения вклинилась Кэтрин в белом платье (жена художника была в белом): она висела марионеткой у кулис сцены, обозначенной его взглядом.

— Женевьева, право слово, Готфрид порой такой странный, у него в бумажнике полно денег, а он все равно заставил меня выписать тебе чек — прямо настоял. Г-споди, у него же своя чековая книжка. Джен, ты еще успеваешь на самолет в двенадцать? Потому что, знаешь, если ты не успеваешь, вполне можешь переночевать у нас, комната чудесная, все готово, папа все равно не остается...

— Нет-нет, — вскочила Женевьева. — Ночевать я ни за что не буду!

Она схватила чек и помчалась вниз по длинной лестнице. Переплетенные прямоугольники и овалы слились в одно серое пятно. Тончайшими фибрами души — веру в нее он унаследовал от предков — отец художника чувствовал, как сгорает в пене цветущего тмина, лютиков, в сиянии желтизны, и конская грива мельтешит перед глазами, и хочется, чтобы конь скакал быстрее, еще быстрее.

— Б-же ты мой! — воскликнула Кэтрин. — Почему это ваш чемодан открыт и все вверх дном? Папа, у вас тоже что-то украли? — спросила она самым благовоспитанным, рафинированным,

чревоушательным голосом. — Каких злодеев мы, того не подозревая, здесь приютили! — сказала она совсем как Женеви́ева.

Í adaaíá ñ aí æeéneíá Áadú Í dídreíáíé

- [1]. *В основном самолеты-истребители.*
- [2]. *Быстрее (нем.).*
- [3]. *Часы с кукушкой изобрели в Германии, в Шварцвальде («Черный лес»), отсюда и название фирмы.*
- [4]. *Дух времени (нем.).*
- [5]. *«Партизан ревью» — американский литературно-политический ежеквартальный журнал левой ориентации.*
- [6]. *Карл Густав Юнг (1875–1961) — швейцарский психолог и психиатр, основатель «аналитической психологии».*
- [7]. *Адольф Эйхман (1906–1962) заведовал отделом гестапо, отвечавшим за «окончательное решение еврейского вопроса».*
- [8]. *«Бог Аполлон», «Два рыцаря», «Царь Давид» (нем.) — стихотворения Генриха Гейне.*
- [9]. *Милостивая госпожа (нем.).*
- [10]. *«Минна фон Барнхельм» — комедия немецкого писателя Готхольда Эфраима Лессинга (1729–1781).*
- [11]. *Смит — частный женский университет в Нортхэмптоне, штат Массачусетс.*
- [12]. *С отличием (лат.).*
- [13]. *«Фи-Бета-Каппа» — привилегированное общество студентов и выпускников университетов.*
- [14]. *«Моби Дик, или Белый кит» (1851) — роман Германа Мелвилла. Белый кит для одних героев романа — воплощение мирового зла, для других — символическое обозначение Вселенной.*
- [15]. *«Румплер-таубе» — немецкий самолет-разведчик.*
- [16]. *«Пайпер-клуб» — американский легкий самолет сороковых годов XX века.*
- [17]. *Эта фраза, но по латыни (Si monumentum requiris, circumspice!) написана на могильной плите Кристофера Рена (1632–1723), архитектора, построившего собор Св. Павла, в котором он и похоронен.*
- [18]. *Стихотворение Роберта Браунинга. Название (оно же последняя строка) — цитата из «Короля Лира» У. Шекспира (акт 3, сцена 4), реплика Эдгара, произносящего под видом Тома из Бедлама набор бессмысленных фраз. Шекспир ссылается на сказку «Чайлд Роланд», Браунинг же утверждал, что его стихотворение к сказке отношения не имеет и сюжет о рыцаре, скачущем на приступ Темной башни, пришел ему во сне.*

[19]. *«Маленькие женщины» — роман американской писательницы Луизы Мэй Олкотт (1832—1888). Основан на детских воспоминаниях писательницы, считается классическим чтением для девочек.*

[20]. *«Смит-Корона» — американская марка пишущей машинки.*

[21]. *«Седьмая авеню» — магазин предметов интерьера.*

[22]. *Галаад — гора, при которой Яков и Лаван воздвигли холм из камней в знак своего мирного союза. В реплике используются художественные образы из Песни Песней.*

[23]. *Эрвин Роммель (1891—1944) — немецкий военный деятель. С 1942 года — генерал-фельдмаршал. Его танковая дивизия воевала в Ливии, затем во Франции.*

[24]. *Ле Корбюзье (наст. имя Шарль Эдуар Жаннере-Гри; 1887—1965) — всемирно известный французский архитектор швейцарского происхождения.*

[25]. *Марраны — так христианское население Испании и Португалии называло евреев, принявших христианство. Некоторые марраны продолжали тайно исповедовать иудаизм.*

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2011 ХЕШВАН 5772 – 11(235)

ИНАКОВОСТЬ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ: ПОПЫТКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

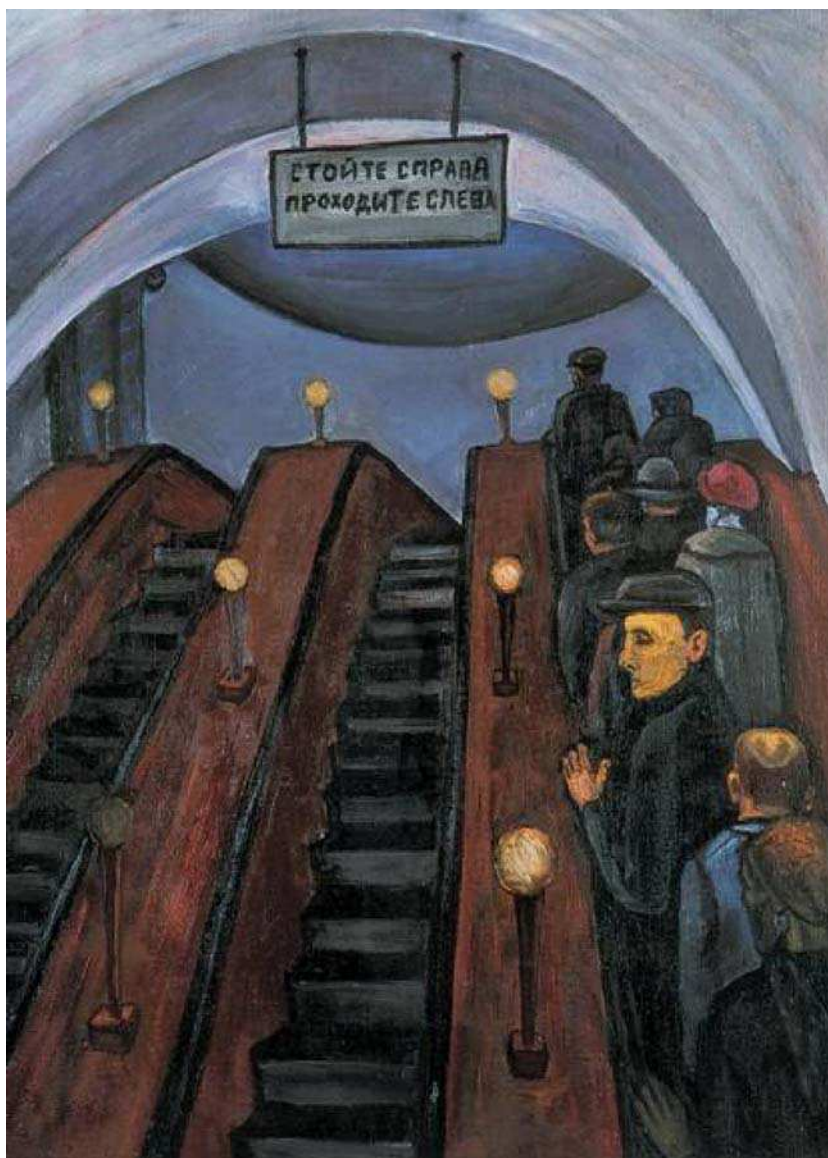
לְעֵתֵנוּ לְעֵתֵנוּ אֲדִיָּא

Симптоматично, что сегодня в центре исторической и художественной рефлексии оказываются 1970–1980-е годы. Совсем недалекое советское прошлое становится историей — но историей, актуальной для дня нынешнего. Типология, особенности современного взгляда на мир, характер чаяний и разочарований выводятся именно из этой эпохи. Причем 1970–1980-е подвергаются показательному и довольно специфическому анализу. Осмысляются не политика, социальная структура, экономика или идеология Советского Союза той поры. Речь идет в первую очередь об осмыслении интеллигентского сознания и даже шире — о попытке описания ментальности, мировоззрения интеллигенции периода застоя. Это мировоззрение, система оценок и ценностей априори рассматриваются как не советские, то есть другие, иначе по отношению к официальной советской идеологии. Как частный случай в инакомыслие входит диссидентство, то есть более или менее активное противостояние советскому режиму.

Речь идет не о философском осмыслении. Философия сегодня находится на нулевом уровне. Ее роль взяла на себя публицистика (публицистическая эссеистика). Но она, к сожалению, попала в плен идеологических или герменевтических штампов, не способна к самостоятельному творчеству, задушена академизмом или новомодными дискурсивными шаблонами. И поэтому груз первоначального историософского осмысления берет на себя беллетристика. Что, впрочем, для России не новость.

По меньшей мере четыре произведения, так или иначе связанные с обозначенной темой, вышли за последнее время: «Зеленый шатер» Людмилы Улицкой, «ВИТЧ» Всеволода Бенигсена, «Игра в ящик» Сергея Солоуха и буквально только что опубликованная «Жена декабриста» Марины Аромштам. В каждом из романов диссидентство, инакомыслие — доминирующий мотив, как и непосредственно связанный с диссидентской проблематикой еврейский активизм. После памятных процессов конца 1940-х — начала 1950-х годов именно в 1970–1980-х годах еврейский вопрос вновь обретает актуальность. Знаменитый «пятый пункт» и «мягкие» репрессивные меры со стороны государства, начало эмиграции в Израиль,

уравнивание диссидентской и национальной инаковости — все это приметы последних лет советского режима. Разумеется, в той или иной мере о них идет речь во всех четырех романах.

Ἰ εὐαεῖ Δῖαί ἦεε.

Ἰ ἀὸδῖ (ὀδῶν αἰὸ). 1982 ἄᾶ

Симптоматично, что к одной и той же (разумеется, с оговорками) теме обратились писатели, существенно друг от друга отличающиеся по стилю, поэтике, эстетике, по возрасту, наконец. Попросту говоря, различий между ними гораздо больше, нежели сходств. Но различия в данном случае и показательны.

Людмила Улицкая в романе «Зеленый шатер» (см.: Лехаим. 2011. № 5) пересказывает узнаваемые истории о диссидентах, вписанные в семейную хронику, даже хроники. Диссидентство здесь погружено в быт. Это старое советское письмо, позднесоветская проза об интеллигенции, но с акцентом на инакомыслие. Или, скажем так, свидетельство о том, что было, изложенное языком литературы того времени. Я не вижу существенной разницы между последним романом Улицкой и ее же рассказами о бедных родственниках. Все тот же язык, все тот же стиль, все те же семейные драмы — сентиментальные, трогательные, но не более того. Каноническая, то есть средняя, диссидентская литература застойных лет.

«Зеленый шатер» подчеркнуто ретроспективен. Прошлое у Улицкой вырастает из еще более далекого прошлого (уже относительно осмысленного). То есть 1970–1980-е оказываются непосредственно связаны с послевоенной эпохой. Примечательно, что как раз этот период лучше всего прописан. А вот часть

романа, посвященная брежневским годам, рассыпается, лишается романной целостности, распадается на куски.

У Марины Аромштам историческая ретроспекция сдвинута на шаг. Довоенное и послевоенное время здесь — лишь предыстория, необходимые пояснения. Кстати, и роман по сравнению с «Зеленым шатром» менее масштабен. Вместо истории нескольких семей и, как следствие, сложных переплетений судеб героев — мир одной семьи, судьба героини и любовная драма как центральный момент повествования.

Тема диссидентства закономерно вырастает из общего хода семейной хроники. Это просто знак времени. Были сталинские времена, репрессии и война, затем шестидесятые с романтикой походов и геологических экспедиций, потом брежневское время. Инакомыслие появляется как противостояние советской школе, официальной лжи. Востребованным становится то, что неофициально, то, что запрещено. Другие люди, другие тексты входят в жизнь главной героини, заполняют уже оформленные, от предыдущих поколений заимствованные ментальные ячейки. Одна из таких устойчивых форм — миф о декабристах, о социальном служении. Но затем и это время проходит. Наступает современность, в которой инакомыслие не более чем одна из примет прошлого, а для настоящего гораздо важнее оказываются человеческие, семейные отношения.

Всеволод Бенигсен в романе «ВИТЧ» предпринимает попытку культурологического осмысления брежневского времени. Здесь на первый план выступает не быт, а содержание инакомыслия как такового. Поэтому и роман откровенно аллегоричен. В центре сюжета — история ЗАТО Привольск-218. В Привольск-218, где находятся институт и завод по переработке отходов химического производства, свозят диссидентов. Город становится полигоном для эксперимента КГБ: диссидентов изолируют, но предоставляют им полную свободу творчества.

Бенигсен идет по пути художественного моделирования — придумывает ситуацию и смотрит, что из этого получится. По версии прозаика, советскость — это прежде всего серость, подмена творчества чем-то иным. Советскость выражается в пренебрежении культурой, в том, что посредственность, творческая неполноценность возведена в культ. И вина за это во многом лежит на так называемых «инакомыслящих». Социальный протест они поставили выше собственно творчества, то есть творчество свели к протесту. Так зарождается болезнь — ВИТЧ (вирус иммунодефицита творческого человека). Этот социальный недуг состоит в том, что талантливые люди начинают сознательно служить серости.

Неудивительно, что Бенигсен оказался в центре недавней оживленной полемики. Литературный обозреватель «Коммерсанта» Анна Наринская обвинила писателя в сознательном очернении диссидентов, что стало поводом для обсуждения на портале OpenSpace. Но, с моей точки зрения, любопытнее другое. Проблема, которая обретает актуальность сегодня: насколько диссидентство, инакомыслие — это советское явление и в чем эта советскость состоит? Это первое. И второе — проблема собственно художественного письма, выбора языка (наррации, дискурса, поэтики — как хотите) для описания позднесоветской эпохи. Улицкая и Аромштам просто честно используют привычный язык социально-бытового (или социально-психологического) романа. Бенигсен пытается идти по другому пути (особенности его поэтики подробно разобраны Марком Липовецким в статье на том же OpenSpace) — по пути художественно-философского дискурса, уже хорошо освоенного Пелевиным, и нестандартного сюжетного построения. Но пока, несмотря на апологетику в романе художественности в противовес социальности и идеологии, торжествует именно старое доброе идеологическое письмо.

И если уж говорить о письме, то наиболее привлекательным в ряду названных выглядит роман Сергея Солоуха «Игра в ящик». Это не первое его произведение о 1970–1980-х, Солоух вообще едва ли не единственный в современной российской словесности, кто нашел язык для описания того времени. Собственно этим, то есть стилистикой, неожиданным строем повествования, ритмизованной нарративной обращал на себя внимание его роман «Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева» — история любви двух школьников из города Южносибирска, история противостояния тягучему советскому быту. И вроде речь не идет о диссидентстве как таковом — инаким выступает само письмо, противоречат советскости сами характеры героев. Позже Солоух, видимо несколько задетый упреками в излишней сложности, переписал, упростил роман. И зря — вторая редакция книги, вышедшая под названием «Самая мерзкая часть тела», явно беднее первой.

В романе «Игра в ящик» мир типологически тот же самый, что и в «Клубе одиноких сердец унтера Пришибеева», только действие перенесено из Сибири в Подмоскovie и Москву (герои — сотрудники «ящика», закрытого академического института). Диссидентство, подспудное противостояние официозу, чтение запрещенной литературы — центральные мотивы. В романе даже приведены стилизованные тексты антисоветских (самиздатовских, неподцензурных) произведений. Но главное не в этом. Советское зло у Солоуха имеет не политический, а, так сказать, человеческий извод. Откуда и как оно появилось — Солоух не пишет, не хочет писать. Он не разбирается в истоках советскости. Он берет как бы застывшие советские формы жизни, приметы и реалии скучной и убогой повседневности. Но серость и убогость (идет ли речь о как будто существующем вне истории, то есть прочно запертом в советском времени городе Южносибирске или о подмосковном городе-спутнике) расцветена ностальгической романтикой. Это романтика юности, простых человеческих надежд, романтика какой-то многообещающей красоты. И вот это юное, нежное, рвущееся к жизни, привлекательное, очаровывающее имеет у Солоуха женский облик: Лера в романе «Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева» или Оля Прохорова из «Игры в ящик». Это Анима. Нечто неподвластное социальной, политической, бытовой коррозии, а потому уже по определению не советское, антисоветское. Это с одной стороны. А с другой — Солоух изображает бывшее и несбывшееся, так и оставшееся невоплощенным. Ту энергию 1970–1980-х годов, которая без остатка растворилась в истории, так и не принеся никаких результатов. Романтизм ушел, герои постарели, «ящики» закрылись, и само выражение «игра в ящик» лишилось каламбурной составляющей, то есть застыло в своем мрачно-юмористическом, но вполне однозначном метафорическом смысле. Умерла не эпоха или не только эпоха.

Заколоченными в ящик оказались надежды хоть на какое-то изменение советского модуса. Обстановка переменилась, но суть осталась прежней.

Солоух как никто другой чувствует советское экзистенциальное пространство, потому что никак его не связывает с политикой, идеологией. Советский способ существования больше идеологии, то есть не описывается ею. Он с легкостью проявляет себя и в постидеологическом социуме. Поэтому столь пессимистичен финал романа. Страна по-прежнему заражена советскостью, и вряд ли что-нибудь можно здесь изменить. И кажется, единственный способ сохранить себя, уберечься от вируса советизма — вырваться из этого пространства

СЕРГЕЙ СОЛОУХ:

«ВСЕ ДЕТЕКТИВЫ И ТРИЛЛЕРЫ ДАВНЫМ-ДАВНО НАПИСАНЫ»

Беседу ведет Михаил Эдельштейн

Сергей Солоух возник в русской прозе в 1993 году, когда в журнале «Волга» был напечатан его роман «Шизгара» — едва ли не единственное подлинно эпическое произведение в литературе 1990-х, один из лучших памятников поколению, которому западные рок-хиты заменили и государственный гимн, и фольклор. Затем последовали романы «Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева» и «Самая мерзкая часть тела», циклы рассказов «Картинки» и «Естественные науки», биография американского музыканта Фрэнка Заппы... В этом году новый роман Солоуха, «Игра в ящик», вошел в шорт-лист самой престижной российской литературной премии «Большая книга».

Надпись под фотографией

И *Е* «Игра в ящик» резко выделяется по манере письма на фоне соседей по шорт-листу, да, пожалуй, и вообще на фоне текущей, трехаккордной по преимуществу, отечественной прозы. Есть какая-то линия в современной русской литературе, которую ты считаешь своей?

Н Да, есть. Это Александр Чудаков, Игорь Клех, Анатолий Гаврилов — из тех, кто начал публиковаться одновременно со мной, из новой волны мне очень симпатичен Дмитрий Данилов. Мне нравились самые ранние вещи Андрея Геласимова — «Нежный возраст», «Фокс Малдер похож на свинью»...

И Какой-то стилистической разницей, нет?

Н Потому что дело не в стиле или количестве аккордов, как ты выразился. Здесь общность более глубокая, концептуальная. Все эти авторы — противники беллетристики в том смысле, в каком ее понимал, например, Юрий Карлович Олеша. То есть выдумки — со всеми возможными приставками за- и при-, задумки и придумки. В творчестве всех перечисленных я вижу общий принцип, единственный мне близкий: сначала самому пережить, а потом честно претворить в художественный текст. Этот принцип и, главное, вытекающее из него обязательное душевное усилие при письме объединяет всех мне близких и интересных прозаиков вообще, таких несовместимых по общепринятой классификации, как Ивлин Во, Луи Селин, Ярослав Гашек, Осип Мандельштам или Варлам Шаламов.

Что же до стилистов, то сейчас есть много великолепных мастеров, Владимир Маканин, к примеру. Но он идет, по крайней мере в нынешних его текстах, от воображаемого, концептуального, а не от непосредственного переживания и соучастия. Это мне неинтересно, будь то бездарный маркиз де Сад или виртуозный Набоков с его «Лолитой».

И Селина в списке привязанностей до сих пор, как правило, упоминают с оговорками. Его репутация тебя не смущает?

Н На самом деле у этой темы два аспекта. Первый, слегка поднадоевший, очевиден. Почему-то жизненный цинизм и аморальность Пушкина, сектантство и тягостное начетничество Толстого, дикое

мракобесие Достоевского никого не принуждают их безусловно гениальное творчество принимать с оговорками. А вот вокруг комического, если не идиотического расизма Селина нужно юлить. Поразительно, если иметь в виду, что доктринерством как у Толстого, так и у Достоевского наполнены художественные произведения, а у Селина в романах и намека нет на его презрение к какому-то этносу, кроме им самим же выдуманного бретонского. Страх есть, но это уже совсем другое и, безусловно, куда более важное следствие его репутации.

Человек, рожденный обывателем, воспитанный лавочниками, впитавший в кровь и плоть всю приземленность французского материалистического мироощущения, этого самого мелкого и безнадежного варианта материализма, нашел поразительный способ вызывать в себе душевную работу, страдать. Самым простым, вполне, кстати, ему понятным обывательским манером, пробуждая в соседях лютую, убийственную, неутолимую ненависть. Он буквально влез головой в петлю, чтобы создать свою великую и страшную послевоенную трилогию. А мог бы, ты только подумай, всю жизнь спокойно сидеть в наследном домике в курортном Сен-Мало и наслаждаться жизнью, пописывая, если отчего-то вдруг тянет поиграть в слова, какую-нибудь изящную беллетристику, красивые безделицы навроде «Король, дама, валет». Селин же предпочел буквальное самоубийство, самоубийство в рассрочку, и в этом смысле его трагическая репутация, бессознательное, но безошибочное писательское самопожертвование не оговорка требуют, а искреннего восхищения.

ИУ Действие «Игры в ящик» происходит в отраслевом НИИ, в книге довольно много подробных описаний диссертационных проблем героев, принципов работы первых советских ЭВМ и прочего в этом роде. Ты вряд ли мог не понимать, что многими твой роман будет воспринят как образчик советской производственной прозы, каким-то странным образом возникший в начале 2010-х. Не хотелось тебе «угольную» проблематику как-то подсократить, пустить пунктиром, чтобы понятнее стало, что роман не об этом?

ИИ Нет, не хотелось. Скорее наоборот. Мне бы хотелось, чтобы текст был как жизнь. Полный. Кому-то понятный здесь, а кому-то только тут. Или целиком и полностью, но лишь паре-тройке мне близких людей. А кому-то показался бы — и вполне законно — чушью собачей, непреодолимой и не воспринимаемой.

Образцом подобного подхода и взгляда на художественный текст для меня была и останется «Война и мир». Я не думаю, что роман Толстого и его общее восприятие страдают от того, что кто-то может определить «Войну и мир» как типичный образчик лейтенантской прозы.

Я вообще уверен, что хороший текст должен быть не без загадок и темных мест, западающих в память читателю и раскрывающихся лишь со временем. Неважно, к чему это относится, к работе перфоратора на советском ВЦ или к мотивам предательства героя.

ИУВ «Игре» бросается в глаза какое-то щегольское техническое совершенство — как там все зарифмовано, контрапункты построены, рамка, вставные повести. Тебе никогда не хотелось весь этот ремесленный арсенал конвертировать в коммерческий успех — сочинять детективы или триллеры?

ИИ Мне кажется, что отчасти я уже ответил на твой вопрос, когда касался имен, мне близких в литературе. Я не вижу смысла тратить время на повторение чего-либо, все сделанное должно быть уникальным, единственным и неповторимым, иначе нет оправдания потраченному времени. С этой точки зрения все детективы и триллеры, да и семейно-любовные хроники давным-давно написаны. А вот жизненный опыт каждого конкретного человека был и остается уникальным. Именно он требует душевного усилия на обработку тягостных и подчас невыносимых переживаний, а простая демонстрация ремесленной квалификации — нет. Но радость от письма и удовлетворение приносит только одно: душевное усилие, преодоление, как у гимнаста на брусьях.

А в рассуждении коммерции я очень рано и, наверное, счастливо сообразил, что душевные затраты имеют самый низкий выход в соотношении качество—цена, и научился, вполне сознательно, зарабатывать на жизнь вне литературного поля. Здесь мои скромные, но достаточные амбиции полностью удовлетворены.

ИУ Боря Катц в твоём романе — это отсылка к фельдкурату Отто Кацу, оммаж любимому тобой «Швейку»?

*ММ*Скорее оммаж «Протоколам сионских мудрецов». Меня всегда поражало, как мало на самом деле в той среде, которой приписывают авторство этого «документа» и в которой прошли мои детство и юность, людей, способных что-то связное изложить на бумаге или просто сделать нечто общественно значимое. Полезное или вредное. На одного сиониста со скрипкой и шахматами, по моим прикидкам, приходится одиннадцать тугих на ухо или слабовидящих без определенного вероисповедания и способностей. Впрочем, соотношение справедливое для любого другого народа или конфессии, авторство чего бы им ни приписывали, «Ура-Линды» или «Велесовой книги».

В общем, оммаж обыкновенному человеку. Главному.

*ИУ*Ты в своем «Живом Журнале» довольно давно комментируешь гашековский роман. Как появился замысел и что этот проект должен представлять собой «на выходе»?

*ММ*Думаю, замысел появился году в 1984-м, когда в двухэтажном букинисте напротив вино-водки в Столешниковом переулке я купил бракованный, с перепутанными тетрадками, но самый настоящий чешско-русский словарь. Или еще лет на десять раньше, когда я впервые узнал о существовании «горизонтальной радости», то есть открыл для себя правдинский двухтомник Гашека. Мне нравится эта книга, я люблю ее перечитывать, а комментирование — лучший способ удвоить и утроить количество необходимых и возможных проходов вдоль и поперек текста.

Ну а на выходе... Что может быть на выходе у писателя? Книга. Корпус полноценных комментариев, воссоздающий, я надеюсь, контекст, а иногда и смысл оригинала. Нечто такое, что, судя по активности моих читателей в «ЖЖ», может представлять интерес не только для одного меня. Отдельно взятого любителя Гашека и, как многие в моем поколении, несостоявшегося ученого, исследователя из академического института.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ÀÏ ÈÒÐÈÈ ÁÛÊÏÁ

ÏÑÒÐÏ ÒÏ ÏÁ, ÈÈÈ Ò×ÁÏ ÈÈ ×ÀÐÏÁÁ

Ï.: Ï ÐÏ ÇÀÈÈ, 2011. — 768 ñ

ÒÁÁ ÁÁÁÐÕ

Дмитрий Быков — проклятие премиальных жюри. Он выдает по роману раз в два года, а в промежутках пишет биографии, за которые, между прочим, тоже премиями награждают. То есть, если играть по-честному, то премиальным жюри надо отдать все премии на десять лет вперед Быкову и самораспуститься. Потому что Быков пишет не только больше всех, но и лучше всех. Соревноваться ему в современной русской прозе особо не с кем, вот он и соревнуется сам с собой. Поэтому так естественно звучит фраза: «“Остроров” лучше “ЖД”, но слабее “Орфографии”» и так смешно: «“Остроров”, конечно, посильнее “Орлеана”, но с “Черной обезьяной” не сравнить».

Есть еще, правда, очень хороший прозаик Михаил Шишкин, но он, во-первых, слишком уж другой, до полной несравнимости, а во-вторых, интервалы между книгами у него значительно больше. В этом сезоне, кстати, «Письмовник» Шишкина и быковский «Остроров» соседствуют в шорт-листе «Большой книги» — любопытно посмотреть, чем дело кончится. Предчувствую, что жюри им обоим предпочтет Сорокина с его метельной безделкой. Что, впрочем, еще далеко не худший вариант.

Так вот об «Остророве». «Остроров» — роман очень большой и очень честный. Большой не только в том смысле, что в нем чуть ли не 800 страниц. Это как раз следствие, а не причина. Просто в Быкове столько мыслей, эмоций, впечатлений, образов, что их достанет на пять, десять книг — а он втискивает в одну. Случайного замечания, вскользь брошенного слова, наспех проговоренной идеи иному писателю хватило бы на отдельный рассказ, а то и роман. Рачительные авторы, натурально, так и поступают — вон Ольга Славникова слепила из одного эпизода быковских «Списанных» целый роман «Легкая голова», расположившийся, кстати, в списке финалистов нынешней «Большой книги» бок о бок с «Остроровым».

Что до честности, то с ней еще проще. Быков верит в то, что пишет. А это, как ни странно, качество в современной русской прозе редкое до уникальности. Потому что типовой сегодняшний роман может быть написан лучше или хуже, но, едва открыв его, ты понимаешь, что это вранье — вранье от первого и до последнего слова. Не верит автор ни в персонажей своих, ни в мир, где они обитают, ни в идеи, которые высказывают. Оттого и получается даже не папье-маше, а просто жеваная промокашка. А Быков может заставлять персонажей совершать нелогичные поступки, говорить его, быковскими, словами, мыслить так, как не могли мыслить люди описываемой эпохи, — но он любит своих героев, верит в них, они ему нужны, поэтому они живые.

И еще: в романе Быкова очень много тоски. Тоска, если она подлинная тоска, а не романтический суррогат, — самое высокое из человеческих чувств, писать ее чрезвычайно сложно, гораздо сложнее, чем любовь, скажем. Быкову удается. Лучшая, пожалуй, быковская книга, «Эвакуатор», была в чистом виде романом о тоске, там просто ничего больше не было.

Несколько лет назад Быков напечатал (кажется, в «Известиях») эссе про Черубину де Габриак и Серебряный век — из лучших быковских эссе и, рискну сказать, из лучшего, что вообще написано о Серебряном веке. Была эпоха, поверхностная и глубокая одновременно, люди ценили мишуру и играли в куклы, но из этой мишуры, как ни странно, выросло настоящее искусство и настоящее знание. А потом пришли злые люди и наступили на кукол — и на игравших в них — кованым сапогом. И все эти игры получили дополнительное трагическое измерение и осветились другим светом.

Теперь Быков написал роман про этих строителей кукольных домиков. И про других людей, единственная радость которых состояла в том, чтобы изживать свои комплексы — неважно, где заработанные: в паровозном депо, как у следователя Денисова, или в черте оседлости, как у гэнэушника Гольдштейна или журналиста Кугельского, — топча недоступных и потому ненавистных кукол.

Во всей этой истории автор, кажется, хочет видеть параллель с нашим временем — была, мол, цветущая сложность, потом случилась кровавая революция, а после нее наступило тотальное упрощение и столь же тотальное расчеловечивание. Увы и ах, если в отношении России начала века эта схема работает, то Советский Союз был не цветущей сложностью, а большой выгребной ямой, да к тому же пополам с кровью. Пропорции дерьма и крови могли меняться, в иные эпохи первого становилось побольше, второго поменьше, но суть оставалась прежней.

Но это неважно, потому что тоска не только самое высокое из человеческих чувств, но и самое внеидеологичное и вневременное. Автор называет свой роман пособием по левитации, но при этом оставляет нас в неведении, научился ли герой летать или же просто сошел с ума и ему все примерещилось. Но читателю нужно верить, что все произошло на самом деле и Даня запросто парит на уровне верхних этажей петроградских зданий. Потому что в любую эпоху слишком страшно жить в мире, из которого нельзя вышагнуть вверх, где невозможно взлететь, а можно только свихнуться.

Ī ēōāēē Yāāēēōōāēī

ÄÏ ÈÒÐÈÈ ÁÛËÎÁ

Î ÑÒÐÎ ÒÎ ÎÁ, èèè Ò:áíèè ÷àðíääÿ

Î.: Î ÐÎ ÇÀèÈ, 2011. — 768 ñ

ÈÕÁÀ ÓÁÕÀÈ ÆÐÁÕ

Дмитрий Быков несомненно талантлив, эрудирован, остроумен и амбициозен. Даже тот из читателей, кому совсем не близка романистика Быкова, вынужден признать, что в последнем его романе есть немало сильных и ярких эпизодов (чего стоит, например, сцена допроса Пестеревой, сводящей следователя с ума, или жутковатое описание медленного распада на атомы садиста Капитонова). Впечатляет и авторский замысел: любовно проработать непредсказуемое чудо из мусора и хлама, показать, сколь прихотливым путем невозможный росток иного может все-таки пробиться сквозь бетон пошлости. По Быкову, есть области, в которых математика причин и следствий не действует и однажды может выстрелить даже пластилиновый муляж ружья. Гуру-самозванец, фитюлька, ноль без палочки способствует — сам того не желая — процессу кристаллизации по-настоящему гениальной природы. Даня Галицкий, подлинный подмастерье фальшивого мастера, к финалу обретает знания и умения, о которых его наставник даже не помышляет...

Проблема, однако, в том, что быковский роман называется не «Галицкий», а «Остромов». Сколько бы Быков ни утверждал, будто все авантюристы типологически близки, своего заглавного персонажа он вполне сознательно лепит не столько с исторического прототипа, Бориса Астромова-Кириченко, сколько с ильф-и-петровского образца. Прямых совпадений множество. Подобно Остапу, не имевшему фундаментальных знаний (если, конечно, не считать восемь латинских слов, зазубренных в третьем классе частной гимназии Илиади), Остромов знает «двадцать слов на разных языках и четыре фокуса». Даже само явление Остромова своей пастве вкупе с обещанием оккультных спецэффектов рифмуется с бендеровской цирковой программой бомбейского жреца Марусидзе — включая явление курочки-невидимки и материализацию духов. В одной из сцен мелькает вдруг и персональная тень Бендера: как бы проходя Остромов сообщает, что лично «знал Остапа Ибрагимовича», и упоминает Майю Лазаревну (очевидный отсыл к Майе Каганской, автору — вместе с Зеэвом Бар-Селлой — книги «Мастер Гамбс и Маргарита»).

Есть, однако, важный нюанс: авантюрист в качестве главного героя может держать читательское внимание, если и сам он, и его кунштюки вызывают чувство, отличное от отвращения. Ильф и Петров своему Остапу откровенно симпатизируют. Быкову же его персонаж явно неприятен, и неприятен эта, как вирус гриппа в плотно набитом трамвайном вагоне, передается читателю. Бендер корыстен, но как-то весело, легко и непрактично, зато Остромов, словно паук, подсчитывает барыши. Бендер иронизирует над своей командой, но при этом способен испытывать к подопечным едва ли не родственные чувства. А Остромов постоянно симулирует симпатию к ученикам, но всех (и особенно Галицкого) и в грош не ставит и закладывает без малейших терзаний. Ильф и Петров делают героя славянско-еврейско-тюркской

амальгамой, подлинным человеком мира, для которого само понятие ксенофобии бессмысленно; Остронову же присущ потаенный антисемитизм, то и дело всплывающий в его внутренних монологах.

Едва ли изначально Быков, демонстрируя бендеровскую «букву», задался целью вытравить бендеровский дух. Напротив, романист, ощущая неладное, старается, насколько возможно, редуцировать свою антипатию. Для этого рядом с Остроновым помещается совсем уж беспримесный поддон, смакующий свою подлость бомжеватый Одинокий. Но читатель, даже различая оттенки темного, вряд ли проникнется симпатией к меньшему из зол. К тому же в финале, когда Галицкий встретит своего расчеловеченного гуру на пензенском базаре, никаких оттенков уже не будет. Оба «О» сольются в одно, образовав беспросветную черную дыру...

«Непопадание» в главного героя — существенная, но далеко не единственная беда «Остромова». Почти каждый отдельно взятый абзац романа безупречен, но вместе они обращают книгу в трудноусваиваемый кисель, где тонут персонажи и намертво буксует фабула. «Слишком много деталей, и все они, как на подбор, страшные тем особенным страхом, когда нечем связать их воедино» — эта цитата из книги применима и к ней самой. Быков, относящийся к своей поэтической музе со здоровым профессиональным прагматизмом, порой переходящим в легкий цинизм (что позволяет километрами производить зазорные стишки-однодневки «на случай»), испытывает перед романной формой нечто вроде мистического трепета. Тут ему все одинаково важно, так что главное и второ- и третьестепенное получает в книге равные права. Авторская душа, отделившись от тела по методу Галицкого-Кастанеды, зависает над текстом романа, бдительно контролируя, не мигрирует ли заявленная автором Великая Русская Литература куда-то в сторону беллетристики. И если вдруг романист замечает драйв, он старательно топит его в киселе...

Валентин Катаев, стоявший у истоков романа «Двенадцать стульев», как известно, предложил авторам простую беллетристическую конструкцию: поиски сокровищ, призванные стать стержнем, на который нанизываются приключения. Но для Литературы Идей это, извините, мелко и несерьезно. На меньшее, чем поиски смысла жизни, лауреат премии «Большая книга» Дмитрий Львович Быков не согласен. Вот он ищет его, ищет, ищет — 768 страниц без передышки. И никто не заорет страшным голосом: «Куда ты девал сокровища убиенной тобою тещи?!» Ведь никаких сокровищ тут нет: сметой не предусмотрены.

Di ài Adiaòì ài

Ϊ ΔΑΪ ΑΔΑ ΔΕ ΑΪ Ε Α ΑΑ Ε Ν Ο Α Ε Ο Α Ε Ϊ Ϊ Ι Ν Ο Ε

Α Α Ϊ Ε Ε Α Α Α Α Ϊ Α Ϊ Α

Проза Юрия Буйды всегда находится на грани реального и ирреального; «поэтика смещений», преобразования знакомого вроде бы ландшафта в некий параллельный мир становится здесь стилеобразующей. Вот и в новом романе, «Синяя кровь» (Знамя. 2011. № 3), писатель претворяет захолустный городок Чудов в пространство, подобное тем мирам, что описывали Агрон или Маркес.

В списке отечественных фантастических (или же магических) реалистов Буйда занимает далеко не последнее место. Секрет писателя, однако, в том, что его «реальная нереальность» имеет совершенно реалистическую, да что там — документальную основу, только основа эта трансформирована самым замысловатым образом.

Повествователь «Синей крови» — чудовский школьный учитель и племянник главной героини, великой актрисы Иды Змойро, — живописует одновременно эмпирическую и мифологическую, полную гротескных фигур историю города. С одной стороны — основатели Чудова, брабантские братья-палачи, привезшие с собой Спящую красавицу; капитан Леонтий Холупьев, владелец парохода «Хайдарабад», ловящий зубами летящие пули; отец главной героини Александр Змойро, командир Первого красногвардейского батальона имени Иисуса Христа Назореянина, Царя Иудейского, «состоявшего из отбросов общества — горбунов, конокрадов, хромых, рыжих, сифилитиков, воров, евреев, гермафродитов, убийц, гомосексуалистов, карликов, студентов, алкоголиков, проституток и дегенератов» (само это саркастическое перечисление характерно для барочного стиля Буйды), — все эти хтонические существа, образующие чудовский мифопоэтический каркас. Здесь же — горняя мифология, ритуал отпускания голубки маленькой девочкой во время похорон...

С другой — реалии следуют за реалиями, дореволюционный быт, Гражданская война, сталинское, позднесоветское и новейшее время явлены в своих обыденных и узнаваемых проявлениях. Просто проявления эти срастаются с мифологическим пространством города с говорящим названием Чудов.

Или вот Ида Змойро, женщина фантазмагорической судьбы, обладающая всеми признаками мифоперсонажа (включая явственно значимое родимое пятно или столь же значимую перемену имени — в честь Иды Рубинштейн с серовского портрета, вопреки уговорам матери: «Да посмотри на нее, это ж еврейка и щепка... это же елки-палки, а не женщина... а ты — ты роза...»). Но путем наведения нехитрых справок всякий читатель может выяснить, что за фигурой Иды стоит вполне реальный прототип — советская актриса Валентина Ивановна Караваева (1921–1997). Поразительные события жизни Иды в немалой степени отражают биографию Караваевой: главная роль в фильме Юлия Райзмана «Машенька» и Сталинская премия II степени за 1943 год, автомобильная авария во время съемок другого райзмановского фильма, изуродовавшая актрису, брак с английским дипломатом, отъезд на Запад и возвращение в Союз после неудачной пластической операции, отсутствие работы (за исключением кинодубляжа), многолетние одинокие съемки самой себя во всех мыслимых ролях...

Но у Буйды не документальный роман: неважно даже, что абсолютно одинокая Караваева скончалась в Москве, а Ида погибла в Чудове, сыграв свою вершинную роль и попутно разоблачив чудовищного убийцу (а родилась Караваева в Вышнем Волочке, с которым, впрочем, Чудов не стоит отождествлять). Мало ли допущений в романе: так, знаменитая актриса Серафима Бирман, конечно же, не была в ссылке и не кончала с собой по возвращении из нее и т. п. Важно другое — возможность извлечь из обыденного бытия его изнаночные смыслы, продемонстрировать тотальную фантазмагоричность, кроющуюся в простом провинциальном городке.

Не случайно в этом смысле и заглавие романа: «Горячая красная кровь кружит голову, порождает образы и идеи, а иногда доводит до безумия. Синяя же кровь — это выдержка, это расчет, это мастерство, это то, что заставляет художника критически взглянуть на его создание, убрать лишнее и добавить необходимое. Синяя кровь — это то, что дает художнику власть над зрителем или читателем». Предъявляя в открытую концептуальное ядро романа, Буйда, однако, вполне сознательно недоговаривает, что творчество, художество здесь оказываются скорее формами жизнетворчества, преобразования собственной судьбы — и бытия вообще. Жизнь Иды Змойро — развернутая метафора того творческого начала, которое преображает окружающую действительность.

ὈΔΑὶ ἈΑΕ΄

Ἴ ἘὸᾶἘἘ Ᾱἶ ΔᾶἘἘἘ

Иерусалимский трамвай еще толком поехать не успел, а на полки израильских книжных лег уже роман Шломо Сойфера «Хейль-Авир — Гар-Герцль» (Иерусалим: Кешет, 2011). Названия конечных остановок. Каждая глава — путь между двумя остановками. Глав, правда, не 22, а 30, поскольку остановки в романе повторяются.

Главный герой, безмянный профессор-славист из Гарварда, весьма и разносторонне образованный, со смутной внутренней жизнью, полиглот, сильно пьющий, склонный к депрессии, пытается добраться из Писгат-Зеэва в Кирьят-Йовель, используя новое средство передвижения. Но трамвай в Иерусалиме не средство передвижения — это большая аттракция.

Отделить реальность (что есть реальность?) от грез заезжего профессора, все добавляющего и добавляющего, от чего тоска его возрастает, не представляется возможным. Начавшееся более или менее реалистически повествование по ходу трамвая съезжает в фантазмагорию. Арабские подростки из Шуафата, арабские женщины с множеством детей, солдаты, харедим, дети бегают, толкаются и кричат. Кричат и взрослые. То есть это профессор с тонкой внутренней организацией думает, что они кричат, а они так разговаривают. Пассажиры устраивают вечеринку, едят, пьют. На остановке «Бейт-Ханина» бедуин в красной куфие вводит в трамвай осла, на котором сидит женщина в черном хиджабе. Бедуин варит кофе. В трамвай вносят гроб, читают кадиш. Входят жених с невестой, гости, на очередной остановке выходят, водружают хупу, трамвай стоит, двери держат, трамвай кричит нечеловеческим голосом, но поехать не может, вся компания загружается обратно, пассажиры восклицают «Мазл тов!», играют клезмеры, все танцуют и выпивают. В трамвай вносят стол для пинг-понга, начинается игра. Входят несколько — в сандалиях на босу ногу, препоясанных вервием — францисканцев. Затевают тонкую богословскую дискуссию: омоусиус и омиусиус. Входят художники, развешивают картины, начинается вернисаж с фуршетом. В районе Таханы-Мерказит гаснет свет, трамвай останавливается, народ поет «Ло лефахед клаль», поют также бедуин, его женщина и осел. Трамвай трогается под ликующие крики народа.

Трамвай идет со скоростью неторопливо гуляющего пешехода, идет бесконечно, подолгу останавливаясь перед каждым светофором и вообще без всякой причины. На станции «Бейт-Ханина» (опять Бейт-Ханина!) бедуин (опять бедуин!) заводит в трамвай верблюда и начинает фотографировать желающих. Профессор, ведущий непрерывный внутренний монолог, размышляет о свойствах сфирот, понемногу теряя представление о времени и пространстве. Сам не понимает, как оказывается на улице Яффские ворота. Профессор многократно бывал в Иерусалиме, даже стажировался в местном университете, но так ни разу и не побывал у Котеля, более того, ни разу глаз его не упал на стены Старого города. Вспоминает Годунова-Чердынцева старшего, охотившегося на бабочек недалеко от Лхасы, но даже не бросившего взгляд в сторону вонючего города. Дурацкий снобизм.

И вот, сам того не желая, он оказывается рядом со стенами Старого города. Душа его освобождается от тоски и раскрывается. В этот момент его сбивает идущий в Хейль-Авир трамвай. Так на Гар-Герцль и не попал. И в Кирьят-Йовеле его не дождалась.

Все это происходит 30 августа, когда на Кембридж обрушивается ужасная «Айрин». Ветер срывает крышу с дома на Френсис-авеню, совсем рядом с университетом. Квартира профессора затоплена. Потоки воды уносят в Чарльз-Ривер саксофон героя. Музыка саксофона все и завершается. То есть завершается земное трамвайное путешествие и начинается небесное. Профессор видит Котель, под которым протекает Чарльз-Ривер. По Чарльз-Ривер плывет сияющий иерусалимский трамвай. На крыше сидит мокрый профессор и играет на саксофоне. Вполне кинематографический финал.

Роман печальный и забавный вместе. Демонстративная апелляция к «Петушкам», через «Петушки» — к Радищеву, через Радищева — к «Сентиментальному путешествию».

Мелкое техническое замечание (необязательное): дискуссия указанного содержания все-таки более пристала доминиканцам, нежели францисканцам. Я так думаю.

после чего сразу, скачком, наступало Новое время. И хотя Кац не до конца порывает с этой традицией и тактично определяет временной промежуток своего исследования как «конечный этап Средних веков», сам интерес к истории европейского еврейства именно этого времени означал признание за этим периодом особой значимости и вполне определенной автономности.

Действительно новаторским в исследовании Каца было то, что он использовал в своей работе социологический метод, применив его к анализу традиционного еврейского общества переходного периода. Наиболее спорным моментом в этом исследовании для профессионалов-историков стало то, на что неискушенный читатель вряд ли вообще обращал внимание: первичным материалом для социологического анализа служили произведения традиционной еврейской культуры: пинкасы (общинные записи), сборники раввинских респонсов, произведения по Алахе и этике. Информация, содержащаяся в этих документах, изначально не могла быть социологической ни по форме, ни по содержанию, ее надо было сделать таковой. Перед автором стояла труднейшая задача: научить источники говорить на языке социологии. Историки зачастую — и Кац в этом смысле не исключение — предпочитают рассказывать что-то новое о прошлом, а не объяснять, как их рассказ был создан. Поэтому автор весьма краток в объяснении этого центрального момента своей методологии. В предисловии к книге он лишь отмечает, что «использовал алахическую литературу данного периода <...> шире, чем это принято в нашей историографии <...> Религиозные законы (алахот), которые для их читателей были обязательной для исполнения нормой, служили мне свидетельствами быта и настроений людей той эпохи, колебаний и раздумий в жизни индивидуума и общества, их мыслей и дел». Суть метода, как это часто бывает в исторических работах, раскрывается в самом изложении и в еще большей мере в авторских примечаниях, где видно, как метод работает на реальном историческом материале.

Тема и метод определяют общее строение книги и ее стиль — по большей части аналитический, почти естественнонаучный, большая часть иллюстративного материала убрана в примечания. И все же автору удается соединить увлекательность исторического рассказа с аналитичностью социологического трактата. Ярким примером авторской манеры служит само название книги, которое, с одной стороны, обладает броскостью газетного заголовка, а с другой — точно соответствует теме и структуре исследования.

Книга состоит из трех разделов. В первом и втором дано описание экономической и общинной жизни европейского еврейства и его отношений с нееврейским окружением в XVI—XVII веках. Третий раздел полностью посвящен характеристике и причинам возникновения кризиса традиционного общества, который, с точки зрения автора, наступает в середине XVIII века. Явным выражением его выступают два социальных движения, оппозиционных сложившемуся укладу, но при этом имеющих свои корни в еврейской традиции и культуре, — хасидизм и еврейское просвещение (Хаскала). В исторической перспективе распад традиционной общины, по крайней мере в Центральной и Западной Европе, приводит к возникновению (используя авторскую терминологию) нейтрального общества.

В результате перед нами полномасштабная социальная (от индивида и семьи до общинных институтов) и экономическая история европейского еврейства в период раннего Нового времени, элегантно изложенная в терминах социологии Вебера.

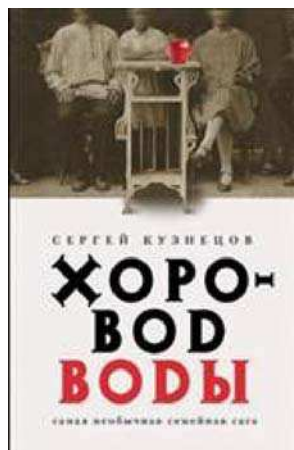
Ī aēñēi Āāi ĩ aē

ÀÊÀÀÐÈÒÌ ÄËВ ×ÀÒÛÐÀÕ ÌÎÊÎÄÁÍËË

ÑÀÐÀÁËËËÓÇÍÀÏÎÁ

ÕÎÐÍÁÍÄÁÍÛ

Ì.: ÀÑÒ; Àñòäæü 2010. — 606 ñ

Шестисотстраничный роман Сергея Кузнецова «Хоровод воды» — весомый повод задаться вопросом: почему в современных сагах так много слов? Роман презентован издательством как «самая необычная семейная сага». Но собственно семейный его сюжет исландский сказитель изложил бы в несколько ходов.

Жил человек по имени Никита. Он происходил из семьи, где братья и сестры не знали друг друга, а дети росли без отцов. У истоков рода стоял мельник-колдун, отпрыскам которого завещано раскрыть родовую тайну и восстановить единство семьи. До тех пор Никитина жена Маша не способна иметь детей, его двоюродный брат Мореухов пьет, двоюродная сестра Аня не может выйти замуж. У Никиты есть еще одна сестра, Римма, но она не хочет знаться со своей семьей.

Чувствуете, наметилась крепкая история — о родовом проклятии и любви? В романе эта сюжетная основа размывается: дополняется предысторией, со всеми уточняющими подробностями, и психологией, со всеми нюансами чувств.

Сага звенит — роман хлопает.

Сергей Кузнецов и написал книгу о войне твердого с мокрым. О том, как прочный каркас налаженной жизни захлестывает, шатает взбесившаяся вода.

Напор водной образности в романе так силен, что хочется попросить автора прикрутить краны. Каждому герою он подбирает свой ключ к заглавной теме: Никита возглавляет небольшую фирму по оформлению аквариумов, Аня любит плавать, Мореухову то и дело чудится страшный омут, кроме того, его алкоголизм подается подкованным автором как пристрастие к «живой воде». Присутствуют культурные отсылки к фильму ужасов «Темные воды» и евангельскому сюжету о хождении по воде. Множатся метафоры типа «вода безвременья», не то что нитью — красной тряпкой в романе проходит тема Атлантиды.

Но вот что интересно: в отличие от большинства авторов, использующих воду как символ смерти, забвения, рока, Кузнецов не собирается нас пугать. Он предлагает принять воду-смерть, воду-неизбежность. Роман читается как психотерапевтический квест: перед героями поставлена задача нырнуть в затопленную Атлантиду, встать ногами в илистое дно. Мы начинаем чувствовать, что современный человек живет слишком на поверхности. Под ним неизмеримая глубина: в данном случае — семейного прошлого. Страх глубины не позволяет двигаться в воде жизни, человек качается на месте, как до поры не выдернутый

поплавок: «Где мой дом? — спрашивает себя Мореухов. — Где мое прошлое? Любовь мамы и папы, тайна дедовой смерти, загадка семейной судьбы. Надо идти, надо вернуться назад, добраться домой».

Мореухов, которому автор часто дает слово, представляет книгу как историю четырех — двух братьев и двух сестер. Но с точки зрения сверхсюжета главное погружение совершают Аня и Никита. Именно в их образах выражена та размытая идентичность — половая, семейная, личностная, — которая становится главной проблемой романа. На старте мы застаем их типичным продуктом общества потребления: Аня — «свободная молодая женщина, хозяйка своей судьбы» (на самом деле — мать-одиночка, которая боится любви, хотя легко спит по службе с неприятным начальником; начальника зовут Марк Борисович, но несимпатичен он совсем не поэтому: Аня вовсе не антисемитка, как, разумеется, и автор романа, по совместительству главный редактор сайта еврейской культуры «Букник»), Никита — успешный предприниматель, у которого бизнес, любовница, «все как у больших ребят» (на самом деле — растерянный мальчик, пытающийся сбежать от ответственности). На финише должно свершиться преобразование: возвращение «назад», «домой».

Современного человека не держат никакие твердые основания: он не знает, кто он, что такое брак, как относиться к деторождению, что в жизни главное и чем для главного можно пренебречь. Кузнецов задумал вернуть человеку «дом бытия» — но не через восстановление твердых опор сознания, что едва ли возможно, а через погружение в стихию бессознательных ценностей. Род в «Хороводе воды» заменяет размывшуюся идею государства. Продолжение рода оценивается как серьезная альтернатива расширению бизнеса. Брак выбирается как единственно верное средство от одиночества.

В романе Кузнецова, таким образом, привлекают и сюжетная канва, и благородный посыл. Однако реализация замысла не так убедительна. Загвоздка в том, что во времена, когда невозможна большая семья, разваливаются и большие книги.

Особенно такие большие, как «Хоровод воды».

Роман мог занять вполтину меньше места, если бы сбросил лишнее. Из четырех героев можно убрать двоих: Мореухов, по сути, играет роль резонера, обличителя мегаполиса, и потому действует невнятно, больше болтает (с тех пор как десять лет назад его главная любовь Соня Шпильман уехала в Израиль, он беспрерывно пьянствует — какие уж тут решительные поступки); Римма слишком однозначно воплощает в себе недостатки офисной философии, к тому же никак не участвует в сюжете рода. Интересны эпизоды из жизни предков Ани и Никиты: они писали доносы, обрекали на расстрел людей, сами едва избегали смерти, скрывались, рушили семьи, теряли детей — вот только автор сам нивелирует значимость их опыта, когда в финале заявляет, что во всех злоключениях виновато... бабушкино кольцо. Или другая линия: Маша, жена Никиты, видит души загубленных коллективизацией, революцией и террором людей, — но мистика не усиливает, а перебивает психотерапевтический смысл романа. Попытка автора связать бесплодие Маши с ее медумическими способностями не выдерживает никакой критики: ни нравственной (по сути, это способ увести героев от ответственности), ни художественной (могив явно понадобился как повествовательная лазейка для автора, который не нашел другого способа собрать разрозненные образы).

Кульминационная сцена — жертвоприношение героев духу предка — читается и как духовный акт покаяния (герои приносят в жертву свои гордость и страх), и как магический обряд (герои заговаривают «глубоководного монстра» — предка-колдуна). Получается, что одной рукой автор благословляет героев принять ответственность за свою жизнь и совершить нравственный переворот, а другой отмахивается: ничего не поделаешь, если у вас в предках водяной.

Понятно, что легенда о водяном нужна Кузнецову для того же, для чего видения Маши: как точка сборки. Однако такое решение автора обличает современность лучше, чем иные инвективы бунтаря Мореухова: идеи сверхличного рока, коллективной судьбы и Промысла, на основе которых создавались античная трагедия и толстовская эпопея, в наше время подменены суевериями — модным миксом из поверхностно усвоенных буддизма и язычества.

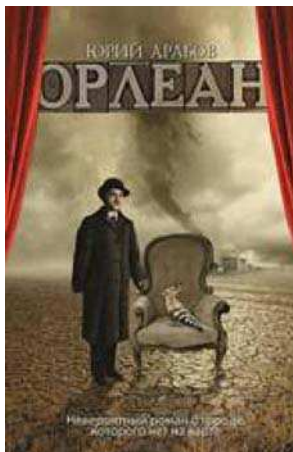
Решившись на полемику с современным городским сознанием, Кузнецов не смог преодолеть его дискретность и индивидуализм. Как бы ни убеждал нас автор, что герои «сняли семейное проклятие», вовсе не кольцо водяного определяет родовую судьбу. Как бы ни заклинал: «история захлестывает нас, огромная словно море», — все же главным сюжетом романа остается измена немолодого мужчины бесплодной жене. Доказать существование большой семьи, большой истории у автора не получилось, потому что мифологема воды — обаятельная, но недостаточно актуальная и сильная идея, чтобы объединить личные воспоминания в родовую память, а рассказы из прошлого — в историю России.

À Î ÐĚÀÀÎ × À ÐÀÇÃÎ ĚĚĚÀÓĂ

Ð ÐĚĚ À ÐÀÀÎĂ

Î ÐĚÀÀÎ

Î .: À ÑÒ; À ÑÒÐÀĚÛ, 2011. — 224 ñ

В Кулундинской степи, на самой границе с Казахстаном, стоит городок Орлеан. Жители его погрязли в разврате и прочих грехах по списку. В связи с этим однажды в город является непонятный человек, похожий на Кларка Гейбла и Хемингуэя одновременно. Он называет себя экзекутором и в доказательство начинает производить над орлеанцами разнообразные экзекуции, что твой Моисей над египтянами. Благодарные аборигены неоднократно убивают пришлеца, но он всякий раз воскресает, хотя и в слегка покромсанном виде.

Евреев в Орлеане нет, зато есть милиционеры, обсуждающие со своими детишками перспективы спасения еврейских первенцев, а также дознаватель Неволин, который цитирует на память 112-й постулат Рамбама и просит московских друзей почаще привозить ему газету «Даркей Шалом». Неволин напряженно ждет Машиаха и, повинувшись заповеди «Поставьте удобный стул перед входом в селение или город, в тени цветущей смоковницы, дабы Машиах, собираясь к вам, мог бы присесть и передохнуть перед исполнением своих скорбных дел», водружает на городской окраине кресло для почетного гостя из дома Давидова.

Увы, несмотря на интерес к еврейской философии, со служебными своими обязанностями дознаватель справляется из рук вон, суд вершит скорый и неправый, а потому становится одной из основных мишеней экзекутора. Вместе с Неволиным под раздачу попадают парикмахерша Лидка, делающая аборт за абортom, и главный орлеанский донжуан хирург Рудик. В романе есть еще фокусник дядя Боря Амаретто, взаправду перепиливающий граждан РФ на арене местного цирка. Прочие персонажи глубоко эпизодичны и особой роли в сюжете не играют.

Впрочем, слово «сюжет» здесь подходит не вполне — как и слово «роман». В книге, по сути, ничего не происходит. Гейблообразный экзекутор приходит к одной из своих жертв и мучает ее морально либо физически. Затем переходит к следующей. Затем жертва его убивает. Затем он приходит снова. И так двенадцать раз подряд, как говорилось в старом анекдоте.

Арабов сочинил некую исходную ситуацию, завязку, но ему совершенно нечего с ней делать. Один эпизод сменяется другим без всякой внутренней логики, в произвольной последовательности. Автор мог бы их перетасовать, заменить, выбросить вовсе — ничего не изменилось бы. Можно вспомнить знаменитую фразу Толкиена о том, что зеленое солнце легко придумать, но трудно обосновать, — но здесь она явно не по чину. В «Орлеане» не придумано вообще ничего — нет ни города, ни героев, ни действий, ни обстоятельств. Лишь стопка эскизов, набросков, непропеченных и слабо связанных между собой.

Исправить ситуацию автор пытается с помощью эпилога, призванного объяснить, отчего Орлеан стал адом на земле. Оказывается, город и градообразующий химкомбинат, загаживающий местное озеро, были построены по указке Ленина, а того науськал Арманд Хаммер (отсюда американское название). Так в романе появляются разом две мотивировки: политическая и экологическая, но цельности это повествованию не добавляет, скорее наоборот.

Надо сказать, что фрикам и монстрам в новейшей русской литературе вообще не везет. Романы таких классиков жанра, как Мамлеев или Масодов, построены точно по тому же принципу, что у Арабова: «А вот был еще и такой жуткий случай». Между тем сюр и абсурд нуждаются в железной авторской дисциплине, прорисовке персонажей, достоверности деталей куда больше, чем традиционный реалистический текст. Здесь нельзя ничего взять взаймы у реальности, здесь не работают отсылки к общеизвестному и всем знакомому. Этот мир надо выдумывать от начала до конца, от главных героев до последнего листочка на местном дереве.

Пока что отечественная словесность с этим не справляется. Выход один: отправлять всех желающих продемонстрировать читателю галерею фриков в Голливуд, на выучку к великому Дэвиду Линчу или автору «Поворота» Оливеру Стоуну. Объяснят мэтры, как с таким материалом работать, завизируют сценарий — значит, можно на родину возвращаться, роман писать.

Ï èõàèÿ Ï àééîá

ÈÀÈ ÑÎ ÒÃÎ ÐÈÒÛ ÝÈÎ Î Î È×ÃÑÈÎÃ ×ÓÃÎ

ÃÝÎ ÑÃÎ Î Ð, ÑÎÈ ÈÎÃÃÐ

ÎÀÒÈÈ ÒÎ Î ÛÕ ÈÐÃÃÈ

ÈÑÒÎ ÐÈÈ ÈÐÃÀÈÈÛÑÈÎÃÎ ÝÈÎ Î Î È×ÃÑÈÎÃÎ ×ÓÃÃ

ÎÃÐÃÃÎÃ ÑÃÎÃÈÈÑÈÎÃÎ Ã. Ñòîðèæàíèè
Î.: ÈÀÐÛÐÀ Î ÐÃÑÑ, 2011. — 336 ì

Об Израиле в мире говорится и пишется много. Однако в основном материалы об этой стране связаны с арабо-израильским конфликтом. Образ Израиля от этого сильно страдает. Израильцы давно уже всеми силами пытаются переломить ситуацию и ведут одну за другой кампании по «разъяснению своей позиции». Это помогает, но несильно. Некоторое время назад израильские специалисты по коммуникации решили сменить парадигму и работать на создание позитивного образа страны. Сложно сказать, случайно так вышло или было задумано, но книга Сенора и Сингера является одним из наиболее эффективных инструментов в этой кропотливой работе.

Авторы доступным языком рисуют картину создания инновационной державы XXI века. Теоретические выкладки просты и сопровождаются примерами успеха израильских начинаний. В книге много известных названий: Intel, Google, PayPal, ICQ (сегодня, к слову, принадлежащий российскому холдингу). Истории, связанные с этими компаниями, призваны показать неопределимый вклад израильтян в их успех. Надо сказать, что звучат они очень убедительно.

Книга состоит из четырех частей и 14 глав, каждая из которых посвящена развернутому рассказу о том или ином факторе, повлиявшем на возникновение в Израиле инновационной экономики. Акцент сделан на роли Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) в формировании предпринимательских навыков израильтян. Кроме того, рассматриваются историческое и интеллектуальное наследие еврейского народа, государственная политика Израиля, географическое положение страны, особая роль образования, связи с диаспорой. Интересно и сравнение Израиля с теми государствами, которые могли занять сходное место в мировой экономике, но пока не заняли, несмотря на впечатляющее развитие последних десятилетий: Сингапуром, Южной Кореей, ОАЭ (Дубай). Авторы приходят к выводу, что каков бы ни был научно-технологический потенциал страны, только наличие свободы позволяет достичь столь внушительных успехов — излишняя зарегламентированность не дает возможности развиваться такой питательной творческо-предпринимательской среде, которая создалась в Израиле и стала основой израильского экономического чуда.

Труд Сенора и Сингера претендует на определенную научность. Авторы провели серию интервью как в Израиле, так и за его пределами — в науке это называется «полевые исследования». Книга снабжена внушительной библиографией и корректными сносками с указанием цитируемых источников. При этом сами Сенор и Сингер, пытаясь определить жанр книги, выделяют три составные части: исследование, убеждение и объяснение, рассказывание историй. Такой расклад отражает профессио-

нальные навыки соавторов: Сенор — политолог-международник, специализирующийся на ближневосточной проблематике, Сингер — журналист. Это сочетание и придало книге неповторимый колорит: перед нами исследование, но написанное очень легким языком с большим количеством примеров, которые сами по себе захватывают воображение.

Обаяние книги настолько сильно, что у прочитавшего ее может возникнуть впечатление, будто Израиль — это инновационный рай на земле, а отмеченные авторами проблемы незначительны и не могут существенно повлиять на дальнейшее развитие страны. Между тем это не совсем так. Сенор и Сингер ничего не говорят о том, что многие израильские предприниматели своей основной целью видят раскрутку стартапа до уровня, когда можно будет удачно продать его транснациональным корпорациям, а по-настоящему крупных израильских компаний — единицы. Не говорят они и о том, что все большую тревогу вызывает у специалистов уровень израильского образования. Эффект от иммиграции евреев бывшего СССР скоро будет исчерпан, а израильская система образования не адекватна требованиям времени. А ведь именно современная образовательная система является фундаментом долгосрочного лидерства в мире высоких технологий — одной демократии и предпринимательского таланта для этого недостаточно. Лишь вскользь упомянута проблема утечки мозгов, столь актуальная сегодня для Израиля.

Вряд ли авторы, чей профессионализм и знание предмета не вызывают сомнений, не знают об этих и других проблемах нынешнего Израиля — однако они предпочли об этом не говорить. Такая односторонность лишний раз доказывает, что труд Сенора и Сингера направлен в первую очередь на формирование позитивного образа страны, то есть является скорее пропагандой, чем полноценным исследованием. Книга от этого хуже не становится, просто, читая ее, надо отдавать себе в этом отчет. А прочитать эту книжку стоит, особенно россиянам. Наша страна пытается впрыгнуть на подножку уходящего поезда инновационного развития, и опыт Израиля, с которым у нас, как ни странно, много общего, тут как нельзя кстати.

Завершая рецензию, хочу сделать одну оговорку: я прочитал эту книгу на английском. Советую сделать то же самое всем, у кого есть такая возможность, — о качестве перевода заставляет задуматься уже название русского издания. На английском книга называется «Start-up Nation», что немного коряво можно перевести как «Старт-ап государство». Русское же название отдает шовинистическим душком, да к тому же совершенно не соответствует содержанию книги. Эта книга вовсе не о том, что евреи самые умные. А о чем она на самом деле — см. выше.

Ài èòdèé Ì adùjèè

ТИХО, ПАПА СПИТ!

יְאִמְרָא הָאֵלֶּה עַל עֲרֵאֵי עֵינַי עֹדֵי עֹבְרֵי עַל אִיּוֹ נִרְאִים

וְעֹיֵ, יְאִי אֵלֵי עֹ!

Жил в Ашкелоне купец по имени Дама бен Нетина. Он и его большое семейство никакой работы не боялись: драгоценными камнями торговали и породистых коров на продажу разводили. Какая разница — бриллиант или корова? Лишь бы доход приносили! А зарабатывало семейство Дамы бен Нетины — дай Бог каждому.

В те времена стоял ещё в Иерусалиме Святой храм, а службу вёл в нём Первосвященник. Прежде чем войти в Храм, он надевал особую накидку, похожую на длинный жилет. В это одеяние были вплетены нити из чистого золота, а поверх него возлагался квадратный нагрудник, в котором сияли двенадцать драгоценных камней, и у каждого камня было своё название — по именам двенадцати колен Израиля.

Случилась однажды беда: исчез с одеяния Первосвященника один камень — яшма. Искали яшму повсюду — пропала, как в воду канула. Бросили среди народа клич — если есть у кого такой камень, пусть пожертвует его для Святого храма. Никто не отозвался. Что ж, объявили тогда, что заплатят за яшму любые деньги. Но, увы, ни у кого не нашлось такой драгоценности.

Через некоторое время прослышали мудрецы, что у ашкелонского торговца Дамы бен Нетины есть подходящий камень. А так как не был этот торговец евреем, то он скорее всего и понятия не имел о пропаже камня с одежды Первосвященника, да и вообще вряд ли знал, что это за Первосвященник такой.

Недолго думая, взяли мудрецы мешочек с деньгами, собранными для покупки яшмы, и отправились в путь. Быстро ехали они, надеясь, что уже в тот же день все двенадцать камней будут сиять на одежде Первосвященника, торопились... И вот уже дом торговца.

— Тук-тук-тук, — постучали мудрецы. — Добрый день, господин Дама бен Нетина, позвольте войти?

Отворил дверь хозяин и шёпотом пригласил:

— Заходите в дом, рассаживайтесь, но прошу вас, говорите тихонько, потому что мой отец спит в соседней комнате... Итак, друзья мои евреи, чем же я могу быть вам полезен?

Сказал ему старший из мудрецов:

— Господин мой, не буду ходить вокруг да около, прибыли мы к тебе с особым поручением... Слышали мы, что есть у тебя камень, который называется яшма, и хотели бы его купить. Пропала яшма с нагрудника нашего Первосвященника, который служит в Храме. На нагруднике, словно двенадцать колен Израиля, должны сиять двенадцать драгоценных камней, а теперь — о горе нам! — их всего одиннадцать! Искали мы яшму везде, но не нашли, и готовы заплатить тебе любую цену... Да-да, не удивляйся, знаем мы, что так дела не ведут, только торговаться некогда — торопимся мы обратно в Иерусалим, чтобы поспеть к встрече Субботы.

Замолчал старший из мудрецов, и тогда заговорил казначей:

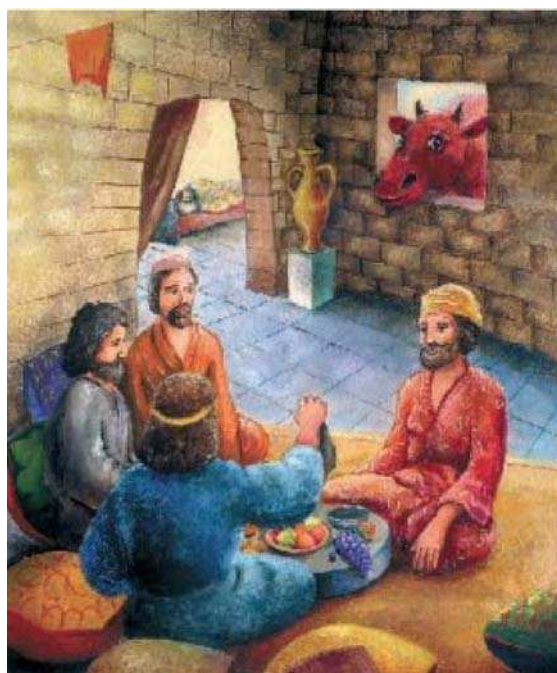
— Господин мой, сам понимаешь, тебе представился случай хорошо заработать! Но решать надо прямо сейчас. Мы платим, берём камень и уходим — здрасьте-спасибо-до свиданья!

Не успел Дама бен Нетина и рта открыть, как казначей вытащил из своей чёрной сумы полотняный мешочек, битком набитый серебряными монетами, и положил его перед хозяином.

— Посчитай, здесь шестьсот тысяч монет серебром.

Взглянул Дама бен Нетина сначала на толстый мешочек с деньгами, потом на мудрецов, потом ещё раз на мешочек и тихо проговорил:

— Прошу меня простить, но я не могу.

Удивились мудрецы — что значит это «не могу»?

— Конечно, вам кажутся странными мои слова. Что ж, можете смеяться... Не так легко отказаться от такого соблазнительного предложения... Но, поверьте, не могу я продать вам камень... По крайней мере, сию минуту.

Не поняли его мудрецы.

— Может быть, ты хочешь семьсот тысяч?

— Нет, не хочу.

— Восемьсот?

— Я же сказал: не выйдет.

— Миллион?!

— Да не в деньгах дело!

— Ну что ж, — вздохнули мудрецы, — заставить тебя мы не можем, а всё-таки объясни нам, из-за чего ты отказываешься от такой выгодной сделки?

Молча встал Дама бен Нетина с места, молча приоткрыл дверь в соседнюю комнату, быстро заглянул туда и так же молча закрыл дверь.

— Ещё раз простите меня, но ничего не поделаешь, — сказал торговец. — Действительно, есть в моем хранилище такой камень. И, конечно, кто же не продаст его за ту цену, которую вы предложили?..

— Ну так в чём дело? — обрадовались мудрецы. — Ты нам — камень, мы тебе — деньги, и чтобы было в добрый час!

Ответил им тогда Дама бен Нетина:

— В чём дело, спрашиваете вы? А в том, что мой папа спит!

«Ну и странный человек! — подумали мудрецы. — То просит всех разговаривать шёпотом, то категорически отказывается продать камень; через минуту намекает, что, может, и продаст его, но неизвестно когда, а сейчас вообще заявил, что вся проблема в том, что его папа спит. Что за путаница в его голове? Где камень, а где папа?»

Заметил хозяин, как переглядываются его гости и, пока они не успели подумать про него неизвестно что, решил выложить всю правду.

— Послушайте, друзья, ключ от сундука с драгоценными камнями я держу в специальном кошельке, кошелёк спрятан под подушку, на подушке покоится голова моего папы, а мой папа, как я вам уже говорил, спит сейчас крепким сном. Если я начну доставать из-под подушки ключи, он проснется и... Он очень не любит, чтобы прерывали его дневной отдых. Сколько раз он твердил мне: «Сынок, самая важная для меня вещь — это хорошенько поспать днём. И я не потерплю, чтобы меня будили, ни за какие сокровища на свете! Но знай, если это случится, я проснусь в бешенстве: злющим, голодным — и вопьюсь как клещ. Помни, что мы семья, которая любит торговать, но у нас закрыто с двух до четырех».

— А когда же твой отец проснётся? — спросили мудрецы.

— О! Прекрасный вопрос! Хотелось бы мне самому это знать. Он может проснуться прямо сейчас, а может

через полдня или через сутки. Дело в том, что мой папа страдает бессонницей. Ночью ему очень тяжело заснуть, но если уж это случится, ему очень трудно проснуться! Понимаете теперь, что я не могу угадать, когда он поднимет голову с подушки... Жаль, что вы так спешите и мне придётся упустить такую выгодную сделку, но отец — это отец, уважение — это уважение, ну а сон — это сон, и нарушать его не годится.

— Да, мы действительно очень торопимся и не можем больше ждать, — задумчиво произнес старший из мудрецов. — Но это просто замечательно, что ты не стал будить своего отца. Такой поступок ценится дороже золота!

— У нас в Ашкелоне, — сказал Дама бен Нетина, — почтение к родителям прежде всего. Мы уважаем их, а дети ценят нас. Может быть, в награду за это и торговля у нас идёт неплохо. Иногда в деньгах проиграешь, да зато не поссорисься, а ссора и в делах главная помеха.

Не говоря ни слова, вышли мудрецы Израиля из дома торговца, сели в повозку и двинулись обратно в Иерусалим. Первым нарушил молчание казначей:

— Ну и ну! Первый раз вижу такое уважение к отцу! Честно говоря, я до последней минуты думал, что этот Дама бен Нетина разыгрывает перед нами спектакль, чтобы набить цену, а стоит нам повернуться к двери, так сразу побежит за ключами от сундука.

Тогда сказал один из мудрецов:

— Поистине стоило нам съездить в Ашкелон, чтобы увидеть, как человек, который не учил Тору, незнаком с Десятью заповедями и даже не слышал, что сказано «Уважай отца своего и мать свою», оказывает такой почёт своему отцу. Нам надо поучиться у него и запомнить, насколько важно исполнять эту заповедь.

Немного позже удалось мудрецам разыскать яшму у другого торговца, и она заняла свое место на нагруднике Первосвященника.

Мудрецы с порога объяснили хозяину, что они ищут, и, к их огромной радости, корова не была спрятана под подушкой его отца.

— Я знал, что вы приедете, — сказал Дама бен Нетина, — насколько я понимаю, яшму вы давно нашли. А корову я с удовольствием вам продам. Но, если вы не против, заплатите мне за корову те же деньги, что предлагали за яшму. Я потерял шестьсот тысяч серебряных монет, не желая тревожить отца, так пусть эта сумма ко мне вернётся.

Заплатили ему мудрецы и забрали корову. Им не хотелось торговаться — радовались они, что именно Дама бен Нетина, который так почитает родителей, удостоился продать рыжую корову для Храма.

Сказал один из мудрецов:

— Как замечательно, что мы ведём в Храм именно эту рыжую корову, которая выросла там, где почитают старших. И всем, кто её увидит, мы расскажем удивительную историю о торговце из Ашкелона и его отце. Пожал Дама бен Нетина каждому из мудрецов на прощанье руку и сказал:

— Действительно, не пора ли уже моему папе узнать, как из-за уважения к нему мы упустили кучу денег, но в конце концов не потеряли ни монетки! Пойду-ка я погляжу, вдруг он уже проснулся!

Ἰὶ ἰ τὸ ἐάνι Ἀὰὰ ἐἰ τὸ ἐτᾶ Ὀὰ ἐἰ ὀὰ, ὀ δὰ ἐὸ ἀὸ Ἐ ἐἰ ὀ ἐἰ, ἐ ἐπὸ 31.

ÈÑÒÌ ÐÈÈ Ì Ì ÀÕÀÐÀ

Элиэзер бен Гиркан не умел читать. И писать тоже не умел. Это странно, ведь его отец Гиркан был настоящим богачом. Чего только не было у Гиркана, всего не перечислишь: дома, поля, виноградники, скот, лошадь новейшей марки на стоянке! Но когда заметил богач, что его маленький сын не очень-то способен к учёбе, сказал он себе: «Из этого мальчишки не выйдет ничего путного. Никакого сравнения с братьями, они прекрасно учатся и соображают, что к чему в этой жизни. Вырастут и смогут продолжить мои многочисленные дела. А этот что? Вместо того чтобы без толку сидеть в классе, пусть хоть в поле поработает, а то расходы от него одни».

Так решил Гиркан и вместо школы послал сына работать в поле. Много лет пахал поле Элиэзер. Исполнилось ему уже двадцать два года, совсем взрослый! А читать-писать так и не научился, не знал даже самого главного — ни Торы, ни Мишны, ни Агады, даже притч не понимал. Да что там книги! Он газету не удосужился развернуть. Правда, газет тогда ещё не печатали, даже со спортивными новостями. Сказать честно, Элиэзер не только в школе, но и в поле успехами не отличался. Говорили люди, что две у него руки, да обе растут не оттуда, откуда надо.

А братья Элиэзера тем временем учились и набирались мудрости. И когда они выросли, поручил отец каждому из них вести часть своих дел. Один отвечал за виноградники, второй — за урожай на полях, третий следил за тем, как идут дела со скотом и в птичнике, а четвёртый вёл все денежные расчёты с покупателями и

должниками. Каждый из четырёх сыновей получил прекрасный участок поля на равнине около дома семьи Гиркана. А что же Элиэзер? Отец «одарил» его самым захудалым куском земли на вершине горы. Сплошные камни! Его и вспахать-то было трудно, а уж вырастить там урожай — и подавно. Но отец думал так: «Элиэзер вообще ни на что не годен, так зачем тратить на него хороший участок? Пусть пашет себе в поте лица поле на вершине горы. Главное — держать его подальше от братьев. Рядом с ними на этого чурбана даже глядеть неловко. Ничего не скажешь, паршивая овца в семье, только расходы от него».

Тяжко было Элиэзеру распахать каменистую почву на вершине горы. Но ещё тяжелее оказалось узнать, что родной отец его совсем не любит. Сел Элиэзер на камень и заплакал. Долго плакал он, пока не задремал.

Во сне пришёл к нему пророк Элияу и спросил: «Элиэзер, почему ты плачешь?» — «За что бы я ни взялся, ничего у меня не выходит! Ни Торы не знаю, ни работать толком не умею! Я так хочу, чтобы у меня наконец что-то получилось!» Сказал ему Элияу: «Не плачь, сынок. Встань, ступай в Иерусалим к раббану Йоханану бен Закаю. Он выучит тебя Торе».

Элиэзер обрадовался, но всё же подумал: «Вот пойду я в Иерусалим, а окажется, что и там я никому не нужен и всё это пустой сон». Спросил он тогда: «А как я могу убедиться, что ты действительно пророк Элияу?»

Ответил Элияу: «А кто же я, по-твоему? Разве ты не знаешь, что Элияу приходит к людям во сне? Но раз ты сомневаешься, я подам тебе знак. Когда проснёшься, начни пахать — и поймёшь, что нечего тебе больше искать на этом поле».

Проснулся Элиэзер, поглядел вокруг — никого. Опять у него полились слёзы. И как назло в этот момент явился на поле отец:

— Эй, Элиэзер, чего плачешь?

Ответил ему Элиэзер сквозь слёзы:

— Не хочу я работать в поле всю жизнь. Я хочу учиться Торе.

Тут Гиркан жутко разозлился и стал насмехаться над сыном:

— Что ты сказал? Я, может, не расслышал? Учиться Торе? Ты? А почему бы тебе сразу в космонавты не податься? Ты же такой способный, тебя в любом месте с руками оторвут! Сразу начальником поставят! Нет, не хочешь? А почему бы тебе не выдвинуть свою кандидатуру на Нобелевскую премию по философии? Или есть идейки получше? Таких, как ты, днём с огнём не найти: двадцать два года парню, а ни писать, ни читать не умеет! Книжки за всю жизнь не открыл. Ты вообще хоть знаешь, как она выглядит? Учиться он захотел! Чтоб я больше об этом не слышал.

Но Элиэзер вытер слёзы и упрямо повторил:

— Я хочу учить Тору!

Тут Гиркан окончательно вышел из себя и закричал:

— Я вижу, ты не понимаешь, что тебе говорят! Ты не можешь — понятно?.. Ты не способен учить Тору! Я тебя кормлю, пою, одеваю, а пользы от тебя никакой. Знаешь, что я тебе скажу: найди себе жену, заведёте детей, вот их и пошлешь в школу Тору учить. Дай Бог, из них что-нибудь толковое выйдет. А у тебя вместо головы — арбуз, и мысли для неё — тяжкий груз. (Гиркан любил приговаривать в рифму, особенно когда сердился.) Я больше не хочу слышать ни про какое учение! Повторить? Или не будем больше об этом?

Повернулся Гиркан к сыну спиной и в гневе отправился восвояси. Но по дороге оглянулся и погрозил Элиэзеру пальцем: =

— Только попробуй не закончить это поле до завтра! Ты у меня так попляшешь — мало не покажется! Осточертел ты мне, бездельник! Только деньги высасывать умеешь!

Подожел Элиэзер к корове, на которой пахал, но как только запряг её, корова споткнулась и сломала ногу. Понял Элиэзер — вот он, знак от пророка Элияу. Нечего ему больше искать на этом поле: «Из-за меня пострадала бедная корова. Это небеса подают знак, что надо идти учиться». Элиэзер позвал к бедной корове ветеринара, а сам поспешил в Иерусалим, к раббану Йоханану бен Закаю.

Спросил его раббан Йоханан бен Закай:

— Элиэзер, может быть, ты знаешь хотя бы «Слушай, Израиль», застольное благословение или какие-то другие молитвы?

Элиэзер покачал головой. Он ведь никогда ничему не учился... И тогда научил его раббан Йоханан трём дневным молитвам.

Прошло немного времени, и увидел раббан Йоханан, что Элиэзер сидит и плачет.

— Почему ты плачешь?

— Я хочу ещё учить Тору.

И начал раббан Йоханан каждый день учить с Элиэзером по две алахи, то есть по два правила еврейского закона. Очень тяжело было учиться Элиэзеру, ещё тяжелее, чем пахать поле на каменистой горе, но он не отчаивался. Душа его стремилась к Торе, и поэтому он ни на минуту не отвлекался от учёбы, даже на еду. Восемь дней подряд не прикасался он к пище, но из-за страстного желания изучать Тору почти не чувствовал голода. Только время от времени брал Элиэзер горстку земли и клал себе в рот. Не хотелось ему тратить время на еду, да и денег не было, чтобы её купить. Богатый дом, в котором ни в чём не было недостатка, променял он на место, где ему и на зуб положить было нечего. И неудивительно, что изо рта у него стало плохо пахнуть.

Поразился раббан Йоханан той страсти, с какой Элиэзер учился Торе. Подошёл он к нему и сказал:

— Иди поешь. Я даю тебе свое благословение и желаю, чтобы так же, как сейчас дыхание твое стало тяжелым из-за любви к изучению Торы, когда-нибудь благоухание учения твоего наполнило весь мир от края до края. И все будут вдыхать прекрасный аромат Торы, которую услышат от такого учителя, как ты.

Прошло несколько лет, и просто Элиэзер превратился в рабби Элиэзера. Усердно учил он Тору у раббана Йоханана, всё запоминал, всё впитывал, как колодец с водой, из которого ни одна капелька не пропадает. Он славился своим глубоким пониманием и великим упорством, но никто не знал, каких трудов это ему стоило.

А Гиркан старел. Начал он подумывать, как правильно разделить своё немалое имущество между детьми. Да и сыновья, правду сказать, о наследстве стали беспокоиться. Как-то обратились они к отцу:

— Папа, вспомни, Элиэзер оставил поле недовспаханым и ушёл, ему и дела нет до того, что у нас происходит, значит, и ты должен ему показать, что тебе до него нет дела.

А один из сыновей прибавил:

— Как можно бросить престарелого отца? Нужно изгнать такого сына из семьи и забыть о нём! Папа, я думаю, тебе стоит съездить в Иерусалим и прямо в суде раббана Йоханана бен Закая объявить, что ты вычёркиваешь неблагодарного сына из завещания. Пусть все знают, что после твоей смерти не получит он ни гроша из твоего наследства.

Понятно, что если бы отец вычёркнул Элиэзера из завещания, то другие сыновья получили бы больше, для того они и затеяли этот разговор. Но они не предусмотрели того, что их бестолковый брат превратится в одного из самых больших иерусалимских мудрецов.

Выслушал Гиркан сыновей и пробормотал:

— Правильно. От него всю жизнь только расходы одни. Расходы и позор...

Запряг он лошадь в телегу новейшей марки и отправился в Иерусалим. «Может, познакомлюсь в городе с богатыми и почтенными людьми и, чем чёрт не шутит, проверну с ними выгодные сделки», — размечтался Гиркан. Хоть и стар он стал, но о выгоде не забывал никогда. О величии же своего сына Элиэзера он и не слыхивал.

Приехал Гиркан в Иерусалим и отправился в бейт мидраш, где преподавал раббан Йоханан. Как раз когда он вошёл, поднялся рабби Элиэзер, чтобы истолковать слова Торы, а перед ним сидели богатые и уважаемые горожане и боялись пропустить хоть одно его слово. Там были Накдимон бен Гурион, и Бен Кальба Савуа, и Бен Цицит, ну и другие господа с такими же странными именами. Все это были люди богатые и знаменитые. Гиркан всегда мечтал завести с ними торговые дела.

Начал рабби Элиэзер толковать слова Торы, и лицо его осветилось.

Но Гиркан не слышал и не видел его, а рассматривал сидящих в зале. Надо же, в одном месте собрались все уважаемые люди Иерусалима! И на кого они с таким восхищением смотрят, чьей мудростью так восторгаются? Что это за рабби, который вызвал у них такое уважение? Неужели это... не кто иной, как Элиэзер! Его, его Элиэзер! Любимейший сын! Тот самый мальчик, которого он, Гиркан, с таким трудом растил, всё ему отдавал...

Когда закончил рабби Элиэзер речь, поднялся раббан Йоханан и сказал:

— Счастье тебе, рабби Элиэзер, и счастье родителям, у которых есть такой сын, как ты.

Не вытерпел Гиркан, вскочил и сказал:

— Меня зовут Гиркан, и я его отец! Честно говоря, приехал я сюда, чтобы лишить своего сына Элиэзера наследства за то, что много лет назад он без спросу бросил свою работу и наш дом. Но теперь я увидел, что стал мой сын великим мудрецом, и хочу, чтобы все мои богатства достались ему. А братьям его не дам ни гроша. Только одни расходы от них.

Встал перед ним рабби Элиэзер и ответил:

— Дорогой отец, не нужно обижать моих братьев. Я прошу только, чтобы ты поделил между нами всё поровну. Ведь как Тора дана всем и каждый может учить её, так и родительская любовь: нельзя выделять одного ребёнка, а другого унижать. Хватит у тебя наследства для всех нас. А главное, о чём я прошу тебя: люби меня так же, как и других сыновей.

Понял Гиркан, что был несправедлив к Элиэзеру, и горько пожалел о том времени, когда заставлял его в поте лица пахать поле, а о скалистой горе ему и вспомнить-то было стыдно. Гиркан даже рассердился на самого себя: почему не послал сына учиться, когда тот был маленьким? Хотел он благословить Элиэзера и сказать несколько слов стихами, но на этот раз рифма не сложилась, — наверное, потому, что сердился он не на кого-то другого, а на самого себя.

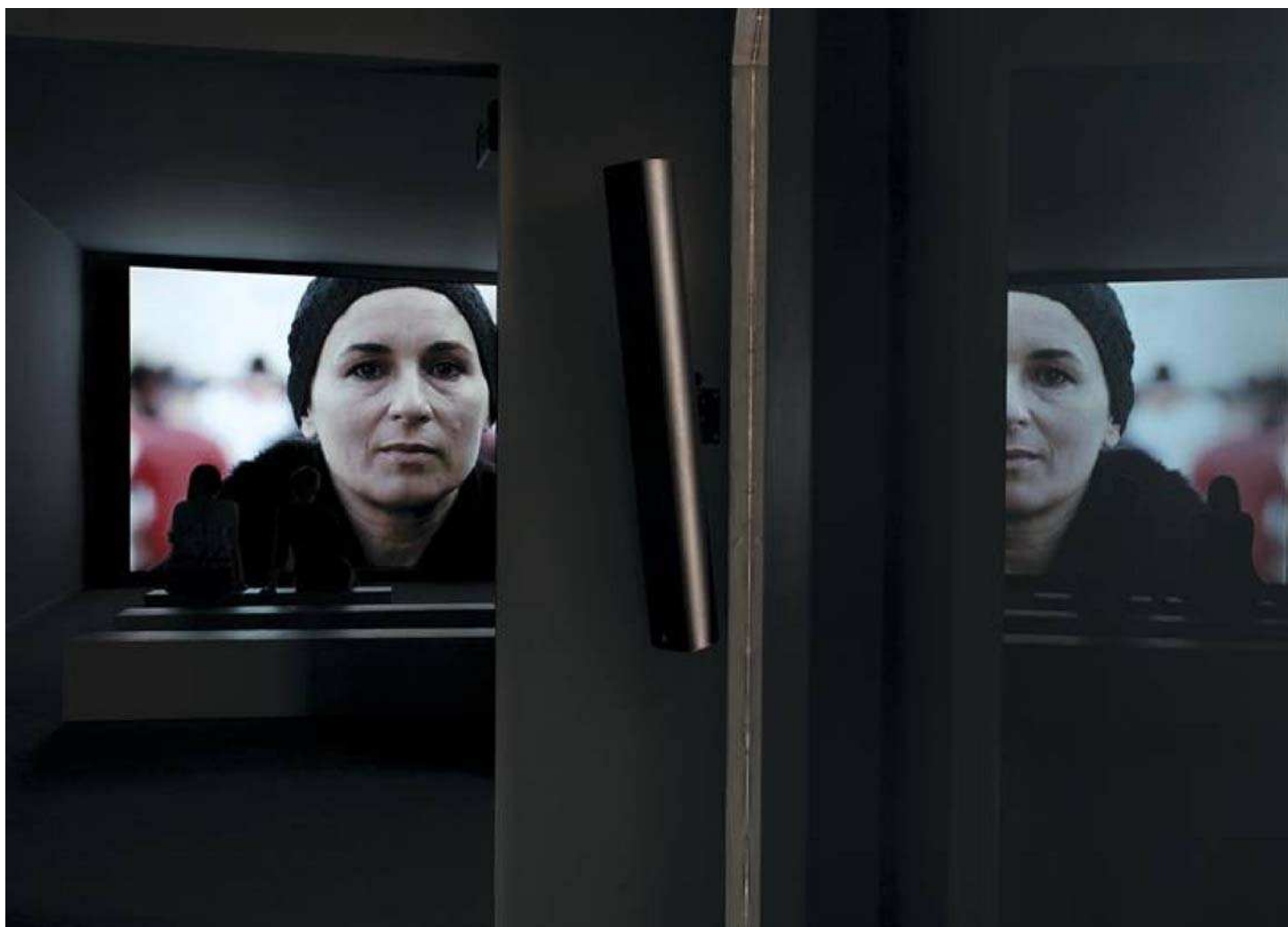
*Ï ĩ ĩõëãĭ ĩ ëãðõà Áãĭõëò ðããã, ãããã 42, Áãĭò äã ðãããé Ĩãòãĭ, ãããã 6, Ĩëðëéé äã ðãããé Ýëëýçãĭ
ãããã 2*

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2011 ХЕШВАН 5772 – 11(235)

БРИТВЫ ИСТОРИИ

Алексей Мокроусов

В конце ноября в Венеции завершается 54-я биеннале, самое известное в мире собрание выставок современного искусства. Среди его главных героев оказались павильоны Израиля и Польши.

54-я аеаі і аеа ііааі аі і іаі еіеаііаа а Ааі аеае.

2011 аа

Вуеі Ааааі а

Оааі аі о аеааі і оіаеа «...е Аааі і а аааа о і і о аіаі а».

І ааеііі І іеіае

Àí àdàé Ì fí ànò ù òrèèé.

Ì àdù è àíí àbèáí réeá ñàè — ódàà àí ò èí òdàéyòèè á fàí fí èç càéíá í ààèéùí á Dì ñèè

Венецианская биеннале знала разные периоды в своей более чем столетней истории. Начинаясь как попытка вдохнуть современность в город, где понемногу затухала жизнь, биеннале становилась то символом упадка искусства, то концентрацией всего самого нового и экспериментального. При Муссолини итальянские музеи закупили здесь Дейнеку, а после войны в Венеции расцветал мировой авангард. В итоге тот переместился на «Документу» в немецкий Кассель, зато Венеции достались модные толпы и блеск.

Сама структура биеннале способствует, казалось бы, расцветанию ста цветов: есть главная выставка, которую делает приглашенный куратор, а есть национальные павильоны, где каждый стремится оказаться впереди существующих тенденций. Самые старые участники биеннале, включая Россию (ее павильон построил в 1914 году академик Алексей Щусев, автор Казанского вокзала и Мавзолея на Красной площади), находятся в саду Джардини. Те же, кто присоединился к мировому арт-смотру недавно, располагаются, как правило, в палаццо или в обычных жилых домах на островах лагуны. Число новоприбывших увеличивается с каждым годом. Если в первой выставке в 1895-м участвовало всего 16 стран, то в нынешней — 89.

В последнее время биеннале переживает состояния, близкие к диагнозам мировой экономики: бросает то в жар, то в холод. Влияние арт-рынка сказывается на решениях куратора. В этом году главная выставка, «ILLUMInazioni» («ИЛЛЮМИнации»), подготовленная швейцаркой Биче Куригер (она была среди учредителей знаменитого журнала по искусству «Parquett»), открывалась тремя огромными

полотнами Тинторетто. Правда, классика не помогла выставке обрести внутреннюю стройность и обнаружить связи между отдельными экспонатами. Гораздо интереснее оказались национальные павильоны. Так, греки, в полном соответствии с состоянием госбюджета, впали в минимализм, ограничившись водой и светом посреди голых стен (в итоге проект «По ту сторону реформ» Диоханди получился красивым), сербы показали внушительную инсталляцию Драголюб Раша Тодосиевича на темы истории, с бочками и свастиками. А швейцарцы представили огромный «Кристалл сопротивления» Томаса Хиршхорна, заполонившего весь павильон разнообразным мусором человечества. Найденные предметы — важнейшая часть эстетики современного искусства, иногда они позволяют сохранить связь между воображаемым и реальным.

Русский павильон, курируемый Борисом Гройсом (комиссар — Стелла Кесаева из «Stella Art Foundation»), представил новую работу Андрея Монастырского, а также архив акций группы «Коллективные действия», в которых начиная с 1970-х годов участвовали многие знаменитости нон-конформистского искусства советской поры, от Елены Елагиной и Игоря Макаревича до Юрия Альберта и Льва Рубинштейна. Непонятно, насколько западный зритель способен считывать подробности советской эпохи, но павильон понравился многим, его авторы говорят на общем с мировым искусством языке.

Ñěãëèò Èáí ääó

Òðãã áí ò àèããí ðíãèò à «One man's floor is another man's feelings».

Ï äãëüí Ëçðãëëü

ΘÍ ΘΒÈÈ È Ì ÎÑÒÛ

Израиль представил проект 42-летней художницы из Тель-Авива Сигалит Ландау. В свое время она прославилась видео, на котором крутит на берегу Мертвого моря хулахуп из колючей проволоки, — очевидная аллюзия на отношения израильтян и палестинцев. Политические взгляды Ландау вызывают раздражение у многих ее соотечественников, что естественно для автора, словно канатоходец прогуливающегося по острозаточенной бритве истории. Это не мешает ей оставаться одним из крупнейших художников Израиля. Ее персональная выставка уже прошла в нью-йоркском Музее современного искусства, ее работы выставляли в парижском Центре Помпиду и мадридском Музее королевы Софии, а количеству присужденных ей призов и наград удивится любой коллега.

В Венеции Ландау показывает три инсталляции и видеоработы, посвященные теме коммуникации в современном мире, — на уровне коммуникаций между народами. Так, в работе с труднопереводимым названием «One man's floor is another man's feelings» (видимо, обыгрывается английская пословица «Что для одного пол, для другого — крыша», то есть название работы можно перевести как «Пол для одного — душа для другого») она создает сложную комбинацию из труб, внутри которых продуцируется вода. Другая ее идея связана со строительством соляного моста через Мертвое море между Израилем и Иорданией. Мертвое море занимает важнейшее место в космологии Ландау, художник много времени тратит на его продвижение на всемирном интернет-конкурсе, посвященном выбору новых семи чудес природы.

В итоге павильон выглядит мини-ретроспективой Ландау, где царит идея диалога всего и вся. Политический диалог занимает здесь не последнее место: не зря в одном из фильмов мальчишки непрерывно чертят на песке линии, символизирующие границы, а в финальном видео выставки сидящая под столом девочка связывает вместе шнурки от ботинок взрослых людей, ведущих за этим самым столом какие-то переговоры.

Νεῦνέεο Ἐἰί ἄἰό «Water Meter Tree». Ἰ ἄἰεῦῖῖ Ἐῆῆἄεῦῦ

Νεῦνέεο Ἐἰί ἄἰό «Diatēfīātāy nōū». Ἰ ἄἰεῦῖῖ Ἐῆῆἄεῦῦ

ΑΥΑΘΕΑ ΝΙΝΑΑΕ, ΝΟΔΑΟ Ε ΕΕΙ ΙΙ Ε΄΄ Ι ΕΑ

Сигалит Ландау училась в Бецалель — Иерусалимской академии искусства и дизайна, как и Яэль Бартана, ставшая главным и единственным художником польского павильона. Ее видеотрилогия «...и Европа будет потрясена» оказалась одним из важнейших событий в Венеции. Даже Борис Гройс, который считает, что биеннале в целом «эволюционирует в сторону привилегированного массового развлечения», отметил польский павильон.

Бартана разворачивает в трех фильмах масштабную историю современного политика, ратующего за еврейское возрождение в Европе и призывающего евреев вернуться в Польшу. Роль политика — а фактически самого себя — сыграл Славомир Щираковский, возглавляющий в Польше левое движение «Политическая критика». Мало того что Щираковский произносит собственные тексты (в фильме так поступают и другие персонажи, например политический журналист Ярон Лондон), так он еще и решился на мужественный ход как актер: одна из частей трилогии называется «Убийство», и в ней показаны сцены похорон убитого политика, напомнившего полякам об их исторической вине. Похороны проходят в помпезном здании Дворца культуры и техники, некогда построенном в Варшаве по образцу сталинских высоток в Москве, — многозначный символ, отсылающий к ампиру эпохи диктатуры, обозначающему и архитектурный стиль, и годовые кольца времени.

Νεάεεο Εάίάα «Οίόεε». Ιάαεείι Ι Εφάεε΄΄

После публикации на польском языке книг живущего ныне в Америке Яна Гросса «Соседи» (о погроме в польском городке Едвабно летом 1941 года) и «Страх», посвященной послевоенным погромам в Польше и неизбежному, на взгляд Гросса, антисемитизму поляков, эта тема наконец-то покинула давящую зону молчания. Правда, развернувшуюся дискуссию мирной не назовешь: слишком многих тезисы Гросса задели за живое. Не менее провокационной, чем его книги, выглядит и трилогия Бартаны, ставящей сложнейшие вопросы об исторической памяти, генезисе нации и некогда многонациональных моногосударств сегодня.

Поляки безбоязненно работают с этими сложными темами. Один из фильмов трилогии, «Убийство», они показали в сентябре на Московской биеннале современного искусства. Это выглядело жестом не менее впечатляющим, чем привоз весной на «Золотую маску» спектакля Кшиштофа Варликовского «(А)поллония», посвященного Холокосту в Польше (см.: Лехаим. 2011. № 5). Спектакль тогда до такой степени впечатлил отвыкшую от публичных дебатов об истории публику, что кто-то из зрителей даже заявил, что на территории России не было гетто и потому вся эта тематика не касается

россиян. Интересно, примет ли кто из россиян участие летом 2012 года в работе конгресса, который собирается провести перед Берлинской биеннале современного искусства связанное с видеотрилогией Яэль Бартаны «Движение за еврейское возрождение в Польше» («The Jewish Renaissance Movement in Poland, JRMiP»)? Записаться в это движение можно на выходе из польского павильона.

Ἐὰν δὲ ἐξ ὁμοῦν ἂ «Ὁμοῦν ὁ αἶ», αἶ ὁμοῦν ἂ ἁῖαἶ ὁ δὲ εἶτ᾽ ἁρ «... ἔ Ἀαἶ ἰ ἂ ἁῖαἶ ἰ ἰ ὁ ὄγῖαἶ ἂ».

Ἰαῖ ἔἱτ᾽ ἂ Ἰ ἔῦ ἁἶ ὁ αἶ ἂ

Ἰ ἂ ἁῖ ἔῦ ἰ Ἰ ἔῦ ἁῖ

Своим монументальным фильмом, порой изощренно-гротескным, порой мрачным и чуть ли не циничным, Бартана напоминает, что нет в мире вещей, не связанных друг с другом. Поначалу может казаться, что только аукнулось и так никогда и не откликнулось. Но отклик звучит всегда. Другое дело, он возникнет не сразу, но рано или поздно достигнет детей либо внуков.

ЕЩЁ ПОСМОТРИМ

אַאַעוואַדאַאיַ וַביַ עיַ. אַדוֹעאַו

יַ אַדעַע, יַ וְסאַעַ אַאדאַענַעיאַיַ ענַעוֹנַנֹאאַ עַ ענֹוֹיַ דעַע

איַ 5.02

Трудно найти в XX веке другого философа, при жизни не получившего академического признания и оказавшегося таким важным для гуманитарной мысли после своей смерти.

Вальтер Беньямин (1892–1940) успел закончить немного текстов, еще меньше опубликовать, но все они позднее оказались востребованы так, как мало еще чьи работы. Сегодня это едва ли не самый цитируемый автор, к чьим трудам обращаются и историки, и художественные критики. Любая написанная им строчка, любой незавершенный фрагмент (а таких — большинство в его наследии) ценятся на вес золота.

Сегодня архив Беньямина хранится в берлинской Академии искусств, он был передан туда гамбургским фондом по поддержке науки и культуры. На выставке, насчитывающей 13 разделов, показывают документы самого разного рода, от рукописей и записных и телефонных книжек до писем, сделанных Беньямином вырезок из газет и даже билетов. Реконструировать жизнь великого человека — занятие увлекательное и в мелочах. Любопытно, что долгие годы часть наследия Беньямина пылилась в СССР, о чем почти никто не знал. В свое время эти документы сохранило гестапо, вывезшее материалы из последней парижской квартиры философа в Германию (сам Беньямин пытался бежать в Португалию, но не смог перейти франко-испанскую границу и из страха быть выданным немцам покончил жизнь самоубийством). После войны этот архив отправили в Москву, а в 1972 году передали ГДР.

*Фотография из паспорта Вальтера Беньямина.
Около 1928 года. Берлинская академия художеств. Архивы Вальтера Беньямина*

Ἰ ἈΔΕΛΦΕΥΣ Οἴῃ
Ἰ ἸΝΕΑΑ, Αἰ Εὐ Εἰ. Ἀ Ν. Ἰ Οἴῃ

Ἀἶ 20.11

Первая в России выставка таких масштабов посвящена парижской школе — феномену столь же загадочному, сколь и знаменитому. Даже годы ее существования относительны: на одних выставках в названии ставят 1905–1929 годы, на других — 1905–1939-й, в Москве решили сделать 1905–1932-й. Все даты, конечно, условны, еще более условен состав участников. Включать ли в парижскую школу только иностранцев или можно, пусть и немного, французов? В любом случае, основной список имен, связанных с этой школой (конечно, почти всем обязанной городу, в котором она существовала и в честь которого и была названа, а не какому-то определенному течению, разве что букету течений), примерно одинаков. Это прежде всего Модильяни, Ривера, Шагал, Бранкузи, Сутин и еще пара дюжин имен, в свое время знаменитых, а сегодня известных в основном специалистам. Многие из них снимали вместе мастерские на Монмартре и Монпарнасе, приехав в Париж из еврейских местечек Российской империи: Абрахам Минчин, Пинхус Кремень, Моисей Кислинг, Лев Инденбаум, Евгений Зак... Кто-то в начале 1930-х принимал участие в так называемой художественной группе «Числа», организованной вокруг одноименного эмигрантского журнала (1930–1934), устраивавшего множество выставок. «Числа» постоянно писали о «своих» художниках, в роли критиков выступали не профессионалы, но литераторы. Так, поэт и романист Борис Поплавский, рецензируя одну из выставок в Тюильри, особо выделял работы Минчина: «Этот своеобразнейший художник, видимо, ищет каких-то странных, несколько “сюрреальных”, сочетаний, но он приносит с собою своеобразное и новое “видение” Мира, переданное иногда слегка беспорядочной, но яркой и полной “света” живописью, которая очень сложна и заслуживает большого интереса». В Москве показывают два его полотна из частных собраний — «Мост у бульвара Гренель» и «Субботний ангел (Шабат)».

Для выставки отобрали работы не только из частных российских коллекций и самого ГМИИ, в том числе из его запасников, но и из музеев Парижа, включая Центр Помпиду и Музей искусства и истории иудаизма, а также женевского Пти-Пале. Он уже давно и безнадежно закрыт на реконструкцию, но его собрание искусства начала XX века настолько значительно, что без него трудно сделать полноценную выставку.

Моисей Кислинг. Молодая женщина в красном свитере.

1925 год. Музей модерна, Женева

ÁÎÐÈÑ ÆÐÈÁÎÐÛÁÁ

Ï ÎÑÈÁÁ, ÕÐÁÕÛÐÈÎÑÈÁÐ ÁÁÈÁÐÁÐ,

ÁÎ 1311

Популярнейший автор начала XX века, в постсоветскую эпоху Борис Григорьев полюбился сперва интеллигенции, а затем и завсегдатаям аукционных домов. Его первая выставка в новое время прошла в 1989 году не в какой-нибудь из столиц, а в Пскове. Это выглядит логичным для всякого, кто считает, что григорьевский цикл «Расея» — из самых ярких в истории русского искусства попыток сделать коллективный портрет страны. Неудивительно, что в залах в Лаврушинском фрагменты «Расеи» занимают центральное место.

На выставке представлен и Григорьев — театральный художник (довольно посредственный, надо признать, здесь становится понятно, почему Дягилев никогда не привлекал его для работы над спектаклями «Русских сезонов») и Григорьев — портретист. У художника была масса заказов, многие из них он исполнял с ловкостью салонного мэтра, но всегда умудрялся добавить что-то настоящее в свои работы. Среди показанного в Инженерном корпусе Третьяковки — портреты Анны Ефимовны Грилихес, жены известного петербургского врача М. С. Грилихеса (1917), и Якова Львовича Израилевича (1916), завсегдатая театральных кабаре и петербургского героя-любownika (сохранились сведения о его романе с Марией Андреевой и ухаживании за Лилей Брик; он был драчлив). Оба портрета хранятся в Русском музее, а вот «Портрет еврейской девочки» предоставил швейцарский фонд «Seurpherot». Показывают в Москве и григорьевский портрет фотографа Мирона Абрамовича Шерлинга (1880–1958), запечатлевшего в свое время многих известных деятелей культуры.

Борис Григорьев. Портрет А. Е. Грилихес (фрагмент).

1917 год. Русский музей

ÓÈËÛËÌ ÊÁÌ ÒÐÈÄÆ. Ì ÒÛ ÒÁÌ

Ì ÎÑÈÄÀ, ÒÁÌ ÒÐÑÌÄÄÁÌ ÁÌ Í ÎÉ ÊÓËÛÒÓÐÛ «ÃÄÄÆ».

ÄÌ 412

Выставка южноафриканского художника с литовско-еврейскими корнями, совершающая мировое турне (см.: Лехаим. 2010. № 3), неожиданно добралась и до Москвы. По дороге чуть усохла в объемах и не утряслась, но по-прежнему производит сильное впечатление. Кентридж — образцовый пример мастера сегодняшнего дня, совмещающего работу на бумаге с рисованием мультфильмов, создающего увлекательные инсталляции и работающего в театре. Если хочется знать, что такое универсальный художник XXI века, одинаково впечатляющий и в поэзии, и в политических темах, стоит не только посетить выставку, но и приобрести каталог, к которому прилагается DVD-диск с работами художника.

Уильям Кентридж.

Его величество Нос.

Фрагмент инсталляции «Я не я, и лошадь не моя».

2008 год.

Собрание художника.

Courtesy Marian Goodman Gallery, Нью-Йорк;

Goodman Gallery, Йоханнесбург

«ËËÒÁÐÀÒÓÓÐÍ ÎÁ ÎÑËÁÄÑÕÁÎ»
Î ÎÑËÁÀ, ËËÒÁÐÀÒÓÓÐÍ ÛË Î ÓÇÁË
ÄÎ 2011

Знаменитой книжной серии «Литературное наследство» — 80 лет. Она основана в 1931 году по инициативе Ильи Самойловича Зильберштейна (1905–1988). Более сотни вышедших в «Литнаследстве» томов спасли от забвения десятки тысяч архивных документов.

Юбилейная выставка собрала почти две сотни экспонатов. Здесь и живопись (Зильберштейн был известным коллекционером, он создал Музей личных коллекций), и документы. Показаны экземпляры «ЛН», подвергшиеся цензурному вандализму – с вырванными страницами, содержащими «некорректные» тексты. В соответствии с национальной политикой партии запрету регулярно подвергались как семитофильские, так и семитофобские высказывания русских классиков. Цензуру с трудом проходили и дневники врача Л. Н. Толстого Душана Маковицкого, и републикация совместных выступлений в защиту евреев Леонида Андреева и Максима Горького. Отдельным сюжетом выставки в Трубниковском стала неудавшаяся попытка разгрома редакции «ЛН» в 1949 году. Ее готовили одновременно с гонениями на театральных критиков-«космополитов»: многие сотрудники «ЛН» не проходили по «пятому пункту».

И. С. Зильберштейн (фрагмент).

1931 год

«НА НОСУ ОЧКИ, А В ДУШЕ ОСЕНЬ»

Á íáí óyáda á íááíá íòèòíéíy' íáí yòí éé éíááéó ááááéþ daáí óú í íñéíáíéíá íéóéúí ó í ðá ááí ðáéy' óðáí áéyí á

Ááíááó ááááó Áááí éy' Ááðóéíáé÷

Ñéóéúí ó í ð Ááí ðáéé Óðáí áéyí

ÁÁÁÁÍ ÈB ÁÁÐÓÉÍÁÈ × Как возникла идея этого памятника?

ÁÁÍ ÐÁÈÈ ÓÐÁÍ ÁÓÈÉÍ Идея возникла в Одессе, в недрах Всемирного клуба одесситов (ВКО), президентом которого является Михаил Жванецкий, а вице-президентом — Валерий Хаит. Когда в городе появился памятник Ивану Франко, Хаит возмутился: «Почему тогда нет Бабея?» Дело было в феврале 2007 года. ВКО рассмотрел предложение, город дал добро и выделил место на углу Ришельевской и улицы Жуковского, напротив дома, где писатель жил. Объявили международный скульптурный конкурс.

ÁÁ И вы его выиграли...

ГФ Выиграл и, между прочим, посмотрев все двадцать три проекта, присланных на конкурс из России, Германии, Америки и Белоруссии, понял, что выиграл заслуженно. Моя идея сильно отличалась от так называемой юмористическо-прикладной игровой скульптуры, которая болезненно распространяется по миру и в России. Ну, знаете, чтобы сесть эдак рядом с изваянием и «сфоткаться»... Мне этот стег претит. Я сделал более серьезное предложение.

ÁÁ Откуда деньги взяли?

ÁÓ ВКО объявил всенародный сбор средств на памятник, открыли счет, куда стали поступать деньги со всего мира. Решающую сумму внес замечательный человек Олег Платонов. Благодаря ему я приступил к работе. В самом конце помог миллиардер из Америки, бывший одессит Леонид Блаватник. Благодаря его взносу было завершено создание бронзового памятника, его транспортировка и установка. Я бесконечно благодарен всем, кто помогал: Борису Литваку, Виктору Лошаку, Михаилу Швыдкому, Иосифу Райхельгаузу, Юрию Росту, Михаилу Мишину, Борису Жутовскому и многим, многим другим. Только вот треть суммы, куда вошли самые дорогие для всех нас деньги — народные взносы по три—пять долларов, рублей, гривен — видимо, не получу никогда. Клубу одесситов посоветовали перевести их в городской бюджет, а теперь одесское начальство не знает, под каким соусом мне их официально уплатить. Формулировка такая: «Тендера же не было?»

ААС самого начала было решено делать Бабеля сидящим?

ГФ Конечно. Бабель должен был слиться с этим городом, невысоким, двух-трехэтажным, сесть под сенью его роскошных платанов. Он не должен был отрываться от этого города, он плоть от плоти его. Сюда он собирался вернуться, здесь стареть и писать, но не дали. “Пора вернуться в Одессу, снять домик на Ближних Мельницах, сочинять там истории, стариться”, — писал он друзьям. Но это, между прочим, большая мощная скульптура, несоразмерная человеку, высотой в 3,5 метра.

ААПри этом писатель сидит на лестнице?

АОНа ступеньках. Может быть, это порог его дома, а может, Потемкинская лестница. Там, где он сидит, по сути, начинается спуск к морю. Я использовал понижение рельефа, чуть приподнял брусчатку, и получилось, словно волна идет по городу. И при этом как будто выложил кусок старой Одессы: для мощения мне дали старую брусчатку крупного формата. Рядом с фигурой прокатывается бронзовое колесо — колесо судьбы, колесо эйзенштейновской коляски, колесо телег из «Конармии», Бенья Крик... На нем крупными буквами написано: «Исаак Бабель».

ААА Бабель у вас тут в какой момент его жизни?

ГФ Думаю, перед расстрелом. Ему за сорок. Его арестовали в мае 1939 года на даче в Переделкино, повесили обвинение в «антисоветской заговорщической террористической деятельности и шпионаже», 27 января 1940-го расстреляли. Он сидит, немного сутулый, слегка незащищенный, но при этом мощный, с блокнотом в руках, в стареньком костюмчике, грубых ботиночках.

ААВам гениально удались очки.

АОЗнаете, это не очки даже, по сути дела — выражение глаз, состояние грустной застенчивой улыбки. Они работают на образ вместе со зрачками.

АА Живейшее участие в создании памятника, как я слышала, принимали и родственники Бабеля.

АО Да, все они, живущие в Америке, дочь Лидия Исааковна, внук Андрей, все это время поддерживали меня и прилетели на открытие в Одессу. Я успел послать им эскиз памятника, когда была еще жива вдова писателя Антонина Пирожкова. Она умерла на 101-м году жизни, что удивительно, как раз в тот день и час, когда я начал лепить большую вещь. Мы подсчитали с внуком Бабеля: лепить я начал в 12 часов дня, она умерла в четыре часа ночи. Отнимая разницу во времени — восемь часов, получаем ровно то самое время. Как хотите, так к этому и относитесь. Так вот, когда был готов эскиз, от родственников пришло письмо, написанное прекрасным языком, в котором они полностью одобряли проект. Единственным пожеланием было чуть-чуть убрать грусть и добавить Бабелю улыбки, что я и сделал. Но при этом он остался грустным, конечно.

ААПамятник открыли 4 сентября 2011 года. Это было приурочено к какой-нибудь дате?

АОК сожалению, к юбилею — в 2009 году было 115-летие со дня рождения Исаака Бабеля — открыть памятник мы не успели. И к 70-летию гибели не вышло. В общем, без даты.

ААСами вы довольны работой?

АОПамятник получился. Лично я доволен, что со мной не часто бывает. Обычно свои вещи смотреть не люблю, а в Одессу хочется возвращаться. Мне кажется, этим памятником я присвоил себе Одессу, во всяком случае, получил сюда какой-то пропуск на неограниченный срок. Но главное, что одесситы счастливы. А ведь одесситам, как известно, невозможно угодить.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

Майя Волчек

Ефим Александров любит «близко к тексту» цитировать Шолом-Алейхема: мол, какой музыкант из местечка не мечтает сыграть с симфоническим оркестром? Он сам — живое подтверждение этих слов: выходец из местечка Подволочиск 10 лет назад затеял музыкальный проект «Песни еврейского местечка». Теперь на носу уже юбилейный концерт с симфоническим оркестром, джазовыми музыкантами и известным танцевальным коллективом. Мечты сбылись?

Аוֹעִי אֶעֱרֵא אֹרְאָה

— На самом деле идее «Песен еврейских местечек» лет 20 как минимум. Еще в начале 1990-х, когда я работал в Театре Владимира Винокура, мы на гастролях в Австралии придумали такой номер: выходит «артист из Биробиджана» и «по заказу общества “Память”» исполняет песню на идише. Этот эксперимент вызвал такой фурор — в Австралии очень много бывших наших людей, — что нас тут же пригласили на следующие гастроли через полгода. Тогда я подготовил уже цикл еврейских песен — принимали на ура. И дальше мы повезли эту программу в Америку, в Европу... Дошло до того, что мне, молодому артисту, Винокур дал отделение в своем спектакле — целое отделение еврейских песен! В России мы себе такого позволить, конечно, не могли. Я и сегодня благодарен Владимиру Винокуру за доверие и помощь. Мы дружим до сих пор, я считаю его одним из тех, кто стоял у истоков моих «Еврейских песен». А десять лет назад я встретил Яна Ашкиназия. Нас познакомил замечательный музыкант Левон Оганезов, мы разговорились, и я рассказал Яну о своей идее. Он говорит: «Здорово! А что, если это сыграет большой симфонический оркестр?» И сыграл-таки! Так что десятилетие — это отсчет от того момента, когда Ян Михайлович включил наш проект в свои планы на жизнь. Ну и от премьеры, разумеется. Она, кстати, прошла в Новой опере. Это была презентация альбома «Песни еврейского местечка», но оформлена она была как театральное действо, с сопровождением симфонического оркестра, с декорациями... После показа концерта по международным телеканалам мы получали письма со всего мира. И поняли: слава Б-гу, это нужно людям.

С тех пор Александров записал себе в актив несколько дисков, два фильма, уйму гастролов. Выпускник ГИТИСа, он любит называть свои концерты театральным действом. «Из любви к театру и в противовес шоу-бизнесу», — объясняет он. На вопрос, какая манера исполнения ему ближе — академическая, как у знаменитого кантора Йозефа Маловани, или эстрадная, утесовская, он прямого ответа не дает, но с грустью вспоминает недавно ушедшего аранжировщика Юрия Якушева, работавшего с Магомаевым, с оркестром Силантьева, — «Еврейские песни» все 10 лет аранжировались только им. Возможно, это означает, что ближе тот, кто, как в фильме «Волга-Волга», и так и так может. А может, дело в том, что манера исполнения самого Александрова лежит аккурат посередине между кантором и

эстрадником — поставленный сильный голос (в Федерации еврейских общин его называют «наш Паваротти») и репертуар, мало подходящий для синагоги, но для мирской жизни — самое то.

— Идиш уже занесен в Красную книгу исчезающих языков! Но прелесть музыкального проекта в том, что необязательно понимать язык, чтобы песня «зацепила». Я мало верю в то, что сегодня может развиваться современная литература на идише. Да, есть домашние поэты. Мой папа писал стихи на этом языке... Но в целом язык уходит. Один китайский мыслитель сказал, что нет ничего более вечного, чем мертвый язык. Песня же — один из тех островков, на которых идиш может сохраняться. На сербском говорит народу явно не больше, чем на идише. Но сербские мелодии Бреговича стали популярными благодаря прекрасным фильмам Кустурицы. К сожалению, кинорежиссера его уровня, который бы сделал фильм с еврейской музыкой, пока нет. А театральный — есть. Видели «Вишневый сад» у Марка Захарова? Раневская кричит: «Я хочу еврейский ансамбль!» И как они дали это! Весь зал в конце номера взрывается! Так что потенциал у еврейской народной музыки огромный. Мелодии-то исполняют все, от Сантаны до «Army of Lovers». Просто из нашей страны эти песни были насильно выкорчеваны. Но они прорывались обратно — вместе с голосами сестер Берри и их концертом в СССР в 1959 году, их дисками, которые везли моряки из-за границы. И в местечках эти песни пелись — передавались от деда к внуку.

Я сам родом из еврейского местечка советской поры. Я это еще застал. И новые песни в это время стали появляться — на русском уже. После того как отменили черту оседлости, многие еврейские музыканты ринулись в большие города и стали играть в ресторанах, на свадьбах... И Утесов на этом вырос. У нас в новой программе много отсылок к нему. Например, знаменитый «Дядя Эля» — измененная старинная еврейская песня о легендарном хасидском раввине — рабби Элимелехе. Все тогда испугались, что советская цензура «просечет фишку» и последуют неприятности. Утесов очень тревожился по этому поводу. Обошлось. Но вы только представьте, что значила для евреев эта песня в те времена! Я жил на Западной Украине, когда там цвел махровый бытовой антисемитизм. И сейчас, когда выступаю на радио за границей, часто раздаются звонки от бывших земляков: «Нэвжэ у нас такэ було?» Было, ребята. Помню, в нашем Подволочиске на каком-то советском празднике в самодеятельном концерте выступал адвокат, читал «Бабий Яр» Евтушенко: «Еврейской крови нет в моей крови...» Но адвокат как раз был евреем! А из украинской самодеятельности никто Евтушенко не читал. Я, помню, тогда еще совсем мальчишка, голову ломал: почему?

У «советской» программы Александрова очень вкусное название — «Запрещенные песни из той еще жизни». Наверное, это будет самый коммерческий из его проектов — у русскоязычной публики впервые появится возможность не только пританцовывать, но и подпевать. Хотя завести зал «Песнями еврейского местечка» в принципе не проблема. Вне зависимости от статуса зрителей.

— Год назад давали концерт в Екатеринбурге, так нам говорят: губернатор уедет через 20 минут после начала. Сокращайте первое отделение. И вдруг — губернатор остается до конца! И в финале вместе с залом аплодирует стоя. Впервые за всю историю подобных мероприятий, как мне рассказал екатеринбургский раввин. Я сейчас внес в репертуар так называемые песни еврейских местечек советской поры, на русском языке. Одесские, свадебные, дворовые — озорные — так называемый городской фольклор. Это наши русско-еврейские песни, они родились здесь. И хотя в подавляющем большинстве они были запрещены на официальной эстраде, их всё же знали и любили миллионы советских людей. А идишская музыка настолько переплетена с русской, украинской, молдавской, цыганской... Мы все варились в этом котле. Память возвращается иногда на уровне подсознания. Недавно на наш концерт пришел один известный московский доктор — и на веселой песне «Чири-бом» заплакал. Потом рассказал, что вспомнил деда, как тот на кухне картошку чистил и эту песню напевал.

Казалось бы, один из самых сложных вопросов, когда речь заходит о фольклорной песне вообще и о запрещенном фольклоре в частности, — где брать материал? Однако, как выяснилось, с поиском репертуара у Александрова проблем практически нет.

— О, мне присылают песни отовсюду! Были невероятные истории. Например, в Израиле звонят утром в номер гостиницы: «К вам пришли». Выхожу — стоят человек двадцать. Дети, взрослые... Говорят: «Отец не дождался вашего концерта, но просил передать вам все свои записи». И отдают... чемодан! Много песен я слышал в детстве, что-то узнал от отца. Для меня, кстати, песни местечка — не только еврейские. Мои родители пели еврейские, русские, украинские и польские песни. Это тоже песни местечка моего детства. Поэтому на юбилейном концерте мы будем петь на разных языках. Откуда у меня идиш? Родители разговаривали. Я его в детстве неплохо ловил, потом хуже. Но мы долго работали с Марией Ефимовной Котляровой, актрисой легендарного ГОСЕТА, так что теперешний мой идиш — от нее.

Гастролирует Александров в основном по ближнему зарубежью, но очень любит публику из местечек бывшего СССР. Тех, с кем вырос, для кого эти песни — глоток счастья и, на уровне подсознания, по привычке, все еще запретный плод.

— Недавно я дал концерт в Славуте — небольшом городке на Хмельничине. Технические возможности зала на нуле. Я вообще терпеть не могу «караошные» концерты, но тут отказать не мог. В зале сидело человек сто, но такие зрители стоят трех «Олимпий». Надо было их видеть — это уходящая натура, конечно, но совершенно прекрасная!

ЧЕЛОВЕК-ЛЕЙБЛ

Борис Барабанов

В 2011 году отметила свое 30-летие рекорд-компания «Tommy Boy», одна из первых студий, пропагандировавших стиль «хип-хоп», который в наши дни стал практически синонимом слова «поп-музыка». К юбилею основатель компании Том Сильверман издал собрание синглов «Tommy Boy» и показал шоу «История хип-хопа», премьеры которого состоялась на джазовом фестивале в Монтрё.

Основатель «Tommy Boy» Том Сильверман, издававший «De La Soul», «House Of Pain», «Digital Underground», Эверласта, Кулио и Куин Латифу, человек, который на пять тысяч отцовских долларов ухитрился дать толчок целой отрасли индустрии развлечений и стиля, давно продал каталог своей компании. А теперь в честь юбилея взялся за реанимацию легенды — выпустил юбилейные синглы на 12 CD, куда вошли все самые важные песни стиля, включая главную — «Planet Rock» Африки Бамбааты, и представил новое шоу. В рассказанной Томом Сильверманом «Истории хип-хопа» выступления легендарных артистов старой школы сопровождалось соответствующим антуражем — битвами танцоров-«би-боев», красавицами на роликах с шикарными «афро», бесценными подборками документального видео и т. д.

Сам Том Сильверман — типичный пример еврейского юноши, который уловил вкус и запах момента в самой опасной части города — в Бронксе, хотя сам рос далеко не «на районе» (а в городке Уайт-Плейнс в четырех милях от Нью-Йорка). Ему было 16 или 17 лет, когда он впервые оказался на дискотеке, где сводили «Kraftwerk», Билли Сквайра, Джеймса Брауна и Serrone, и он был единственным белым в этом месте. Подобные миксы лучше всего удавались диджею Африке Бамбаате, и юный Сильверман решил, что такой человек должен не только сводить чужую музыку, но и издавать собственные пластинки. Имея за плечами опыт диджея на колледж-радио, Том Сильверман занял у родителей 5 тыс. долларов и издал песню «Having Fun» группы «Cotton Candy». Выручки от продажи первого сингла человеку-лейблу, управлявшему бизнесом из своей спальни, хватило, чтобы вплотную заняться своим кумиром — Африкой Бамбаатой. К середине 1980-х в хип-хопе фактически целиком заправляли два молодых еврея — Том Сильверман («Tommy Boy»: Африка Бамбаата и др.) и Рик Рубин («Def Jam»: Эл Эл Кул Джей, «Run DMC», «Beastie Boys»).

Òrì Nèèúáàdì àí

ÁÍ DÈÑ ÁÀDÁÁÍ ÍÁ Говорят, история хип-хопа началась с того, что юный Африка Бамбаата попал на сходку бронкских гангстеров, заключивших перемирие.

ÒÍÌ NÈÈÚÁÀDÌ ÀÍ Если у тебя нет будущего, это освобождает. Если нет будущего — ты можешь пробовать что хочешь. Хочешь — танцуй брейк, хочешь — рисуй граффити. Эти ребята не парились на тему «если не окончишь школу, не найдешь работу». Они по-любому не рассчитывали получить работу, и никто не думал о колледже — из них мало кто и школу-то толком окончил. Особенно это касалось тех, кто состоял в бандах. В 1971 году между бандами было заключено перемирие, но они по-прежнему оставались бандами. Первое настоящее хип-хоп-шоу состоялось спустя два года после этого съезда братков, это был концерт человека по имени Кул Херк. Можно вести отсчет хип-хопа от этой вечеринки, Африка Бамбаата стал крутить пластинки только в 1976-м, когда уже всю гремело диско. Черные ребята сразу врубались в диско. То, что по форме уже было хип-хопом, они часто называли «диско», потому что «диско» — это было круче. Так продолжалось до 1979 года, пока не появилась песня «The Sugarhill Gang» «Rappers Delight», официально признанная первым хип-хоповым хитом. Потребовалось восемь лет, чтобы хип-хоп стало возможным купить в магазине на пластинке и услышать по радио. Словом «рэп» это никто не называл. Просто популярная песенка, что-то свеженькое. Важнее было то, что в Бронкс стала стекаться молодежь из других районов Нью-Йорка, чтобы посмотреть на то, у чего даже не было названия. Одним из тех, кто все понял первым, был Принс Пол. Он нашел в трущобах Лонг-Айленда группу «De La Soul» и позднее привел ее на «Tommy Boy». Вот примерно так выглядело начало. В среде белых жителей Нью-Йорка хип-хоп раньше других просекли молодые художники. Где-то в 1981–1982 годах граффити и брейк-данс стали модными фишками в арт-среде. О хип-хопе стала писать «The Village Voice», потом другие газеты. Это было что-то с самого переднего края.

Àòdèèà Ààì àààòà (á óáí òdà) í à óáíòèèèèà «GLC's Rap Attack Festival».

Òíó-òààòò

Èíí àíí. Ì àdò 1985 ààà

ББ Для белой молодежи хип-хоп стал очередной формой протеста?

ТС Не в той степени, в какой ею были тяжелый рок или панк-рок, которые было легко взять на вооружение, чтобы продемонстрировать свое пренебрежение ценностями родителей. Хип-хоп для этого не очень подходил. Родители для этого слишком любили музыку с лейбла «Motown», слишком любили Дайану Росс. На этой почве с ними можно было скорее найти общий язык. Хип-хоп, конечно, быстро привлек внимание MTV, и первопроходцами были Эл Эл Кул Джей и «Run DMC», в особенности трек «Run DMC» и «Aerosmith» «Walk This Way». Альбом «De La Soul» «3 Feet High and Rising» (1989), музыка, сделанная в часе езды от Манхэттена, — вот это уже тянуло на новую субкультуру, в которую могли влиться белые. Когда мой лейбл «Tommy Boy» выпускал «3 Feet High and Rising», это был абсолютно независимый релиз. «De La Soul» даже внешне были больше похожи на хиппи, чем на рэперов. Ребята из колледжей легче узнавали в них себя. «De La Soul» и «A Tribe Called Quest» совершили окончательный прорыв за пределы темнокожей аудитории. Белые рэперы из «House Of Pain» вышли из среды ирландских иммигрантов, в музыке «Cypress Hill» был отчетливый след латино. Между 1979 и 1989 годами хип-хоп рос и развивался органично, сам по себе, и это задолго до появления Интернета. «Run DMC», «Naughty By Nature», Африка Бамбаата, Эрик Би и Рахим — все эти люди прекрасно себя чувствовали без всяких менеджеров по артистам и репертуару, которые могли бы навязать им продюсера. Помимо скейтбординга и брейк-данса, к хип-хопу потянулись другие экстремальные виды спорта, которые не имели вообще никаких национальных черт.

ББ Меня всегда интересовало, где был тот момент, когда вместо символов бедности вроде простых спортивных штанов, кроссовок и панам отличительной чертой хип-хоп-культуры стали золото, сленг наркочилеров и дорогие авто? Когда все перевернулось?

ТС Может быть, первыми были Эрик Би и Рахим. С их первых альбомов начинается золотая эра хип-хопа. Это 1987—1988 годы. Все, что происходило в предшествующее десятилетие, было крайне интересно с музыкальной точки зрения. Каждый из пионеров хип-хопа делал скачок в миллион миль по сравнению с предшественником. Эксперимент был отличительной чертой хип-хопа. Поэтому я с такой теплотой вспоминаю времена независимости «Tommy Boy». Она помогала нам быть гибкими, острее реагировать на изменения в музыке. Примерно с середины 1980-х хип-хоперов стали подписывать мейджор-лейблы, и главной фигурой в творческом процессе стал продюсер. Первым рэпером, который не крутил пластинки, был Снуп Догг. За него все делал Доктор Дре, ему нужно было только читать. До этого главным в хип-хопе был человек, который сводит пластинки на вечеринке, а эм-си был вторым, если не третьим — после танцора. Когда продюсер с золотой цепью на шее стал главной фигурой, наш бизнес мгновенно стал более затратным. Риска стало больше, шансов победить в конкуренции меньше. «De La Soul» раньше могли записать альбом за 28 тыс. долларов и продать его миллионным тиражом. Даже сорокопятки были прибыльным делом. Когда пришло время мейджоров, независимые компании не могли противопоставить им ни денег, ни медийных возможностей. Маленькие компании не могли подписывать миллионные чеки за услуги продюсеров и пиарщиков, они просто продавали свои каталоги мейджорам. Поначалу я пытался лично обзванивать радиостанции, чтобы мои синглы ставили в эфир, но со временем это становилось все сложнее, потому что мне приходилось конкурировать с целыми командами, работавшими на мейджорах. К середине 1990-х бизнес независимых компаний, таких, как «Profile», «Select», «Tommy Boy», практически сошел на нет. Чтобы родилась музыка, нужен инкубационный период, нужны девять месяцев беременности, но у мейджоров нет этих девяти месяцев. Для того чтобы появился трек «Rappers Delight», потребовалось семь лет беременности. Когда мейджоры скупили независимые компании, они практически убили их, потому что в новых условиях лейблы не могли развиваться органично. Когда в Пуэрто-Рико появился стиль «реггетон», «Universal» скупил все группы, игравшие реггетон, и убил эту музыку за два года. Примерно так же они обошлись с музыкальной сценой Балтимора. Если бы мейджоры скупили хип-хоп в 1979 году, нам не о чем было бы сегодня разговаривать. Сейчас треки делаются только с расчетом на первую десятку радиостанций. В старые времена мы вообще не думали о радио. Хотя, конечно, были рады, если песни попадали на радио.

ББ Кому сейчас принадлежит каталог «Tommy Boy»?

ТС Все исходные пленки, все «мастера» принадлежат «Warner Bros. Publisher — Warner Chappel». У всех артистов, за исключением «De La Soul», сейчас нет контрактов. Кое-кто из них занимается изданием своих песен самостоятельно.

ББ Зачем вы затеяли шоу в честь 30-летия «Tommy Boy»?

ТС Как сказал Африка Бамбаата, люди не знают истории. Для меня это чудо — то, что жанр до сих пор жив, а по мнению многих, более важен, чем рок-н-ролл. Уж для черной молодежи точно. В следующем году мы хотим провезти это шоу по всей Европе, дать 30 или 50 концертов.

ББ Судя по тому, что после долгих пауз в строй вернулись Грандмастер Флэш и Гил Скотт-Херон, к сожалению, покойный, нас ждет волна хип-хоповых камбэков, похожих на то, что происходит в роке.

ТС Вряд ли. Есть разница. «Blondie» или «Aerosmith» могут легко собрать десять тысяч зрителей. У звезд старого хип-хопа никогда не было таких больших аудиторий. Да, сейчас Эминем или Джей-За могут играть перед стадионами, но рэперы старой школы не успели набрать столько поклонников. Они не наработали саму школу живых выступлений, которая нужна, чтобы собирать такие площадки. Если какая-то из старых групп вернется с большим хитом, то можно о чем-то говорить. Но я пока не вижу, кто это мог бы быть.

ББ Может быть, «Beastie Boys»?

ТС Может быть, если у них у всех все будет в порядке со здоровьем. Их последний альбом крутой, но его не продвигают как следует, его нет на радио. У хип-хоперов нет еще одной вещи, необходимой для камбэка, — у них нет таких мощных менеджеров, как у рок-групп, которые «возвращаются из забвения». Когда Эверласт стал после большой паузы гастролировать с «House Of Pain», группа стала еще сильнее, чем была в начале. Это единственный пример, когда рэпер переродился в рокера, и это единственный пример рэпера старой школы, которого стабильно сопровождает коммерческий успех. Но даже у рокеров дела с новой музыкой идут неважно. Они продают стадионы, но не в состоянии заработать «золото» для своих новых альбомов. Даже такие титаны, как Пол Маккартни и «The Rolling Stones». Что уж говорить о рэперах. Но если нам действительно удастся собрать dream team для гастролей, включая, например, «De La Soul», мы сможем собирать десятитысячные площадки. Нужно будет, конечно, поработать над тем, чтобы сценография выглядела актуально. Как у Леди Гаги.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

А́еа́и à А́оа́аа́а

О́ІО́А

О́АА́ОД́ІА́О́Е́Е́
Д́А́Е́Е́Н́Н́А́Д́О́О́О́А́І́ Е́І́ А́І́ О́О́А́Е́І́ І́А́

Е́нн́а́е́ А́а́о́а́а́е́н́ Çе́І́ а́а́д́ — а́и́ а́д́е́е́а́и́ н́е́е́е́ і́ е́нн́о́а́е́у́, е́а́о́д́а́а́о́ І́ і́а́а́е́а́а́е́і́е́ і́о́а́и́ е́е́, а́пф́ а́е́çі́и́ і́ е́нн́а́о́е́е́ і́а́ е́а́е́о́а́, «і́ о́а́д́і́ е́ н́е́д́і́ і́ і́і́ ју́çі́е́а́ çа́и́ о́а́а́ і́ і́а́а́, і́а́і́а́е́і́ і́а́ о́а́д́у́р́а́а́а́ і́а́а́а́éа́ú -а́е́і́а́éá», — н́о́а́і́ і́а́éóíу́ а́éу́ і́ н́éі́áéі́é н́о́а́і́ú -oóúéé і́а́ nа́í úí óáíád́óóád́íúí ááóíd́í.

Наши театры привлекает вовсе не библейское повествование Зингера, где обросшая житейскими подробностями история ни на мгновение не перестает быть притчей, где любое выяснение отношений есть выяснение отношений с Б-гом, где сквозь каждое происшествие проступает судьба и героя, и рода его. Театры азартно выискивают в его текстах мелодраматические сюжеты, смачно и с юмором описанные любовные треугольники, четырехугольники и прочие многогранники. Его героев — обычных, вроде бы узнаваемых людей, легко примеряемых на себя, но так колоритно выписанных, — любят играть актеры. И если режиссеру хватает таланта и мастерства, спектакли получаются живыми, человечными и трогающими любого зрителя. Хитом прошлого сезона стала премьера Евгения Арье в «Современнике» «Враги: история любви». В начале нынешнего сезона Театр Наций выпустил постановку молодого режиссера Туфана Имамутдинова «Шоша».

В камерном пространстве малой сцены и помину нет от Крохмальной улицы еврейского квартальчика Варшавы 1930-х годов. Спектакль напрочь лишен быта, так вкусно описанного Зингером. Огромный круглый стол, застеленный скатертью. И только появление на нем старой чашки взамен пары фужеров дает знать, что место действия изменилось (сценография Тимофея Рябушинского). Большая история, вьезшаяся в каждую строку романа, — зажатая между Сталиным и Гитлером Польша, грядущий Холокост — в спектакле живет лишь тенью неясной еще угрозы. Еврейский колорит, который обычно на сцене оборачивается пошлой «одессятиной», исчерпан чутким аккомпанементом ансамбля «Klezmasters», с музыкой которого актеры общаются как с еще одним участником событий. Молодой режиссер не стал спекулировать приемами и темами, за которые многие могли бы простить любые огрехи начинающего. Он рассказал о том, что его зацепило лично: о первой любви, о первых попытках творческого самоопределения. Рассказал просто и искренне. И главное, очень точно нашел актеров, через которых повел свой рассказ. В основном это родные ему выпускники двух поколений мастерской Олега Кудряшова в РАТИ (ГИТИС), которую Имамутдинов сам только что закончил.

Роман Шаляпин играет героя — начинающего писателя Аарона Грейденгера по прозвищу Цуцик — амбициозного юнца, считающего каждый золотый и верящего, что покорит мир. Но первые же шаги в этом «большом» мире, встречи с «властителями дум», соблазны, которым он отдается с любопытством, но без энтузиазма, пробуждают в нем острое чувство потери. Там, откуда он так решительно ушел, осталась его вера и его любовь, его Шоша. Девочка, считавшая его богом. Он не видел ее с детства. И когда он ее снова находит, он находит себя.

Полина Стружкова — удивительная Шоша. Актриса не играет заторможенную в развитии девочку, хотя все время говорит о том, как она не по возрасту мала. Она играет влюбленную, которая будто заморозилась, потеряв любимого, и растаяла при первом же его появлении. Годы без него просто выпали из ее жизни. И сейчас она бросается к нему по-детски безоглядно и по-женски навсегда.

Время и судьба входят в спектакль с первым же появлением на сцене Розы Хайрулиной, приглашенной на роль Баси — матери Шоши. Она играет не хлопотливую еврейскую мамашу, стремящуюся всех накормить, обогреть и поженить, какой она предстает в романе. Ее Бася — трагическая провидица, которая не хочет пугать детей грядущим, а дает им возможность испытать настоящее счастье за тот краткий миг, что отпустило им время.

Спектакль «Шоша» очень юн, прост, не стесняется нежности, не избегает некоторой красоты. Он не претендует на сравнение с романом. Это очень личная, очень своя история. Но зачем выходить на сцену с историями чужими?

СТОЛЕТИЕ ЗАНДЕРЛИНГА

17 сентября в Берлине, не дожив двух дней до 99-летия, умер Курт Зандерлинг.

Дирижеры живут долго — говорят, профессия требует правильного дыхания. Тосканини прожил 90 лет, Стоковский умер в 95, Клемперер — в 88. Зандерлинг в этом списке — рекордсмен не только по возрасту. Он был последним из той эпохи, в которой не принято было солистам становиться за дирижерский пульт, едва научившись давать оркестру ауфтакт.

Профессия, кажущаяся простой (не сбивайся с ритма и показывай вступления), — самая сложная и мистическая в исполнительском искусстве. Отец Рихарда Штрауса, валторнист Мюнхенской оперы, говорил, что, пока дирижер идет от кулисы к пульта, оркестранты уже знают, будут ли они играть под него или сами. Я видел, как дирижеры танцевали за пультом, размахивали шевелюрами — и безрезультатно. И наоборот: оркестр творит чудеса, а Мравинский, сидя, делает скупые пассы руками с неподвижным лицом, Курт Мазур (дай ему Б-г долгих лет!) контактирует с оркестром одной дрожащей кистью, Юрий Аранович ведет музыку выразительными, но экономными жестами.

От Юры Арановича я впервые услышал подробный рассказ о Зандерлинге — в Иерусалиме, в 1992-м. Он назвал Зандерлинга своим учителем, изгнанным из Ленинградской консерватории в начале 1950-х со словами: «Не может здесь преподавать человек, диплом которого подписан Геббельсом!» Не уверен, что было именно так — Аранович был склонен к преувеличениям, но среди биографий Зандерлинга я нашел одну с упоминанием его работы в консерватории.

Курт Игнатьевич (так его называли в Союзе) родился в 1912-м. В 1931-м в 19 лет стал дирижером Берлинской оперы. При Гитлере Зандерлинга увольняют, он становится дирижером оркестра Еврейского культурного фонда. В каждом крупном городе Германии был превосходный оркестр, и во всех с 1933-го существовали оркестры Еврейского фонда — из музыкантов оркестра. После принятия Нюрнбергских законов евреи из страны разбегаются — в том числе в СССР. В Ленинграде главный дирижер — Фриц Штидри, в Москве — Георг Себастьян. Двадцатичетырехлетний Зандерлинг — ассистент Себастьяна в оркестре Московского радио, спустя три года он возглавил Харьковский оркестр. А перед войной стал одним из дирижеров оркестра Ленинградской филармонии. Вторым был Мравинский. Вместе они проработали 19 лет.

Вопрос о возвращении Зандерлинга на родину решался в верхах — маэстро возглавил оркестр Восточного Берлина. Хрущеву и Ульбрихту хотелось воткнуть перо Западноберлинской филармонии и ее шефу Караяну. Зандерлинг руководил оркестром и Дрезденской капеллой. Много гастролировал, в Союз приезжал только в Ленинград. С падением Берлинской стены интерес к Зандерлингу в мире возрос благодаря записям — великолепным комплектам симфоний Бетховена, Брамса и Сибелиуса, фортепьянным концертам Бетховена, интерпретациям Малера... Маэстро был в отменной форме и дирижировал лучшими оркестрами во всех музыкальных столицах до 2002 года, когда в 90 лет в последний раз вышел на сцену.

Я был на его последнем концерте в Израиле, в 1994-м. В первом отделении Наталья Гутман исполняла концерт Дворжака. А потом рассказывала, как с юности мечтала сыграть с Зандерлингом. Вторая симфония Брамса была сдержанной, медленнее привычного темпа. В перерыве между частями послышался шум. Маэстро обернулся вполоборота и выразительно посмотрел в зал. Взгляд дирижера. Можно было начинать.

Àääèì èð Ì àé

ТАТЬЯНА ЛИОЗНОВА:

ОТ «ТРЕХ ТОПОЛЕЙ...» ДО «СЕМНАДЦАТИ МГНОВЕНИЙ...»

29 ηαὶ οὐαδὺ ἂ ἱ ἡβᾶ ὁσῆ ἔς αἰετὶ ἐ βῆ ἰδᾶεῖπᾶδ Ὀαοῦτᾶ Ἐῆτῆτᾶ, ἡτῶαοῶεῖ ἡαὶ ἡὸ «ἰ αὐτᾶ ἡὸ» ἰὸ ἂ: αἰὸ αἰ ἰ ἡὸ ἔαδὸεῖ.

Без сомнения, она была выдающимся режиссером, но даже в ряду первых имен нашего кинематографа Лиознова стоит особняком. Такая обособленность связана, во-первых, с крайне скромным количеством работ — девять картин за 87 лет жизни. Три из них — «Семнадцать мгновений весны», «Три тополя на Плющихе» и «Евдокия» — помнят все. И второе: Лиознова, вероятно, единственный наш режиссер, сочетавший в своем творчестве абсолютную народность с эстетической утонченностью. Причем народность — явно ее сознательный выбор, а эстетическая безупречность — дар, которым Лиознова пользовалась, быть может не до конца его осознавая.

Ей всегда нравилось исследовать сильные характеры, в первую очередь женские. И она умела ценить красоту. Татьяна Дорониная вспоминала, как упорно Татьяна Михайловна уговаривала ее взяться за роль в «Трех тополях...» и как при монтаже выбирала самые выигрышные для нее, Дорониной, ракурсы. И для студенческой работы Лиознова выбрала «Кармен», предложив главную роль сокурснице Инне Макаровой. Та вспоминала, что перед показом Лиознова на последние деньги купила на рынке шикарные луковицы — «для антуражу». А после того как они отыграли сценку, кто-то из маститых режиссеров заметил Лиозновой: «Как вы прекрасно это взяли у Доре!» Лиознова призналась Макаровой, что ни о каких луковицах на гравюре Доре понятия не имела. Так, может быть, впервые наметилось расхождение между тем, что режиссер Лиознова знала, думала, и тем, что имела талант показать.

Татьяна Лиознова родилась в Москве 20 июля 1924 года в семье Моисея (Михаила) Александровича и Иды Израилевны Лиозновых. После школы поступила в Московский авиационный институт, но, проучившись семестр, забрала документы, чтобы поступить во ВГИК. После первого пробного семестра Лиознову едва не отчислили, но она сумела убедить Сергея Герасимова и Тamarу Макарову, в чьей мастерской училась, дать ей еще один шанс. После ВГИКа работала у Герасимова ассистентом. Более 10 лет не могла добиться права на самостоятельную постановку — подводил «пятый пункт». Ее даже увольняли со студии имени Горького — по официальной версии, там работало слишком много молодежи.

Страдая от антисемитизма «в верхах», Лиознова как могла доказывала свою лояльность власти: работала с идеологически выверенным материалом, выбирала «правильные» темы, стала членом Антисионистского комитета (АКСО).

И в то же время ни к одному ее фильму нельзя в полной мере отнести определение «советский». Виновата в этом как раз стилистическая безупречность картин Лиозновой, совершенно нездешняя выверенность кадра, присущая, скорее, лучшим образцам американского и европейского кино 1960-х. Она работала с «низкими жанрами» — никаких трагедий, саг, эпопей. Но простые вещи рассказывала так, что история обретала объем, позволяла зрителю найти в ней много больше, чем предлагал сюжет. Поэтому «Семнадцать мгновений весны» в последнюю очередь — патриотическое кино. В предпоследнюю — кино о неглупых и обаятельных немцах. А в первую — невозможно красивый постмодернистский рассказ об

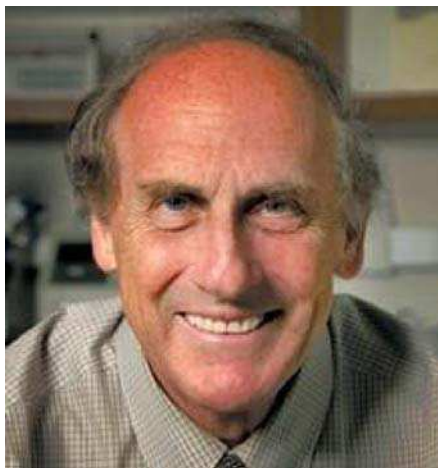
идеальном герое. Совершенное черно-белое кино — в давно уже «цветную» эпоху. Лиознова позволила раскрасить фильм, не предполагая столь бесцеремонного отношения к шедевру. Те, кто сделал это, не понимали, как важен был в этих кадрах «шахматный» контраст. Как неузнанные луковицы, которые они бы наверняка проглядели.

Ī àëŷ Āîë-âê

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2011 ХЕШВАН 5772 – 11(235)

РАЛЬФ ШТЕЙНМАН: ПОСМЕРТНЫЙ НОБЕЛИАТ

אי אדעעאיי-עאיגאנעע דעזיגט א עי יזיגט דאעוּן שוואַעלי אַי אַ אַד אַ ייִפּ-ענדעאָ 30 יאָר אַזאָו, אַ יוֹגיאָו נעבֿ-עניוֹי אַ עראָט אַזאָטע אַזי ייאָנע, אַזאַ ייִגעאָרפּיאַאָ יאַ יזעֿעֿעֿי אַז.

Штейнман умер вечером, после окончания рабочего дня. В выходные семья не стала связываться с представителями Рокфеллеровского университета, где работал покойный. А в понедельник, в первой половине дня, Нобелевский комитет объявил о присуждении Ральфу Штейнману, наряду с еще двумя учеными — американцем еврейского происхождения Брюсом Бойтлером и Жюлем Хоффманом, работающим во Франции уроженцем Люксембурга, — Нобелевской премии за исследования в области иммунологии. Несколько часов спустя Рокфеллеровский университет сделал заявление о смерти Штейнмана.

Как известно, согласно уставу, Нобелевская премия не может быть вручена посмертно, но и процедуры ее отзыва не существует. В этой ситуации Нобелевский комитет проявил мудрость и после непродолжительного совещания объявил, что принятое решение в силе — Штейнман останется лауреатом. 10 декабря на церемонии награждения в Стокгольме его будет представлять кто-то из членов семьи.

Ральф Марвин Штейнман родился в 1943 году в городке Шербрук в Квебеке, где его отец держал галантерейный магазинчик «Mozart's». Он рано определился с выбором профессии и полностью посвятил свою жизнь семье и лабораторным исследованиям. Его биография бедна на внешние события: университет, диссертация, 40 лет работы в престижнейшем Рокфеллеровском университете — главной американской кузнице естественнонаучных кадров (Штейнман стал 24-м нобелиатом среди сотрудников этого заведения). Наверное, это и есть идеальная жизнь ученого, когда биография практически исчерпывается графой «область научных интересов» в CV.

По вечерам Штейнман любил вальсировать с женой — дочери-близняшки подарили родителям несколько уроков танцев, и те увлеклись. Штейнман был идеальным семьянином — об этом говорят все. Он и в науке был однолюбом — еще на постдокторате открыл дендритные клетки и продолжал исследовать их несколько десятилетий: придумал название, установил их функции в иммунной системе, указал пути практического использования. За это и получил все самые престижные награды.

Четыре года назад Штейнману поставили диагноз: рак поджелудочной железы. Борьба с раковыми опухолями была одним из основных направлений деятельности Штейнмана, в его послужном списке есть и премия Института исследования рака. И в собственном лечении, наряду с хирургическим вмешательством и химиотерапией, он использовал экспериментальную иммунотерапию, основанную на открытых им свойствах дендритных клеток. Коллеги по Рокфеллеровскому университету полагают, что эта методика позволила ему продлить свою жизнь на несколько лет.

В «шорт-листе» претендентов на Нобелевку ученый значился давно, и его лауреатство в этом году предсказывали многие. Дочь Штейнмана рассказывала, что накануне смерти он шутил: «Придется дотянуть до понедельника. Если умру — премии не видать». Не исключено, кстати, что родные Штейнмана специально задержали извещение о его смерти — по крайней мере, предположения такие уже звучат. Как бы то ни было, теперь Штейнман войдет в историю науки не только как выдающийся цитолог и иммунолог, но и как единственный ученый, удостоенный Нобелевской премии посмертно.

Yääää I eääééâ

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2011 ХЕШВАН 5772 – 11(235)

יַעֲקֹבֵאלֵ אֵלְעֵנַי אֲדִיָּא

(р. 1961) филолог, литературный критик, журналист, ведущий программ на телеканале «Культура» («Разночтения», «Порядок слов») и радиостанции «Эхо Москвы» («Книжечки»).

דָּוִד אֵי אֲדָאָוִי אֵי (א. 1962)

литературный критик. Автор «Истории советской фантастики» (под именем доктора филологии Р. С. Каца) и детективных романов (под маской Льва Гурского).

אִי־דֵנִי אֲדָאָאֵי יָא (א. 1973)

журналист, музыкальный обозреватель Издательского дома «Коммерсантъ».

אֵאִי עֵאִי עֵי אֵאִי יַעֲקֹבֵאלֵ (א. 1967)

филолог, переводчик, сотрудник Иерусалимского университета.

י אֵבֶאֱיֵאֵאֵ

журналист, кинокритик. Публиковалась в изданиях «Цветной телевизор», «GQ», «Труд».

י אֵעֵנֵי אֵאִי י אֵעֵ (א. 1967)

историк, научный сотрудник и лектор кафедры иудаики ИСАА МГУ.

אֵאֵאֵי עֵבֶ אֲדָאָעֵיֵאֵאֵ

историк изобразительного искусства и архитектуры, арт-критик, журналист. Автор книг «Высокий сталинский стиль», «Агитлак».

עֵעֵי יֵדָאֵיֵדָאָעֵעֵ

прозаик, поэт, переводчик. Лауреат молодежной премии «Триумф» (2003). Автор ряда художественных выставок и проектов.

י עֵאָאָעֵ אֵיֵדָאָעֵעֵ (א. 1946)

эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

אֵעֵאֵי אֲדָאָאֵאֵ

театральный критик, публиковалась в «Коммерсанте», «Итогах», «Еженедельном журнале». С 2007-го — редактор рубрики «Театр» в журнале «Time Out Moscow».

אֵאִי עֵעֵאֵ אֵאֵאֵאֵיֵאֵ (א. 1977)

филолог, поэт, прозаик и литературный критик. Лауреат премии «Дебют» (2000). Публиковался в журналах «Октябрь», «Новый мир» и др.

אֲדָאָאֵ עֵיֵיֵעֵנֵ

филолог, литературовед, эссеист. Публиковалась в журналах «Арион», «XXI», «Слово-Word», «22» и др. Лауреат конкурса сетевой литературы «Art-lito 2000»

עֵיֵבֶ עֵיֵיֵאֵעֵיֵיֵ אֵי

филолог, переводчик (Ш.-Й. Агнон, Й. Амихай, Й.-Х. Бреннер). Автор работ по ивритской литературе, преподаватель Открытого университета Израиля.

אֵאִי עֵנֵי אֲדָאָעֵיֵיֵאֵ (א. 1986)

поэт, литературный критик. Публиковался в журналах «Воздух», «Новое литературное обозрение», в альманахе «Солнце без объяснений» и др. В 2009 и 2010 годах входил в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Поэзия».

אֵאֵאֵי עֵעֵ אֵאֵעֵי (א. 1973)

журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

י אֵעֵדֵ אֵאֵעֵיֵיֵאֵ (א. 1959)

преподаватель истории иудаизма, переводчик и публицист. Автор книг «Владеющий Именем», «Еврейская чертовщина».

עֵעֵיֵבֶ עֵאָדָאֵ (א. 1964)

историк, преподаватель. Сотрудник Центра Чейса по развитию иудаики на русском языке при Еврейском университете в Иерусалиме.

אֵעֵאֵעֵי עֵדֵיֵ אֵעֵ (א. 1955)

музыкальный критик, продюсер, экскурсовод.

עֵדָעֵיֵ אֵיֵ אֵעֵ

журналист, публиковалась в «Известиях», «Vogue», «Time Out», на сайте «OpenSpace» и др.

ÀÒÁÍÀÑÈÈ Ì ÀÌ ÁÁÍÁ (à 1960)

писатель, журналист. Лауреат премий им. Ю. Казакова (2007), И. П. Белкина (2010).

ÁÌ ÈÒÐÈÈ Ì ÀÐÛÐÑÈÑ (à 1981)

старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, исполнительный директор московского офиса Евроазиатского еврейского конгресса.

ÀÈÁÈÑÁÈ Ì ÌÈÐÌ ÕÑÌÁ (à 1965)

литературный и художественный критик, сотрудничает с журналами «Синий диван», «Теория моды», газетой «Ведомости». Арт-обозреватель «Известий».

СÈÌ ÕÈВ Ì СÈÈ

американская писательница, автор романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

ÌÁÈÈÈ Ì ÌÐÒÌ ÌÁÁ

историк, литературовед, доктор философии. Автор-составитель хрестоматии «Быть евреем в России».

ÁÀÈÁÐÈВ Ì ÕÑÒÌÁÁВ

литературный критик, сотрудничает с журналами «Октябрь», «Новый мир» и др. Лауреат «Новой Пушкинской премии» (2008).

Ì ÌÐÁÁÒÁÈ ÐÈÕÈÁÐ (1931–2001)

канадский писатель. Автор более двух десятков книг, в том числе нескольких романов, книг эссе, книг для детей. На русский переведены его романы: «Кто твой враг», «Версия Барни», книга рассказов «Улица».

Ì ÈÒÁÈÈ ÝÁÁÈÛÒÒÁÈÌ (à 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Сотрудничает с «Русским журналом», «Знаменем», «НЛО», газетами «Русская мысль», «Ведомости» и др.